

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»

**Правовое государство:
теория и практика.**
Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит 4 раза в год. (12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:
450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПН № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.

**Редактор англоязычных
текстов:** Юсупова З.А.

**Подписной индекс
в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы»
(Урал-Пресс): 81192**

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

**РАЯНОВ
Фанис Мансурович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Члены редакционного совета

**АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович**

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

**АЗЗУЗ
Кердун**

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

**АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович**

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ДИКАРЕВ
Илья Степанович**

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

**ДОВГАНЬ
Елена Федоровна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

**ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич**

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

**МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**МАКАРОВА
Тамара Ивановна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

**МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович**

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**СЕМИТКО
Алексей Павлович**

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

**ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна**

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

**ШАБУРОВ
Анатолий Степанович**

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

**ЮДИН
Андрей Владимирович**

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

**АГАПОВ
Павел Валерьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

**АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна**

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович**

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

**КАСИМОВ
Тимур Салаватович**

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна**

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТАРАСОВ
Александр Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ФРОЛОВА
Елизавета Александровна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

**ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

**ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The Journal is published 4 times a year. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

131 Dostoevsky str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media Registration number: PI No ΦC77-73609 dated August 31, 2018.

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.

The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

Editorial councilmembers

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Doctor of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilon A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elena M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Elizaveta A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

Aslyam N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa);

Alexey A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technology, Ufa)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

RU

- 5 **Гизатуллин И.А.**
Грани науки уголовного права

**ГЛАВНАЯ ТЕМА:
ГРАНИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА**

- 7 **Наумов А.В., Наумова Ю.Н.**
Выдающийся организатор науки уголовного права (к 70-летию Владимира Сергеевича Комиссарова)
- 15 **Яни П.С.**
О Владимире Сергеевиче Комиссарове (к 70-летию ученого)
- 22 **Лопашенко Н.А.**
Комиссаров: о роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время
- 40 **Коробеев А.И.**
Современное международное уголовное право сквозь призму института международной уголовной ответственности
- 45 **Рарог А.И.**
Военно-уголовное право России: состояние и перспективы
- 53 **Коняхин В.П., Батютина Т.Ю.**
Взгляды профессора Владимира Сергеевича Комиссарова на институт соучастия в преступлении в контексте современного российского, международного и зарубежного уголовного законодательства
- 59 **Филиппов П.А.**
Преступления против порядка управления: взгляд профессора Владимира Сергеевича Комиссарова
- 66 **Бимбинов А.А.**
Социология уголовного права: некоторые выводы о возможных мерах профилактики преступлений пользователей мобильных приложений для знакомств
- 74 **Филатова М.А.**
Сравнительный метод научных исследований в уголовном праве: ошибки в применении
- 84 **Степанов П.П.**
О конструкции состава уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и о практических следствиях определения ее вида
- 97 **Кострова М.Б.**
Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть первая

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

EN

- 5 **Gizatullin I.A.**
Facets of the Science of Criminal Law

**COVER THEME:
FACETS OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW**

- 7 **Naumov A.V., Naumova Yu.N.**
Outstanding organizer of the science of criminal law (in honor of the 70th anniversary of Vladimir Sergeyevich Commissarov)
- 15 **Yani P.S.**
About Vladimir Sergeyevich Commissarov (in honor of the 70th anniversary of the scientist)
- 22 **Lopashenko N.A.**
Commissarov: on the role of the personality in the science of criminal law and the tasks of the doctrine at the present time
- 40 **Korobeev A.I.**
Modern international criminal law through the prism of the institute of international criminal liability
- 45 **Rarog A.I.**
Military criminal law of Russia: its status and prospects
- 53 **Konyakhin V.P., Batyutina T.Yu.**
Views of Professor Vladimir Sergeyevich Commissarov on the institute of complicity in crime in the context of modern Russian, international and foreign criminal legislation
- 59 **Filippov P.A.**
Crimes against the order of governance: the view of Professor Vladimir Sergeyevich Commissarov
- 66 **Bimbinov A.A.**
Sociology of criminal law: some conclusions on possible crime prevention measures among users of mobile dating applications
- 74 **Filatova M.A.**
Comparative method of research in civil law: errors in application
- 84 **Stepanov P.P.**
On the design of corpus delicti of criminally punishable illegal entrepreneurship and the practical implications of determining its type
- 97 **Kostrova M.B.**
Legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, and the possibility of using foreign experience to correct them. Part one.

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

- 107 Глушкова С.И., Ислентьев С.О.
Политико-правовое наследие М.М. Сперанского
в прошлом и настоящем России:
основные идеи и подходы

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 120 Арутюнян М.С., Курбанов Д.А., Самигуллин Р.М.
К вопросу о нормативном закреплении
правового режима геопарков в России
- 131 Русин С.Н.
Формирование экологической политики
в условиях современных вызовов
- 141 Рьльская Н.С.
Некоторые вопросы
административно-территориального устройства
Российской Федерации на современном этапе

**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- 149 Баймолдина З.Х.
Гражданское судопроизводство
в Республике Казахстан: новеллы и тенденции

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 156 Зайнуллин Р.И.
Перспективы развития частных
криминалистических учений
о личности несовершеннолетнего
участника уголовного судопроизводства
- 160 Ильяхов А.А.
Ошибки, допускаемые адвокатом в ходе
судопроизводства по уголовным делам,
подлежащим рассмотрению судом с участием
присяжных заседателей, и приемы тактического
характера, повышающие эффективность
его правозащитной деятельности
- 168 Лифанова М.В.
Убийство по просьбе потерпевшего:
этико-правовые вопросы эвтаназии
- 175 Россинский С.Б.
О полицейской природе оснований задержания
подозреваемого
- 182 Саетгареева А.А.
Законность изъятия предметов, документов
в ходе оперативно-розыскных мероприятий
по делам о преступном сообществе
- 187 Шарипова А.Р.
Конвергенция процессуального права –
перспектива для уголовного процесса

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES**

- 107 Glushkova S.I., Islentyev S.O.
Political and legal heritage of M.M. Speransky
in the past and present of Russia:
main ideas and approaches

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 120 Arutyunyan M.S., Kurbanov D.A., Samigullin R.M.
To the issue of normative regulation
of the legal regime of geoparks in Russia
- 131 Rusin S.N.
Environmental policy formation in the context
of contemporary challenges
- 141 Rylskaya N.S.
Some issues of the administrative-territorial
structure of the Russian Federation
at the present stage

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 149 Baimoldina Z.Kh.
Civil proceedings in the Republic of Kazakhstan:
innovations and trends

CRIMINAL LAW SCIENCES

- 156 Zainullin R.I.
Prospects for developing private
criminalistic doctrines on the personality
of a minor participant in criminal proceedings
- 160 Ilyukhov A.A.
Errors committed by the lawyer
in criminal proceedings
to be tried by a jury and tactical
techniques that increase
the effectiveness of his advocacy activities
- 168 Lifanova M.V.
Murder at the victim's request: ethical
and legal issues of euthanasia
- 175 Rossinsky S.B.
On the police nature of the grounds for detaining a
suspect
- 182 Saetgareeva A.A.
Legality of seizure of items and documents
in the course of operational searches
in cases concerning criminal association
- 187 Sharipova A.R.
Convergence of procedural law –
a perspective for criminal procedure

ГРАНИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

FACETS OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет третий в этом году номер журнала «Правовое государство: теория и практика», главную тему которого мы обозначили как «Грани науки уголовного права».

Формирование тематических выпусков, давно став обыкновением редакционной политики нашего журнала, зачастую представляет собой не только формальный способ обсудить конкретную проблему отрасли российского права, но и нередко является прекрасным поводом в очередной раз собрать в одном номере единомышленников и наших друзей-ученых, коих у Института права Уфимского университета науки и технологий много. Настоящий номер как раз о первом и о втором.

От имени редакции журнала выражаю благодарность всем авторам, подготовившим свои публикации для данного номера, и лично профессору кафедры уголовного права и процесса, кандидату юридических наук Марине Борисовне Костровой, ставшей инициатором и организатором главной темы.

Выбор названия темы обусловлен двумя взаимосвязанными соображениями.

Во-первых, этот тематический раздел журнала посвящен семидесятилетию Владимира Сергеевича Комиссарова (1953–2017) – доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации. Владимир Сергеевич Комиссаров по праву занимает особое место в российской науке уголовного права в силу многогранности его деятельности не только «в науке» – как крупного ученого, внесшего личный (теоретический) вклад в нее, но и «для науки» – как выдающегося организатора науки уголовного права и ее лидера. Его семидесятилетний юбилей является хорошим поводом на страницах журнала вспомнить об этом незаурядном человеке и его многогранной деятельности во благо науки уголовного права, а также выразить ему признательность за многолетнюю «научную» дружбу с кафедрой уголовного права и процесса нашего института.

Во-вторых, представленные в этом тематическом разделе публикации известных российских ученых действительно иллюстрируют многогранность науки уголовного права. Будучи объединенными желанием написать свои статьи в память о Владимире Сергеевиче Комиссарове, авторы сделали это так по-разному, что в общем и целом им удалось высветить многие, порой необычные, грани науки уголовного права. В этом можно убедиться только по заголовкам статей, вошедших в тематический раздел, а при внимательном их прочтении читатель увидит науку уголовного права во всем многообразии проявлений ее граней. Это и наука в ее классическом понимании как система знаний и как деятельность, направленная на выработку, систематизацию и приращение знаний, исследование хотя и «вечных», но остающихся актуальными отраслевых проблем (статьи В.П. Коняхина и Т.Ю. Батютиной, П.А. Филиппова, частично – П.С. Яни). Это и наука на острие актуальных проблем современности, вызванных как геополитической обстановкой (статьи А.И. Рарога и А.И. Коробеева), так и появлением новых криминальных угроз (статья А.А. Бимбинова). Это и наука, раздвигающая свои собственные горизонты путем исследования совершенно необычных явлений в сфере уголовного права (и необычным способом тоже), осмысления своего места вменяющемся мире и прогнозирования своего дальнейшего пути (статья Н.А. Лопашенко). Это и наука, не стесненная пределом национального уровня объектов исследования, что превращает ее в сравнительное уголовное право, потенциал которого безграничен (статья М.А. Филатовой). Это и наука практикоориентированная, путем теоретических изысканий стремящаяся принести пользу правоприменительной практике (статья П.П. Степанова). Это и наука – боец за «онаучивание» уголовного законодательства, защитница Уголовного кодекса РФ от многочисленных социально, криминологически и научно необоснованных реформ (статьи М.Б. Костровой, частично – А.В. Наумова и Ю.Н. Наумовой). Наконец, это и наука как коммуникация ученых в самых разных ее формах, в том числе и необычных, созданных организаторским талантом В.С. Комиссарова (статьи А.В. Наумова и Ю.Н. Наумовой, частично – П.С. Яни). И конечно же, это и наука как сообщество ученых, занимающихся единой отраслевой уголовно-правовой проблематикой, в котором каждый «сообщник» уникален и вносит свой вклад в ее развитие (все статьи).

Вот так и сложились «Грани науки уголовного права», за что редакция журнала выражает искреннюю благодарность всем авторам тематического раздела.

*Главный редактор журнала
кандидат юридических наук
Ирек Альфредович Гизатуллин*

ГРАНИ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

FACETS OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW

Персоналии
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.1

Original article

НАУМОВ Анатолий Валентинович
Университет прокуратуры Российской
Федерации, Москва, Россия;
e-mail: yasenaum34@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4719-8929>

NAUMOV Anatoly Valentinovich
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Moscow, Russia.

НАУМОВА Юлия Николаевна
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России), Москва, Россия;
e-mail: naumyn73@mail.ru

NAUMOVA Yulia Nikolaevna
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russia.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ОРГАНИЗАТОР НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА (К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА КОМИССАРОВА)*

OUTSTANDING ORGANIZER OF THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW (IN HONOR OF THE
70TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV)

Аннотация. В статье, посвященной 70-летию ученого, рассматривается многогранная деятельность Владимира Сергеевича Комиссарова по организации науки уголовного права. Выделены основные направления, раскрывающие его роль в организации науки уголовного права на разных официальных и неофициальных постах: заведующего кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, председателя секции уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения по юридическому образованию высших учебных заведений России, председателя Российского конгресса уголовного права. Содержание, масштаб и результативность деятельности Владимира Сергеевича Комиссарова в обозначенных направлениях характеризуют его как выдающегося организатора науки уголовного права.

Abstract. In the article devoted to the 70th anniversary of the scientist, the multifaceted activity of Vladimir Sergeyevich Komissarov on the organization of the science of criminal law is considered. The article highlights the main directions revealing his role in the organization of the science of criminal law in different official and unofficial positions: Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, Chairman of the Section of Criminal Law and Criminology of the Educational and Methodological Association for Legal Education of Higher Educational Institutions of Russia, Chairman of the Russian Criminal Law Congress. The content, scope and effectiveness of Vladimir Sergeyevich Komissarov's activities in the above areas characterize him as an outstanding organizer of the science of criminal law.

©Наумов А.В., Наумова Ю.Н., 2023

Статья основана на личных воспоминаниях авторов, а также на информации, размещенной на сайтах: Российский конгресс уголовного права : сайт юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.msu.ru/pages/rossiyskiy_kongress_ugolovnogogo_prava_krimin (дата обращения: 23.06.2023) ; Памяти Владимира Сергеевича Комиссарова : сайт юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.msu.ru/pages/pamyati_vladimira_sergeevicha_komissarova_936 (дата обращения: 23.06.2023).

Ключевые слова: наука уголовного права, организация науки, Владимир Сергеевич Комиссаров, Российский конгресс уголовного права

Для цитирования: Наумов А.В. Выдающийся организатор науки уголовного права (к 70-летию Владимира Сергеевича Комиссарова) / А.В. Наумов, Ю.Н. Наумова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 7–14

Keywords: science of criminal law, organization of science, Vladimir Sergeyevich Komissarov, Russian Criminal Law Congress

For citation: Naumov A.V., Naumova Yu.N. Outstanding organizer of the science of criminal law (in honor of the 70th anniversary of Vladimir Sergeyevich Commissarov). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 7–14 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.1.

Собственные научные (теоретические) заслуги Владимира Сергеевича Комиссарова очевидны. Он один из известных авторов научных работ, посвященных теоретическим основам уголовной ответственности за преступления против общественной безопасности [1; 2; 3], автор и соавтор многочисленных статей в юридических журналах и сборниках по самым разным актуальным проблемам уголовного права: уголовной политики, качества уголовного закона, уголовного наказания, соучастия в преступлении, противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в области незаконного оборота наркотических средств, в сфере предпринимательской деятельности и т. д.¹ Всего им опубликовано около 160 научных работ. И это не считая учебной литературы, поскольку В.С. Комиссаров руководил изданиями многих учебников и учебных пособий по уголовному праву, в том числе и известного кафедрального пяти-томного «Курса уголовного права» (2002), при этом был их соавтором.

Нельзя не отметить и то, что В.С. Комиссаров создал целую научную школу. Под его руководством были защищены 14 кандидатских и 6 докторских диссертаций, и до последних своих дней он продолжал руководить научными исследованиями своих аспирантов и докторантов.

Также Владимир Сергеевич принимал активное участие в работе целого ряда научных и научно-практических изданий. Он был членом редакционных коллегий журналов: «Вестник Московского университета.

Серия 11: Право», «Черные дыры российского законодательства», «Законодательство», «Уголовное право», «Международное уголовное право и международная юстиция», международного научного журнала «Наука и жизнь Казахстана». С 2011 г. он являлся ответственным редактором серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса» издательства «Юридический центр «Пресс»» (Санкт-Петербург).

Научный авторитет В.С. Комиссарова подтверждает и тот факт, что он входил в экспертный совет ВАК (с 2004 г.). Этим же, а также активной жизненной позицией объясняется его востребованность наиболее значимыми законодательными, судебными и правоохранительными органами страны. Владимир Сергеевич являлся членом рабочей группы по разработке Уголовного кодекса РФ, в разные годы, но в целом довольно длительный период (начиная с 1993 г.) был членом экспертного совета Государственной Думы, научно-экспертного совета, созданного при Совете Федерации Федерального Собрания РФ, Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, Научно-консультативного совета Следственного комитета РФ. Однако личным вкладом в науку уголовного права, в научное обеспечение законотворческой и правоприменительной практики деятельность Владимира Сергеевича Комиссарова не исчерпывается.

Неоспоримы его заслуги в сфере развития отечественной науки уголовного права в целом и в особенности его важная роль в этом как организатора. Дело в том, что вовсе не каждый «преуспевающий» в создании собственных научно-теоретических произведений ученый одновременно является и успешным организатором науки, создателем авторских коллективов и их научным руководителем. В послед-

¹ С внушительным, хотя и неполным перечнем научных работ В.С. Комиссарова можно ознакомиться в профиле автора в системе «ИСТИНА» (<https://istina.msu.ru/profile/komissarov>) и на российском информационно-аналитическом портале eLIBRARY.RU (https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=348849).

ние годы вошло в моду слово «менеджер». Так вот, с точки зрения успешности его организаторской роли и деятельности с этим все в норме, но тем не менее такое определение к В.С. Комиссарову не совсем применимо. Менеджер – это все-таки «управленец», лишенный приверженности (не говоря уже о любви) к содержанию, смыслу и идеологии привлекавшей его управленческой деятельности. Владимир Сергеевич же всегда оставался пламенным патриотом уголовного права, а последнее было по-настоящему проявлением его отраслевой (в юридической доктрине) принадлежности и «привязанности». Наука управления была для него «фоном» (методом), а проблемы отраслевой науки – ее «стержнем», определяющим постановку конкретных целей и задач.

Остановимся на трех наиболее, на наш взгляд, важных направлениях его организаторской деятельности, к числу которых относятся следующие. Во-первых, многолетнее руководство кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Во-вторых, длительное по времени руководство им секцией уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения по юридическому образованию высших учебных заведений России (далее – УМО). И в-третьих, столь же длительное руководство им Российским конгрессом уголовного права как в межконгрессионный период, так и во время его ежегодных созывов, проводившихся на базе кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ.

Рассмотрим содержание указанных направлений научно-организаторской деятельности Владимира Сергеевича.

1. В июне 2000 г. В.С. Комиссаров становится заведующим кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ, которую будет возглавлять семнадцать лет (и только внезапная смерть оборвала выполнение им должностных обязанностей). При этом с 1998 по 2003 г. он занимал должность заместителя декана юридического факультета по научной работе; эта деятельность, конечно же, была тесно связана с исполнением им должности заведующего кафедрой уголовного права и криминологии.

За семнадцать лет руководства кафедрой, помимо, естественно, организации учебной работы, усилиями В.С. Комиссарова были созданы многие ее научные направления. Так, под его руководством на кафедре были созданы Научно-образовательный центр по сравнительному и международному уголовному праву им. Н.Ф. Кузнецовой и Научно-образовательный центр «Проблемы уголовно-исполнительного права им. Ю.М. Ткачевского». Осенью 2017 г., уже после кончины В.С. Комиссарова, был создан третий научно-образовательный центр – криминологических исследований, о необходимости которого он говорил еще при жизни. И в этом еще одна характерная черта Владимира Сергеевича: будучи организатором науки уголовного права, он не обделял вниманием и науки смежные, много сделал и для них.

Следует отметить, что, будучи заведующим кафедрой, В.С. Комиссаров успешно развивал и укреплял ее международные связи, что важно и полезно как для собственно отечественной науки, так и для ее продвижения на международный уровень. С учеными многих стран – Китая, Сербии, Македонии, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси, республик Прибалтики, Закавказья и других – у кафедры сложились не только профессиональные, но и дружеские отношения. С 2009 г. В.С. Комиссаров являлся вице-президентом Международного форума по проблемам преступности и уголовного права в эпоху глобализации (Китай), в 2014 г. был избран членом совета директоров Международной ассоциации уголовного права (МАУП).

Появились новые, развивались и укреплялись «старые» научные связи кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ и с «родственными» кафедрами других вузов нашей страны. И не только благодаря УМО.

Уже в самом начале руководства В.С. Комиссаровым кафедрой родилась идея проведения ежегодной международной научно-практической конференции по уголовному праву как постоянного научного форума, объединяющего специалистов в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии – представителей учебных и научных заведений, практических работников России

и зарубежных стран (основное направление – уголовно-правовое). Эта идея была воплощена в жизнь совсем скоро: в 2001 г. состоялась первая такая конференция – «Уголовное право в XXI веке». Она имела большой успех и была очень представительной: более 150 участников, в их числе ученые из самых разных регионов страны – представители вузовской и академической науки, практические работники, ученые из стран ближнего и дальнего зарубежья (Македонии, Болгарии, Кыргызстана, Таджикистана, Молдовы, Беларуси и др.).

Еще четыре таких конференции были организованы и проведены в 2002–2005 гг., об их практической значимости для отечественной науки уголовного права (и зарубежной науки тоже) говорят сами их названия (из которых следует и круг обсуждаемых актуальных вопросов): «Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы», «Международное и национальное законодательство: проблемы юридической техники», «История развития уголовного права и ее значение для современности», «Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы». Все они, как и первая конференция, были столь же представительными и по составу российских участников (в них принимали участие как маститые ученые – ведущие представители отечественной науки уголовного права, так и молодые исследователи, а также практики), и по географии (от Владивостока до Архангельска). И международное представительство на таких конференциях усилилось: немало участников приезжало из Венгрии, Словении, Словакии, Греции, Франции, США, Германии, Италии и многих других стран, солидные делегации были представлены Китаем и Сербией. Участие в этих конференциях давало ученым, занимающимся проблематикой уголовного права (а также криминологии и уголовно-исполнительного права), возможность встретиться, вынести на обсуждение коллег по науке свое видение какой-то проблемы и путей ее решения, обменяться мнениями, подискутировать, завязать новые и укрепить старые научные связи.

Конечно, подготовка и проведение столь солидного и масштабного ежегодного научного мероприятия осуществлялись совместными усилиями сотрудников кафедры, но его

организатором, идейным вдохновителем и руководителем всегда выступал Владимир Сергеевич Комиссаров.

2. В 2000 г. В.С. Комиссаров возглавил секцию уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию вузов России, став ее председателем. За годы руководства ему удалось превратить секцию в одно из наиболее профессиональных и успешных структурных подразделений объединения. В состав секции входили наиболее именитые, видные представители науки уголовного права, преимущественно вузовской. Это давало возможность строить работу секции по двум взаимосвязанным направлениям: учебно-методическому и научному. Соответственно, на заседаниях обсуждались вопросы не только юридического образования, но и науки уголовного права.

Традиционно в повестку дня заседания секции включались вопросы научного и научно-прикладного характера, например: о реформировании отечественного уголовного законодательства, о ближайших и отдаленных перспективах его развития; об актуальных проблемах уголовного права в России; о юридическом значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ; о проблемах борьбы с коррупцией; о разработке модельных норм УК.

Годы проходят, летят и сейчас, например, творческая молодежь плохо представляет себе, что такое УМО и чем оно было знаменито. И, пожалуй, самое главное заключалось в том, что рекомендация УМО открывала дорогу к изданию учебников, монографий, комментариев к УК РФ. Это был своего рода допуск («пропуск») к их опубликованию в наиболее престижных издательствах, что важно для ученого.

Заслуживает внимания и проблематика выносимых на обсуждение УМО научных докладов и сообщений учебно-методической направленности. Назовем лишь некоторые: обзор содержания и качества издаваемых учебников по уголовному праву и криминологии и рекомендации по их совершенствованию, проблемы преподавания международного уголовного права, проблемы преподавания уголовного права зарубежных государств и другие актуальные аспекты преподавания этих дисциплин в вузах.

При этом на заседаниях секции уголовного права и криминологии под руководством В.С. Комиссарова обсуждались не только текущие учебно-методические вопросы преподавания уголовного права и смежных дисциплин, учебные и методические материалы, но и концептуальные проблемы высшего юридического образования в стране. Конечно же, наука не могла оставаться в стороне от них. Сошлемся лишь на две достаточно знаковые «истории».

Одно из важных для отечественного образования событий произошло лишь в этом году и только под воздействием новых геополитических условий, заключающихся в противостоянии Западу (США – НАТО, Евросоюз, руководство крупнейших стран Европы) не только в условиях ставшего привычным санкционного давления на Россию, но уже и по-настоящему военного (с применением современных видов оружия) воздействия с целью уничтожения русскоязычного населения на Донбассе и других территориях Украины. Объяснение этих событий (их причины) исчерпывающе содержится в известных посланиях и комментариях Президента РФ В.В. Путина. И только в этих условиях Россия наконец-то освободилась от навязанной «соросовскими» авторитетами так надоевшей всем нам Болонской системы высшего образования. Так вот, эта проблема обсуждалась еще в 2001 г. на заседании УМО в Екатеринбурге (докладчиком был И.Я. Козаченко). И не только обсуждалась, но и была принята принципиальная рекомендация о вредности Болонской системы для нашей страны, для системы высшего юридического образования. Напомним, что это было 22 года назад! Кстати говоря, при обсуждении данной проблемы подчеркивалось явно ложное квазипреимущество такой системы. Дело в том, что она преподносилась как какое-то невероятное «благо» для российских студентов. Можно, видите ли, учиться в каком-либо провинциальном вузе, и после официального вхождения в Болонскую систему любой студент будто бы получал право на продолжение учебы в престижнейших вузах мира (хочет в Гарвард – пожалуйста, в Сорбонну – без проблем). Разумеется, это было чистое лицемерие. Переход в эти и другие западные вузы определялся вовсе не пребыванием страны в Болон-

ской системе, а чисто экономическим положением (состоянием) студента и его родителей.

Обсуждалась и проблема, которая впоследствии обострилась во время недавней пандемии в связи с введением дистанционных форм обучения, до сих пор почему-то замалчиваемая. Преподаватель в этих условиях был поставлен в жесткие рамки постоянного обновления «параметров» корректировки своих вузовских (кафедральных) программ. И ему, то есть преподавателю, было не до занятия наукой, так как времени хватало только и именно на корректировку соответствующих программ. Так вот, на УМО в 2001 г. данный вопрос решался следующим образом. Вспомнили советский опыт составления соответствующих учебных программ не каждым вузом, кафедрой, преподавателем, а разработки примерных общесоюзных программ одним из ведущих вузов страны (в те времена чаще всего – МГУ, ВЮЗИ, ЛГУ). Почему бы не вернуться к этому проверенному жизнью опыту и не избавить нынешнего преподавателя от ненужной рутинной работы, вернуть ему свободу как педагогу!? Дело в том, что наличие принятой примерной программы вовсе не лишало (вуз, кафедру, преподавателя) возможности дополнения ее по определенным вопросам, вызванным спецификой собственных научных исследований.

В заключение освещения этого направления организационной деятельности В.С. Комиссарова укажем, что при нем традиционными стали выездные заседания секции в разных учебных заведениях России, и география их проведения весьма внушительна. Например, УМО проводилось на Соловецких островах, на родине М.В. Ломоносова, на Камчатке (с посещением известной Долины гейзеров), на Дальнем Востоке (Приморье). С одной стороны, это, по хорошему счету, было разнообразностью «научного туризма». С другой стороны, давало возможности для расширения научной коммуникации и установления новых научных связей, так как всякий раз к работе УМО привлекались местные научные организации и практические работники. Правда, один маршрут Владимир Сергеевич не успел осуществить. С ним была договоренность о проведении УМО на Колыме как своего рода «покаяния» уголовно-правовой науки пе-

ред жертвами ГУЛАГовской системы. Но, увы, осуществить эту цель Владимир Сергеевич не успел – помешала его внезапная смерть.

3. Важным (по нашему мнению, главным) аспектом организаторской научной деятельности В.С. Комиссарова были инициирование и организация знаменитого Российского конгресса уголовного права и последующее руководство им.

В 2006 г. по инициативе Владимира Сергеевича на смену международной научно-практической конференции пришел Всероссийский конгресс по уголовному праву, явившийся ее логическим продолжением. Первый такой конгресс «Конституционные основы уголовного права» состоялся в 2006 г. и собрал около 250 участников из более чем 50 учебных заведений, научно-исследовательских и практических учреждений России и зарубежья.

В 2007 г. прошел II конгресс «Системность в уголовном праве». На нем, помимо обсуждения «чисто» научных проблем, были также решены важные организационные вопросы: принят Устав конгресса, избраны президент (В.С. Комиссаров), вице-президент и ученый секретарь, принято решение об утверждении нового наименования конгресса – Российский конгресс уголовного права, с его созывом по мере необходимости, но не реже одного раза в два года.

В 2008 г. состоялся III конгресс «Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-правовые аспекты», на котором впервые в его истории помимо работы в режиме пленарного заседания была организована работа по секциям: «Уголовное право. Общая часть», «Уголовное право. Особенная часть», «Криминология и уголовная политика», «Международное и зарубежное уголовное право». В его рамках была создана и новая форма творческой научной дискуссии – международный круглый стол на тему «Уголовная ответственность юридических лиц», соучредителями которой были две стороны: посольство США в Российской Федерации и юридический факультет МГУ (по уровню дискуссий и количеству участвующих в ней лиц это был один из самых интересных форумов конгресса). Важная деталь: на этом конгрессе был обсужден вопрос о месте учебной дисциплины криминологии

в новом образовательном стандарте Министерства образования и науки РФ. По результатам обсуждения была принята резолюция, целью которой было донести до органов власти, что данная дисциплина должна входить в перечень обязательных. Позже совместными усилиями Российского конгресса уголовного права и Российской криминологической ассоциации под председательством А.И. Долговой велась активная работа по изменению статуса криминологии, этот вопрос стал предметом обсуждения на парламентских слушаниях в Совете Федерации в 2013–2014 гг. В результате криминологию удалось вернуть в программу юридических вузов.

IV конгресс, прошедший в 2009 г., был посвящен теме «Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии».

В 2010 г. состоялся V конгресс «Научные основы уголовного права и процессы глобализации» (прошедший после празднования 65-летия Великой Победы народов СССР и других стран над фашизмом). На нем, помимо традиционных заседаний секций, был проведен международный круглый стол на тему «Противодействие криминальным угрозам современному бизнесу: неправомерное использование инсайдерской информации и рейдерства», в рамках которой выступили ведущие специалисты России, а также зарубежные ученые и практики из Японии, США и Швейцарии. В ходе работы конгресса прошла презентация нового сравнительного исследования уголовного права России и Китая как итога совместной многолетней работы ученых этих стран и совместных учебников по криминологии, подготовленных учеными России и Казахстана.

Не имея возможности в рамках настоящей публикации осветить все аспекты работы всех конгрессов, круг обсуждаемых вопросов и их содержание, появившихся новых «внутриконгрессных» форм научных коммуникаций и т. п., отметим лишь, что в дальнейшем при жизни Владимира Сергеевича Комиссарова были организованы и проведены еще пять конгрессов уголовного права:

1) в 2011 г. – VI конгресс «Уголовное право: история, реалии, переход к устойчивому раз-

виту», посвященный памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Нинель Фёдоровны Кузнецовой;

2) в 2012 г. – VII конгресс «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (под эгидой Ассоциации юристов России и Общественной палаты РФ);

3) в 2013 г. – VIII конгресс «Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее»;

4) в 2014 г. – IX конгресс «Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен»;

5) в 2016 г. – X конгресс «Криминологические основы уголовного права», он был юбилейным, так как состоялся в год 20-летия принятия УК РФ и 10-летия начала проведения конгрессов.

Все эти конгрессы, так же как и первый, были весьма представительными и по количеству участников, и по «географии»: в их работе приняли участие представители разных стран и регионов России – ученые и практики. И конечно же, как и во времена конференции – предшественницы Российского конгресса уголовного права, подготовка и проведение ставшего еще более солидным и масштабным научного мероприятия осуществлялась совместными усилиями сотрудников кафедры, но его организатором, идейным вдохновителем и руководителем с самого начала и до конца всегда был В.С. Комиссаров.

В 2017 году Владимира Сергеевича не стало.

Дело его жизни продолжили коллеги-единомышленники по кафедре и ученики. И еще три конгресса – в 2018, 2020 и 2022 г. – прошли, увы, уже без его участия. XI конгресс «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной науки», состоявшийся в 2018 г., был посвящен памяти его основателя – Владимира Сергеевича Комиссарова.

В завершение характеристики данного направления деятельности В.С. Комиссарова в организации науки уголовного права поясним, почему мы считаем именно это направление главнейшим.

Не умаляя значимость всех иных проводимых в нашей стране конференций по уголов-

ному праву, хотим подчеркнуть следующее. Сначала международная научно-практическая конференция по уголовному праву, а затем и Российский конгресс уголовного права, проводимые в главном вузе страны – МГУ, стали действительно важным атрибутом современной юридической жизни России (и не только в сфере «жизни» уголовного права). Но Российский конгресс уголовного права, в отличие от других подобных научных и научно-практических мероприятий, ставит перед собой более масштабные задачи: «...2. Сделать Российский конгресс уголовного права постоянно действующим корпоративным институтом сохранения и преумножения интеллектуального потенциала. 3. Считать основной задачей Конгресса системное изучение уголовного законодательства и практики его применения в целях его наиболее эффективного использования в борьбе с преступностью» (из резолюции первого Всероссийского конгресса по уголовному праву). При этом Конгресс – это не только научный симпозиум в его традиционном понимании, на котором делаются научные доклады, проходят обсуждения научных проблем, идут научные дебаты и т. п. По замыслу В.С. Комиссарова и его соратников, статус Российского конгресса уголовного права должен привлечь больше внимания к принимаемым на этом научном форуме решениям, и к его резолюциям у высших органов страны будет особо внимательное и аккуратное отношение, а главными адресатами этих резолюций должны стать Федеральное Собрание и Президент РФ. И этот замысел последовательно воплощался в жизнь: Владимир Сергеевич, будучи одним из активных защитников Уголовного кодекса РФ от многочисленных научно необоснованных реформ, доводил совместно с коллегами резолюции Российского конгресса уголовного права до всех значимых инстанций (когда это получалось в меру его возможностей).

Такова (в самой краткой форме) «летопись» основных выполненных под руководством Владимира Сергеевича Комиссарова организационных свершений на поприще служения науке уголовного права, что дает все основания считать его выдающимся организатором науки уголовного права.

Список источников

1. Комиссаров В.С. Уголовная ответственность за бандитизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1983. – 194 с.
2. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1997. – 214 с.
3. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ / В.С. Комиссаров. – Москва : Кросна-Лекс, 1997. – 159 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наумов Анатолий Валентинович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник;

Наумова Юлия Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Naumov Anatoly Valentinovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief;

Naumova Yulia Nikolaevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

References

1. Komissarov V.S. Criminal liability for banditry. Cand. Diss. Moscow, 1983. 194 p.
2. Komissarov V.S. Crimes that violate general safety rules: concept, system, general characteristics. Doct. Diss. Moscow, 1997. 214 p.
3. Komissarov V.S. Terrorism, banditry, hostage-taking and other serious crimes against public safety under the new Criminal Code of the Russian Federation. Moscow, Krosna-Leks Publ., 1997. 159 p.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2

Original article

ЯНИ Павел Сергеевич
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: pavel_yani@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4585-8679>

YANI Pavel Sergeevich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

О ВЛАДИМИРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ КОМИССАРОВЕ (К 70-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО)

ABOUT VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV (IN HONOR OF THE 70TH
ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)

Аннотация. В статье, посвященной 70-летию заведующего кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, председателя Российского конгресса уголовного права В.С. Комиссарова, раскрывается его роль создателя формальных и неформальных объединений ученых-криминалистов в целях установления и укрепления сложной системы научных и личных коммуникаций представителей уголовно-правовой науки. Анализируются взгляды этого видного теоретика уголовного права на разрабатываемый им институт соучастия в преступлении.

Ключевые слова: уголовное право, Российский конгресс уголовного права, взаимозависимость науки и практики, соучастие в преступлении, провокационно-подстрекательская деятельность

Для цитирования: Яни П.С. О Владимире Сергеевиче Комиссарове (к 70-летию ученого) / П.С. Яни. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 15–21

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of Professor V.S. Komissarov, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Chairman of the Russian Criminal Law Congress. The article reveals his role as a creator of formal and informal associations of criminal scientists to establish and strengthen the complex system of scientific and personal communications of representatives of criminal law science. The article analyzes the views of this prominent theorist of criminal law on the institute of complicity in crime developed by him.

Keywords: criminal law, Russian Criminal Law Congress, interdependence of science and practice, complicity in crime, provocation and incitement activities

For citation: Yani P.S. About Vladimir Sergeyevich Komissarov (in honor of the 70th anniversary of the scientist). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 15–21 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.2.

И. Известный большинству специалистов в области уголовного права как председатель Российского конгресса уголовного права, его вдохновитель и устроитель, а многим ученым-криминалистам – как председатель секции уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения (УМО) по юридическому образованию вузов России и организатор ежегодных выездных заседаний секции, охвативших множество региональных научных центров России, Владимир Сергеевич был создателем еще одного, совсем небольшого объединения, собравшего полтора десятка ярко заявлявших о себе в уголовно-правовой среде ученых, так или иначе (часто – ретроспективно: окончили наш вуз, учились в аспирантуре) связанных с юридическим факультетом МГУ или особенно активно сотрудничавших с возглавляемой им секцией УМО.

Образованный его энергией в конце 1990-х «профессорский клуб», как мы его в шутку называли, проявлял себя веселыми московскими собраниями, в том числе завершавшими ежегодный Конгресс, постоянным обсуждением разнообразных проблем, научных и всяких, и даже изданием воспоминаний об учителях [1]¹. И все это развивалось до того времени, пока ухудшающееся здоровье больше не позволило Владимиру Сергеевичу выступать в роли инициатора нашей коллаборации. А среди нас того, кто стал бы в этом его преемником, подхватил бы, так сказать, зная, увы, не нашлось. Тем не менее значимость нашего многолетнего товарищества под его водительством оказалась весьма велика, и вот почему.

Создавая личными усилиями для перманентного общения очень нужные тогда – и ему, и всем нам – формальные и неформальные группы ученых, В.С. Комиссаров сыграл огромную роль в установлении и укреплении сложной системы научных и личных коммуникаций представителей уголовно-правовой науки, и переоценить эту роль нельзя!

Сейчас уже трудно представить себе, что профессора, десятилетиями «выращивавшие» на одном «поле» наш научный «агропродукт», за всю свою подчас долгую жизнь – причем

¹ В сборнике «Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека» статья В.С. Комиссаров посвящена Г.А. Кригеру, моя статья «О личности ученого» – Н.Ф. Кузнецовой и, по сути, написана при ее непосредственном участии.

даже в столице! – могли не состоять в хотя бы самом поверхностном знакомстве, которое позволяло бы при необходимости выйти друг с другом, как говорят, на контакт. И в прежние, «доконгрессные», времена вполне могло так случиться, что представители уголовно-правовой науки, работавшие в разных – например, ведомственных и, так сказать, гражданских вузах или научных институтах – могли никогда не то чтобы не встречаться, но, будучи участниками конференций, научных советов и т. п., не устанавливать друг с другом более или менее прочные связи.

Характерный случай: когда в 2005 г. Ю.И. Ляпунов² опубликовал в журнале «Уголовное право» статью [2], в которой поддержал Н.Ф. Кузнецову³ в одной из главных ее научных идей о том, что «понимание состава преступления лишь как модели, законодательного описания преступления стирает различие между составом преступления и диспозицией уголовно-правовой нормы и низводит его только до значения юридического признака преступления – противоправности» [3, с. 23], Нинель Федоровна попросила меня как главреда издания, тесно общающегося с авторами, особенно нашими «стариками», связать – по сути, познакомить – ее с Юрием Игнатьевичем, чтобы выразить ему свою благодарность. То есть «монбланы отечественной юриспруденции» не были настолько знакомы, чтобы поговорить без такого вот посредничества! И это несмотря на то, что они должны были периодически «пересекаться» на разных мероприятиях, например, на заседаниях уголовно-правовой секции Научно-консультативного совета при Верховном Суде России, в которую оба долгие годы входили⁴.

А что означало отсутствие широких и крепких лично-научных связей? Обеднение научного диспута, когда для участия в конференциях

² Профессор Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

³ Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР в области науки, заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.05.1996 № 3 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/7760/> (дата обращения: 11.08.2023).

и круглых столах, в качестве рецензентов монографий и оппонентов по диссертациям приглашались специалисты вузов и научных институтов преимущественно своего круга.

Очевидно, что подвижническая деятельность В.С. Комиссарова стала мощным тараном, разрушающим барьеры, непредумышленно, но оттого не менее прочно воздвигаемые ведомственной, региональной, возрастной и прочей разобщенностью ученых-криминалистов. Благодаря постоянным нашим «тусовкам»⁵: Конгрессу, заседаниям секции УМО, «профессорскому клубу», – в многолетнее существование которых В.С. Комиссаров вложил свой огромный организаторский талант, мы, теперь сами становящиеся или ставшие академическими «стариками», легко находим возможность обратиться в рамках научного общения практически к любому коллеге, подвизающемуся на ниве уголовно-правовой юриспруденции.

II. Хотя наши академические интересы находились на достаточной дистанции, все же мы получали удовольствие от общей работы над научными проблемами, результатом которой стало несколько подготовленных в соавторстве статей. Упомяну две из них.

1. Несмотря на то что наш с Владимиром Сергеевичем путь в юридической профессии во многом не совпадал (он сразу начал работать преподавателем в вузе, я же почти полтора десятка лет занимался прокурорско-следственной практикой, а потом работал в системе повышения квалификации судей и прокуроров), с годами наши взгляды на многие вещи, так сказать, синхронизировались: он признавал значимость прикладных исследований, способных вслед за практикой поверить критерием практической же достоверности как нормативные конструкции, так и их интерпретацию ученым миром, я же, постоянно решая поставленные правоприменителями нескончаемые квалификационные задачи, во все большей степени отдавал дань уважения кабинетным изысканиям ученых-академиков, если, конечно, они носили действитель-

но глубокий и не игнорирующий нужды правоприменения характер.

Все большее совпадение наших представлений об актуальных направлениях научного поиска закономерно привело к выступлению в жанре совместного отзыва. В частности, мы выступили рецензентами книги «Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование» (2005) одного из самых крупных отечественных правоведов – А.В. Наумова⁶. Предваряя самую высокую оценку работы, основной своей задачей мы продекларировали анализ отражения в работе взаимозависимости науки уголовного права и правоприменительной практики.

Воплощала наше общее с В.С. Комиссаровым восприятие идей Анатолия Валентиновича поддержка автора в том, что «утверждение об ограничении перечня источников только Уголовным кодексом, как это вроде бы следует из ст. 1 и др. УК, по сути, лукавство, поскольку такое утверждение совершенно игнорирует тот факт, что «уголовный закон наполняется реальным содержанием только через судебную практику по конкретным делам, каждое новое судебное решение может расширять или, наоборот, сужать представление правоприменителя о содержании уголовно-правовой нормы, соответственно, расширяя и сужая возможности реального поведения субъекта преступления, адекватного его отражению к букве уголовного закона» [4, с. 43].

В той почти двадцатилетней давности рецензии мы писали, что наша с В.С. Комиссаровым «практика обучения студентов, слушателей судебных и прокурорских курсов повышения квалификации, рецензирование многочисленных научных трудов, анализ решений судебных и следственных органов и постоянное консультирование правоприменителей и адвокатов позволяют утверждать, что между теорией уголовного права и практикой применения уголовного закона образуется еще, увы, не осознаваемый всеми криминалистами, но все более заметный разрыв. Различается, и порой существенно, понимание теорией и практикой буквально всех уголов-

⁵ Конечно, ту же важную объединяющую роль играют и другие крупные научные форумы, например, ежегодная январская конференция и другие научные мероприятия МГЮУ им. О.Е. Кутафина, осенняя конференция, организуемая СГЮА, февральская, которую проводит УГЮУ им. В.Ф. Яковлева.

⁶ Главный научный сотрудник Университета прокуратуры, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

но-правовых институтов Общей части: множественности, соучастия, неоконченного преступления, вины, освобождения от уголовной ответственности и наказания, не говоря уже об Особенной части УК» [4, с. 42].

Труды же, подобные рецензируемому, помимо своей научной ценности, выступали, как было нами отмечено, важным средством сужения краев обнаруженного нами разрыва. Увы, скажу сейчас, такого рода работ немного, и разрыв неуклонно превращается в расширяющуюся расщелину, следствием чего становится повсеместный уход правоприменителя от строгого толкования нормативного текста в область телеологической интерпретации, то есть понимания закона исходя из его смысла. Который, естественно, практиками зачастую оценивается по-разному.

2. Еще одной совместной работой стала статья, в которой нам было важно показать, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут предусматриваться не только не уголовным законом, но и вообще не законом⁷. Речь шла о провокационно-подстрекательской деятельности, установление которой исключало, с позиций высшего судебного органа, выраженной в практике по делам о взяточничестве и наркосбыте, привлечение к уголовной ответственности лица, деяние которого «выявлялось» путем «европейской провокации»⁸, ввиду отсутствия в содеянном состава преступления.

Мы пришли к выводу, что, если должностное лицо получает, по его представлению, незаконное вознаграждение за действия (бездействие) по службе, но принятие им такого вознаграждения происходит в процессе проводимых в отношении него оперативно-розыскных мероприятий не по инициативе должностного лица либо хотя формально и по его предложению, но в условиях, искусственно созданных, смоделированных сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, когда ничего не предполагало, что деяние было бы совершено без их вмешательства, ука-

занные действия сотрудников правоохранительных органов являются, согласно единой позиции ЕСПЧ, Верховного Суда РФ и Генеральной прокуратуры РФ, провокационными по сути, а потому исключают уголовную ответственность спровоцированного, склоненного к совершению соответствующего деяния должностного лица за получение взятки. Благодаря решениям ЕСПЧ, воспринятым высшим судебным органом России, заключили мы, провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась [5, с. 8]. Через три года это положение было закреплено в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

III. Однако наши взгляды на решение некоторых важных уголовно-правовых проблем расходились. И немудрено, поскольку, долгие годы разрабатывая вопросы соучастия, ученый не мог не затрагивать наиболее сложные и, как следствие, не имеющие однозначного решения проблемы толкования и применения норм этого института.

Так, решая частные вопросы уголовно-правовой оценки посягательств на жизнь общего и специального субъекта – потерпевшего, В.С. Комиссаров рассматривал тот случай, когда «П. и Ф., будучи соисполнителями, совершают убийство государственного деятеля С. При этом П. руководствуется мстостью на почве личных отношений, а Ф. – мстостью С. за осуществление государственной деятельности. Несмотря на то что П. посягал на жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны, а Ф. – на отношения, образующие основы конституционного строя и безопасности государства, оба они соучаствовали в одном преступлении – убийстве. При этом действия П. будут квалифицироваться по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК как совершенные группой лиц по предварительному сговору, а действия Ф. – по ст. 277 УК» [6, с. 395; 7].

Высказанная В.С. Комиссаровым идея вменения в рамках состава убийства группово-

⁷ Эти обстоятельства предусмотрены в ст. 7 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

⁸ Радикально отличающейся от той, что описана в ст. 304 УК РФ.

го способа довольно привлекательна, однако нельзя не сказать, что она находится в противоречии с разделяемым им положением о том, что «соисполнительство означает, что два или более лица непосредственно выполняют объективную сторону преступления» [6, с. 405; 7].

Или, отрицая включение в состав группы лиц, совершающей преступление по предварительному сговору, соучастников, не являющихся соисполнителями, и придерживаясь традиционного представления о содержании ч. 4 ст. 34 УК РФ, согласно которому в соучастии со специальным субъектом иное лицо, не отвечающее признакам специального субъекта, по общему правилу, не может быть ни исполнителем, ни соисполнителем. Содеянное им требует обязательной ссылки на ст. 33 УК (организатор, подстрекатель, пособник) [6, с. 446; 7], исследователь в то же время полагал, что «при совершении, например, убийства матерью новорожденного ребенка ... группой лиц по предварительному сговору автоматически начинает работать положение п. «в» ч. 1 ст. 63 УК, предусматривающее в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» [7].

Представляется, однако, что, поскольку к уголовной ответственности, упоминаемой в ч. 4 ст. 34 УК РФ, относится не только уголовно-правовая оценка, но и назначенное виновному наказание, любое содействие матери в убийстве новорожденного нельзя квалифицировать как групповое преступление, применяя названный пункт ст. 63 УК РФ.

В завершении же расскажу о нескольких спорах, где моя позиция оказалась проигрышной, во всяком случае, исходя из практики высшего судебного органа.

1. Раскрывая понятие непосредственного участия в совершении преступления как соисполнительства (ч. 2 ст. 35 УК РФ), В.С. Комиссаров писал, что такое участие «может быть связано не только с выполнением каждым соучастником однородных действий, образующих объективную сторону преступления (например, нанесение ударов при причинении вреда здоровью), но и с оказанием помощи исполнителю в момент совершения им действий. Если А. взламывает дверь, **Б. в это время стоит на страже** (выделено мной. – П. Я.), а С. проникает в квартиру и изымает имуще-

ство (техническое разделение ролей в рамках объективной стороны кражи), то все они являются соисполнителями» [6, с. 406; 7].

Однако стоящее на страже лицо, которое, как описывает его деяние Пленум Верховного Суда РФ, само не проникало в жилище, но подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления, не выполняет, как мне представляется, объективную сторону хищения, а потому не участвует в совершении преступления непосредственно. Такое лицо действительно участвует в совершении преступления, однако его участие вполне соответствует тому, что закон определяет как содействие совершению преступления предоставлением информации, когда это лицо самим фактом своего молчания (не кричит, не звонит по телефону, не посылает иным способом условленный сигнал) информирует соучастника, непосредственно изымающего имущество, о том, что ему, исполнителю, ничего не угрожает и он может продолжать реализовывать совместный преступный умысел на завладение чужим имуществом. Это пособничество в хищении, а не соисполнительство. Наличие при такой подстраховке единственного исполнителя исключает вменение совершения преступления группой лиц по предварительному сговору.

Вместе с тем Верховный Суд РФ занимает позицию⁹, правильность которой отстаивал Владимир Сергеевич.

2. О квалификации действий подстрекателя В.С. Комиссаров писал: «Цели, преследуемые подстрекателем, могут не совпадать с теми целями преступления, которые он внушает подстрекаемому. Могут не совпадать и мотивы преступления... Если мотив или цель являются обязательными элементами состава преступления, то подстрекавшему лицу вменяется в ответственность и его собственная мотивация. Например, если подстрекатель, исходя из мотивов кровной мести, склонил другое лицо за вознаграждение совершить убийство, то он отвечает по двум признакам ч. 2 ст. 105 УК – п. «з» и «е1», а исполнитель – по п. «з» той же статьи» [6, с. 411–412; 7].

⁹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. П. 10 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/8242/> (дата обращения: 11.08.2023).

Я же приведенный подход не разделяю, поскольку свойством конститутивного либо квалифицирующего признака мотив или цель совершения преступления наделены, только если «окрашивают» действия (бездействие) исполнителя, которые и описаны в норме Особенной части уголовного закона. Соответствующие мотив или цель соучастника учитываются для назначения наказания. Правда, названный в приведенном извлечении из работы ученого мотив кровной мести в ст. 63 УК РФ не указан, однако более распространенный и ставший предметом дискуссии о квалификации в упомянутом ниже деле субъективный признак деяния в виде цели скрыть другое преступление к числу отягчающих наказание обстоятельств отнесен.

Взгляды В.С. Комиссарова поддержаны в одном из практикообразующих решений высшего суда по делу Гамзатова, который организовал убийство своей жены Г. с целью сокрытия ранее совершенного преступления – развратных действий в отношении дочери Г. от первого брака. Президиум Верховного Суда РФ признал правильным вменение цели сокрытия другого преступления Гамзатову как организатору убийства, несмотря на то что исполнитель М. не был осведомлен о его, организатора, действительных мотивах и исходил из того, что Гамзатов хочет отомстить Г. за измену, почему действия М. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ¹⁰. Моя позиция, содержащая критику данного решения, изложена в статье о мотиве соучастника [8].

3. В.С. Комиссаров, как и многие исследователи, полагал ненужным отражать в квалификации соучастие лица в совершении преступления, если попытка этого лица склонить другое лицо к совершению преступления оказалась неудачной. Часть 5 ст. 34 УК РФ он толковал так: «Покушение исполнителя на преступление влечет за собой такую же оценку действий подстрекателя, как покушение, несмотря на то что свои

действия он может полностью выполнить. В некоторых случаях действия подстрекателя по склонению кого-либо к совершению преступления в силу разных причин, но по независящим от него обстоятельствам оказываются безуспешными. Такое неудавшееся подстрекательство (покушение на подстрекательство) в уголовном праве рассматривается как создание условий для совершения преступления и поэтому квалифицируется как приготовление к преступлению (ч. 5 ст. 34 УК)» [6, с. 412; 7].

По моим же представлениям, помещение законодателем соответствующего правила квалификации в главу о соучастии, а не об оконченном преступлении, говорит о необходимости вменения лицу норм этой главы. В частности, если первое лицо склоняло второе к совершению преступления, намереваясь стать подстрекателем второго лица, совершившего оконченное преступное деяние, то отказ второго лица от следования призывам первого требует квалификации действий первого лица не просто как приготовления к преступлению, которое отказалось совершать второе лицо, а как приготовления к подстрекательству к преступлению. Не будь прямого запрета вменять в данном случае покушение, я бы утверждал¹¹, что содеянное образует покушение на подстрекательство, исходя из того, что оконченным подстрекательством может быть признано только результативное склонение, то есть такое, которое завершилось как минимум – при всех сложностях доказывания этого факта! – возникновением у подстрекаемого лица решимости совершить преступное деяние. Тем не менее судебная практика преимущественно идет по пути, предложенному в том числе В.С. Комиссаровым [см. об этом подробнее: 9, с. 55–58]

Мы дружили не один десяток лет, до самой смерти Владимира Сергеевича в июле 2017 г. И вот уже больше шести лет Володи нет. 29 марта 2023 г. ему исполнилось бы семьдесят...

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 27П-17 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Показательно, что сам ученый именует неудавшееся подстрекательство также и покушением на подстрекательство.

Список источников

1. Весь мир живет до тех пор, пока живет память человека : сборник статей / под общ. ред. В.С. Комиссарова. – Москва : Первая образц. тип., 2006. – 176 с.
2. Ляпунов Ю.И. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты / Ю.И. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 44–48.
3. Кузнецова Н.Ф. Состав преступления: спорные вопросы / Н.Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1987. – № 4. – С. 24–29.
4. Комиссаров В.С. Уголовный закон: как соединить теорию с практикой? / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2005. – № 12. – С. 42–43.
5. Комиссаров В.С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки / В.С. Комиссаров, П.С. Яни // Законность. – 2010. – № 9. – С. 3–8.
6. Комиссаров В.С. Соучастие в преступлении / В.С. Комиссаров // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – С. 381–454.
7. Комиссаров В.С. Соучастие в преступлении / В.С. Комиссаров // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др. ; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – Москва : Статут, 2012. – 879 с. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/komissarov_vs_krylova_ne_tiazhkova_im_ugolovnoe_pravo_rossijskoj_federacii/ (дата обращения: 29.07.2023).
8. Яни П.С. Мотив соучастника / П.С. Яни // Законность. – 2019. – № 8. – С. 50–54.
9. Яни П.С. Сложности квалификации неудавшегося соучастия в преступлении / П.С. Яни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2016. – № 4. – С. 55–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яни Павел Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета, главный редактор журнала «Уголовное право».

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yani Pavel Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty, Editor-in-Chief of the journal «Criminal Law».

Статья поступила в редакцию 24.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 01.09.2023. The article was submitted 24.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

References

1. Komissarov V.S. (ed.). The whole world lives as long as a person's memory lives. Moscow, Pervaya obrazcovaya tipografiya Publ., 2006. 176 p.
2. Lyapunov Yu.I. Composition of the crime: epistemological and socio-legal aspects. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 5, pp. 44–48. (In Russian).
3. Kuznetsova N.F. Composition of the crime: controversial issues. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 1987, no. 4, pp. 24–29. (In Russian).
4. Komissarov V.S., Yani P.S. Criminal law: how to combine theory with practice? *Zakonnost' = Legality*, 2005, no. 12, pp. 42–43. (In Russian).
5. Komissarov V.S., Yani P.S. Provocative and inflammatory activity against an official as a circumstance excluding liability for receiving a bribe. *Zakonnost' = Legality*, 2010, no. 9, pp. 3–8. (In Russian).
6. Komissarov V.S. Complicity in crime. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). Course of criminal law. Common part. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002, vol. 1, pp. 381–454. (In Russian).
7. Komissarov V.S. Complicity in crime. Belokobylsky N.N., Bogush G.I., Borzenkov G.N. et al; Komissarov V.S., Krylova N.E., Tyazhkova I.M. (eds.). Criminal law of the Russian Federation. General part. Moscow, Statut Publ., 2012. 879 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/komissarov_vs_krylova_ne_tiazhkova_im_ugolovnoe_pravo_rossijskoj_federacii/.
8. Yani P.S. Motive of an accomplice. *Zakonnost' = Legality*, 2019, no. 8, pp. 50–54. (In Russian).
9. Yani P.S. Difficulties in qualifying failed complicity in a crime. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury RF = Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2016, no. 4, pp. 55–58. (In Russian).

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна
Саратовская государственная юридическая
академия, Саратов, Россия;
e-mail: lopashenko@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9175-8877>

LOPASHENKO Natalya Alexandrovna
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

КОМИССАРОВ: О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЗАДАЧАХ ДОКТРИНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ¹

COMMISSAROV: ON THE ROLE OF THE PERSONALITY IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW AND THE TASKS OF THE DOCTRINE AT THE PRESENT TIME

А не надо никаких точек зрения ...
просто он существовал, и больше ничего.
М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Аннотация. Семидесятилетие несомненного лидера в организации наук уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Владимира Сергеевича Комиссарова, прожившего яркую жизнь и много сделавшего для доктрины, – прекрасный повод вспомнить об этом незаурядном человеке и порассуждать о роли личности в науке, акцентируя внимание на обязательных составляющих личности лидера и на задачах доктрины в настоящее время. В уголовно-правовой науке тема личности ученого практически не исследовалась, а проблема главных задач доктрины является сверхактуальной, с учетом меняющихся общественно-политических реалий. Цель: на примере конкретной личности – профессора В.С. Комиссарова – проверить путем социологического исследования высококвалифицированной профессиональной аудитории, играет ли личность ученого роль в организации науки и в развитии самой доктрины, выявить, какими качествами должен обладать лидер в науке, а также определить, какие задачи стоят сегодня перед наукой уголовного права и криминологии. Методы: диалектический, социологический (анкетирование), анализа, синтеза. Результаты: исследование продемонстрировало, что лидерство в науке, в том числе в науке уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, крайне

Abstract. The seventieth anniversary of the undoubted leader in the organization of the sciences of criminal law, penal law and criminology, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Vladimir Sergeevich Komissarov, who lived a bright life and did a lot for the doctrine, is a good opportunity to remember this outstanding man and to discuss the role of personality in science, focusing on the mandatory components of the leader's personality and on the tasks of the doctrine at the present time. In the criminal law science, the topic of the scientist's personality has not been practically studied, and the problem of the main tasks of the doctrine is highly relevant, taking into account the changing socio-political realities. Purpose: on the example of Professor V.S. Commissarov, to verify by sociological research of a highly qualified professional audience, whether the scientist's personality plays a role in the organization of science and in the development of the doctrine itself, to find out what qualities a leader in science should possess, as well as to determine what challenges the science of criminal law and criminology face today. Methods: dialectical, sociological (survey), analysis, synthesis. Results: the study demonstrates that leadership in science, including in criminal law, penal law and criminology, is essential for its effective functioning. The departure of the organizing

© Лопашенко Н.А., 2023

¹ В основе настоящей статьи – мое выступление на Международной конференции «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова, организаторами которой выступили кафедра уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и юридический факультет Кыргызско-Российского Славянского университета им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Конференция проводилась в смешанном формате 28–29 марта 2023 г. в Бишкеке.

важно для ее эффективного функционирования. Уход организующей личности или отход лидера от функций организатора науки сказываются на развитии научных коммуникаций самым негативным образом. Основу личности в науке вообще и в организации науки в частности, в том числе в науках криминального цикла, составляет совокупность качеств, включающих профессиональные, коммуникативные и личные качества. Роль личности ученого наиболее значимо выражается в организации и налаживании научных коммуникаций, научном воспитании учеников и последователей, формировании доктринального знания. Она же во многом определяет те главные задачи, которые стоят перед наукой.

Ключевые слова: личность в науке, уголовное право, криминология, качества личности, организация науки, влияние лидера науки на доктрину, стоящие перед наукой задачи

Для цитирования: Лопашенко Н.А. Комиссаров: о роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время / Н.А. Лопашенко. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 22–39

personality or the leader's departure from the functions of the organizer of science affects the development of scientific communications in the most negative way. The basis of personality in science in general and in the organization of science in particular, including in the sciences of the criminal cycle, is a set of qualities, including professional, communicative and personal qualities. The role of the scientist's personality is most significant in the organization and development of scientific communications, scientific education of pupils and followers, formation of doctrinal knowledge. In many ways, it determines the major challenges facing science.

Keywords: *personality in science, criminal law, criminology, personal qualities, organization of science, influence of science leader on the doctrine, challenges facing science*

For citation: Lopashenko N.A. Commissarov: on the role of the personality in the science of criminal law and the tasks of the doctrine at the present time. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 22–39 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.3.

О НАЗВАНИИ, ЦЕЛЯХ И ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРАХ АНКЕТИРОВАНИЯ, ПОЛОЖЕННОГО В ОСНОВУ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В уголовно-правовой доктрине практически отсутствуют исследования о роли личности в истории науки, да и в теории других правовых и иных доктрин их можно пересчитать по пальцам. В частности, мне встретилось убедительное исследование доктора юридических наук, профессора И.В. Ершовой, посвященное заведующим кафедрами. Она пишет: «...каким образом приобретается неформальный авторитет в высшей школе? В первую очередь профессиональная общественность знает специалиста по его научным работам – диссертациям, монографиям, научным статьям, а также выступлениям на научных мероприятиях. И если первое знакомство, как правило, происходит на защите кандидатской диссертации, то последующее мнение формируется годами. Ученые определенного профиля прекрасно осведомлены не только о научной деятельности своих коллег – в традициях университетской науки личное общение, не регламентированное правовыми актами и не ограничивающееся рабочим временем. Полагая, что высокая квалификация и авторитет в профессиональном сообществе – необходимые условия занятия должности заведующего

кафедрой. Но указанными «стартовыми» критериями все не заканчивается» [1, с. 182].

Думая о названии своего выступления, специально не стала указывать инициалы Владимира Сергеевича: его фамилия у всех ученых, живших с ним в одно время, знавших его или о нем, олицетворялась и до сих пор олицетворяется именно с ним, уточнения не нужны. Указанием одной только фамилии – Комиссаров – хотела подчеркнуть невольный, но говорящий символизм: Владимир Сергеевич и был для нас комиссаром – лицом, наделенным научным сообществом особыми полномочиями, ведущим его за собой. Фамилия, как и внешность В.С. Комиссарова (в анкетах писали: «...помню очень высокий рост и мощный тембр голоса. Когда Владимир Сергеевич оказывался в помещении, то оно визуально выглядело недостаточно большим для него» – доцент О.Н. Агеева; «большой Человек (во всех смыслах этого слова!)» – профессор Н.В. Иванцова), удивительно ему шли. А небольшая, но характерная картавость в речи, ошибки в ударениях и в произнесении отдельных слов делали статусную фигуру ближе, снимая с самого высокого пьедестала небожителей и поднимая на гораздо более высокий уровень – «своего» человека. Недаром открытость и простоту многие отмечали в числе главных качеств Владимира Сергеевича.

Планируя это выступление, я провела анкетирование, чтобы утвердиться в своем мнении, в определенной степени объективировать его или получить иное представление об оценке личности ученого и его роли в науке. Многие представители наук криминального цикла ответили на анкету. Благодарю всех.

Анкета включала в себя три вопроса о В.С. Комиссарове и три вопроса, напрямую с ним не связанных, которые родились из моей (первоначально) оценки масштаба его личности и повели меня дальше – в размышления о роли личности ученого в истории уголовно-правовой науки, организации последней, а также в остро стоящие ныне вопросы о задачах уголовно-правовой доктрины.

Анкетирование получилось репрезентативным по количеству опрошенных, а с учетом специфики респондентов (высокие специалисты – ученые в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии), думаю, заслуживающим по основным результатам самого пристального внимания.

На анкеты ответили 168 респондентов (см. табл. 1) из России и еще шести государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Приднестровья, Сербии, Словении, при этом большинство знали Владимира Сергеевича лично – как друга, товарища, учителя, коллегу (см. табл. 2). Потому уровень доверия к ответам на вопросы анкеты, касающиеся личности Владимира Сергеевича, очень высок.

Таблица 1

Респонденты

Количество ответивших на анкету	
168	
Из них:	
профессоров	граждан иностранных государств
99 (58,9 %)	9 (5,4 %)

Таблица 2

Знакомство респондента с В.С. Комиссаровым

Знал его как коллегу (учителя, наставника) лично	Знал и знаю его по научным работам, лично знаком не был	Знал его как заведующего кафедрой МГУ и как организатора науки, лично знаком не был	Ничего не знаю о В.С. Комиссарове
103 (61,3 %)	39 (23,2 %)	35 (20,8 %)	2 (1,2 %)

В анкетировании приняли участие представители всех крупных юридических вузов России, многих юридических школ университетов. Региональный состав опрошенных: Архангельск, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Красноярск, Курск, Махачкала, Москва, Омск, Оренбург, Нижний Новгород, Новороссийск, Пенза, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Симферополь, Ставрополь, Тамбов, Тольятти, Томск, Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Черкесск, Ярославль.

О вкладе В.С. Комиссарова в формирование и организацию доктрины уголовно-правовой науки

На второй вопрос анкеты – в чем респонденты видят главный вклад профессора В.С. Комиссарова в уголовно-правовую науку, – а также на следующий вопрос я просила ответить только тех, кто знал Владимира Сергеевича лично или хотя бы мог оценить этот вклад. Ответы, которые были получены, вполне прогнозировались (см. табл. 3).

Таблица 3

**Главный вклад В.С. Комиссарова в уголовно-правовую
и криминологическую науку**

Научные исследования в области посягательств на общественную безопасность	Научные исследования в области соучастия в преступлении	В целом научные исследования профессора В.С. Комиссарова	Организационная деятельность в области написания коллективных научных работ (учебников, монографий и пр.)	Организационная деятельность в области коммуникации представителей уголовно-правовой и криминологической доктрины (проведение научных и научно-практических мероприятий)
50 (29,8 %)	11 (6,5 %)	64 (38,1 %)	63 (37,5 %)	109 (64,9 %)

Подавляющее большинство ответивших справедливо, на мой взгляд, полагают, что главный вклад В.С. Комиссарова в науку связан с его организационной деятельностью в области коммуникации представителей уголовно-правовой и криминологической доктрины (проведение научных и научно-практических мероприятий). А если учесть в этом ответе еще и четвертый вариант (организационная деятельность в области написания коллективных научных работ (учебников, монографий и пр.)), по сути, тоже вариант организации науки, можно констатировать абсолютное признание респондентами вклада Владимира Сергеевича в организацию научной деятельности в большинстве ее проявлений, предполагающих объединение усилий представителей доктрины для решения насущных проблем.

Даже те, кто выбрал свободный вариант ответа на вопрос о вкладе профессора В.С. Комиссарова, часто писали именно об организации им науки. Так, профессор В.И. Михайлов замечает: «Конгрессы уголовного права, традиция проведения которых также принадлежит В.С. Комиссарову, сыграли чрезвычайно большую роль в объединении ученых, занимающихся вопросами борьбы с преступностью, дали возможность лично познакомиться и были площадкой для непосредственного профессионального общения». Профессор А.В. Наумов, отмечая в качестве основного варианта ответа тот же, что выбрало большинство, шутит, но в этой шутке стопроцентная истина, и она тоже о научной консолидации: В.С. Комиссаров – «руководитель УМО как разновидности науч-

ного туризма: посещение Соловков, Камчатки, Приморья, Китая, родины Ломоносова и т. д. и т. п., но Колыма не состоялась. А жаль...». Профессор М.Б. Кострова пишет: «выше я отметила всё, но самое-самое главное, как мне кажется, [его вклад связан] с консолидацией ученых по противодействию волюнтаризму законотворцев в сфере уголовного правотворчества». Профессор И.В. Попов: «В первую очередь всплывает в памяти 5-томный курс уголовного права под его редакцией». По мнению профессора Б.З. Маликова, «Владимир Сергеевич Комиссаров внес большой вклад в развитие правовой науки в целом и конкретные направления, в формирование уголовно-правовой политики, как эксперт, существенно влиял на деятельность коллегиальных органов Верховного Суда РФ, Следственного комитета РФ, ВАК России, Госдумы и др.». Далее Борис Зуфарович горестно констатирует: «но весьма скромно отмечен его труд государством – только год спустя, как это сделала Монголия, он был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ»».

Действительно, после развала Советского Союза и обретения Россией независимости, после очень трудных девяностых годов прошлого столетия в силу естественных и, в общем, совершенно прозаических причин (денег не было, современных средств коммуникации – тоже, главная задача каждого – элементарное выживание) научные контакты были нарушены. Нужно было их воссоздавать, а часто – просто создавать заново. И эту работу как-то незаметно взял на себя Владимир Сергеевич, кажется,

еще до официального избрания заведующим кафедрой уголовного права и криминологии МГУ (Нинель Федоровне Кузнецовой, возглавлявшей кафедру до 2000 г., было уже сложно-вато в силу возраста заниматься чем-то, кроме кафедры, а В.С. Комиссаров и по кафедральным делам был ее реальной опорой).

Начали готовиться и проводиться майские научные конференции в МГУ, на смену которым позже пришел и Конгресс уголовного права. В конце девяностых – самом начале первого десятилетия этого века Владимир Сергеевич создал неформальный клуб молодой (тогда еще) профессуры, в который вошли многие ученые, защитившие в этот период докторские, а постоянными участниками стали, помимо В.С. Комиссарова, профессора А.И. Коробеев, Ю.В. Голик, автор этих строк, Л.В. Иногамова-Хегай, П.С. Яни, В.П. Коняхин, В.А. Якушин, чуть позже – В.И. Селиверстов, доцент М.В. Феоктистов, зарубежные коллеги. Традицией стали ежегодные выезды такой группой – часто в расширенном составе – после конференции или конгресса на майскую рыбалку в Подмосковье, которую все мы ждали, потому что там, помимо душевного неформального общения, рождались многие задумки, которые оказывались важными для всей науки и всего сообщества. Примерно в этот же период были воссозданы выездные заседания УМО по уголовному праву и криминологии (первоначально УМО возглавляла Н.Ф. Кузнецова, но потом и эту должность занял В.С. Комиссаров). Стали расширяться зарубежные связи и контакты. Создавались интересные коллективные работы. И за всем этим стоял Владимир Сергеевич. Объем этой работы был совершенно невообразимым. Конечно, ему помогали и кафедра, и коллеги. Однако эту помощь тоже нужно было организовать, а это очень непросто. И вот тут понимаешь все про роль личности в истории, ведь после ухода профессора В.С. Комиссарова часть из этого просто перестала существовать.

Все сказанное о главном вкладе профессора В.С. Комиссарова в науку отнюдь не умаляет его личных научных достижений. Даже, пожалуй, наоборот. Уверена, что чистый функционер, эффективный во многих других областях жизни, не будет эффективен, если за ним не стоят его заслуги на научном поприще. Неотъемлемая часть иногда магического влияния В.С. Комиссарова на коллег в деле консолидации научных усилий – это его профессиональная компетентность и личный вклад в исследование посягательств на общественную безопасность

и некоторых других тем². Профессор В.Н. Борков написал в ответе на анкету: «читаю лекции по посягательствам на общественную безопасность, всегда рассказываю о подходе В.С. Комиссарова, в соответствии с которым общественная безопасность (ст. 205 УК) предполагает в том числе защищенность личности и собственности. Поэтому говорить о каких-то дополнительных объектах здесь не нужно». А профессор Ю.В. Голик связывает главный научный вклад Комиссарова «с научными исследованиями в сфере Особенной части УК. Почти все занимаются проблемами Общей части, а он сконцентрировался на Особенной». Однако и Общей частью В.С. Комиссаров тоже занимался. На это указывает профессор Ю.М. Антонян, который видит главный вклад Владимира Сергеевича в науку в том, что он занимался «разработкой наиболее актуальных общетеоретических проблем».

Назову здесь еще то отличное, с чем связывают вклад В.С. Комиссарова в доктрину. Профессор Н.Ю. Волосова замечает: «это была научная глыба, Комиссаров В.С. обладал удивительным даром правового прогнозирования». Доцент Н.В. Кузнецова видит главный вклад В.С. Комиссарова в подготовке молодых ученых; примерно об этом же говорит и профессор Л.А. Букалерева, отметившая все варианты ответов и добавившая: «...и неоценимая помощь аспирантам и докторантам, молодым ученым».

О ЛИЧНЫХ КАЧЕСТВАХ В.С. КОМИССАРОВА, ОПРЕДЕЛИВШИХ РОЛЬ ЕГО ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

В ответах были два варианта, которые описывали личность Владимира Сергеевича достаточно точно, притом что был употреблен один термин: «настоящий» – написал доцент М.М. Лапунин, «потрясающий» – отметил профессор А.Г. Кибальник. И, не раскрывая, обобщенную характеристику личных качеств В.С. Комиссарова дал профессор Е.О. Алауханов: «набор уникальных личных качеств Владимира Сергеевича как ученого-организатора».

² Профессор Б.З. Маликов отмечает: «Работать в ведущем вузе страны, обеспечивать науку и учебный процесс, координировать на кафедре взаимодействие профессионалов высочайшего уровня, сформировавших собственные направления и школы в правовой науке, – это дано только специалистам, имеющим значимые профессиональные результаты и заслуги, предельно ответственным и организованным лицам».

Но чаще респонденты хотели передать в наборе качеств разные стороны личности профессора В.С. Комиссарова. До этого анкетирования я никогда не думала, что в отношении

одного человека может быть сказано столько доброго и что существует столько определенных разных положительных качеств человека (см. табл. 4).

Таблица 4

Главные качества личности В.С. Комиссарова³

Количество вариантов отмеченных черт		
свыше 110		
Из них чаще других назывались:		
коммуникабельность, коммуникативность/общительность	добродушие, доброжелательность/дружелюбие, приветливость	открытость
27 (26,2 %)	26 (25,2 %)	23 (22,3 %)
организаторский талант	порядочность	научная эрудированность/грамотность/компетентность/глубокие знания уголовного права/профессионализм
21 (20,4 %)	20 (19,4 %)	18 (17,5 %)
простота в общении/без снобизма, отсутствие высокомерия, кичливости/демократичность	доброта	жизнерадостность/оптимистичность/позитивность/оптимизм
16 (15,5 %)	12 (11,7 %)	11 (10,7 %)
ответственный/научная ответственность/научная зрелость	уважительность/уважение к коллегам/уважение к учителям	отзывчивость
10 (9,7 %)	9 (8,7 %)	8 (7,8 %)

При подведении итогов анкетирования по этому вопросу я столкнулась с тем, что, возможно, респонденты в ряде случаев говорят об одном и том же, но называют качества разными словами. Я шла от значения термина и объединяла в разные группы качества с разными, точнее, отличающимися, на мой взгляд, по смыслу значениями. Так, в таблице 4 есть доброта и дружелюбие, учтенные самостоятельно, а есть и близкое к доброте, но выделяемое отдельно желание помочь, готовность прийти на помощь (5 респондентов); наряду с открытостью и простотой в общении есть доступность (5 респондентов); есть жизнерадостность, оптимистичность, позитивность, оптимизм, а есть жизнелюбие (в 5 анкетах); есть уважительность, уважение к коллегам, уважение

к учителям, а есть внимательность к собеседнику, к людям, к коллегам (в 5 анкетах) и т. д.

Не единожды кроме уже названных в анкетах упоминались следующие качества Владимира Сергеевича:

- трудолюбие, трудоспособность, неутомимость, обаятельность, целеустремленность (по 7 упоминаний);
- честность, принципиальность (по 6 упоминаний);
- жизнелюбие, скромность, чувство юмора, доступность (по 5 упоминаний);
- инициативность, активность, уравновешенность, хладнокровие, спокойствие, решимость, решительность, талантливость, искренность (по 4 упоминания);
- обязательность, человек слова, основательность, глубина подхода, равнодушие, настойчивость, упорство, упрямство, харизматичность, умение зажать, вести за собой, ду-

³ Проценты рассчитаны не от общего количества участников анкетирования, а от количества тех, кто лично знал В.С. Комиссарова (103 респондента).

шевность, широта души, широкий кругозор, умение дружить (по 3 упоминания);

– критическое отношение к себе, самокритичность, уверенность в себе, добросовестность, надежность, умение выслушать, великодушие, мудрость, поддержка молодых начинающих ученых, компанейский, мужская харизма, патриотизм (по 2 упоминания).

Среди качеств, которые были названы один раз, хотела бы отметить только (все перечислить невозможно) те, которые, по моим личным наблюдениям (мы дружили), были присущи профессору Комиссарову: прямолинейность, аполитичность в науке, энергичность, азарт (он был большим спорщиком, до уровня упертости иногда).

Приведу еще женские ответы (без указания авторов): «Он оценил мое творчество, поддерживал публично мое критическое исследование – я ему очень благодарна»; «заводной, озорной».

Интересны и ответы зарубежных коллег. Так, кандидат юридических наук Семен Слав (Приднестровье) написал: «Владимир Сергеевич был настоящим другом, открытый, честный, обязательный человек, отличный организатор и администратор, умеющий зажечь интерес у коллег на любые обсуждаемые вопросы». Профессор Срето Ного (Сербия) отмечает: «Проф. д-р Владимир С. Комиссаров был уникален и как профессор, и как человек. Он пленил своими знаниями, спокойствием и научной зрелостью. Он всегда был готов обсудить открытые вопросы и пропорции и убедить другую сторону в правильности своих взглядов, основанных на научно обоснованных взглядах. Таким отношением ему удалось заставить противников уважать и ценить его. На международных научных конференциях его мнение ценили и уважали. Счастливы были люди, которые могли сказать, что знали его и имели честь и удовольствие слушать его». Профессор В.М. Хомич (Республика Беларусь) перечислил главные, по его мнению, качества Владимира Сергеевича: «демократический универсализм, рационально-сдержанный скептицизм в научной коммуникации, признание плюрализма мнений и многообразия видения современного уголовного права, коммуникабельность как способность не быть одним в любом деле – это важно и в науке, самокритичность на принципах золотой середины».

Анализируя сказанное, хотела бы вернуть-

ся к самым распространенным ответам. Думаю, что именно они в совокупности отражают основные черты личности в науке вообще и в организации науки в частности. Как отмечает, А.В. Бибикина, «в личности лидеров творческих (исполнительских) коллективов существует набор базовых лидерских черт, варьирующихся в зависимости от того, в каком виде творчества специализируется данная личность» [2, с. 319].

Примечательно, что среди тех черт, которые чаще других упоминали в анкетах, есть черты, свидетельствующие о профессионализме (уже говорила, что без этих качеств едва ли возможно консолидировать науку), черты, отражающие способность к коммуникации, черты сугубо личные, такие как доброта, порядочность и т. д. Конечно, набор таких качеств у разных представителей доктрины, которых можно назвать личностями в деле организации научных коммуникаций (процессов), могут отличаться: что-то более выражено, что-то – менее, чего-то может и вовсе не быть (например, жизнерадостности, оптимизма, хотя с ними лучше), однако выраженность указанных групп признаков должна быть несомненной. Примерно такие же данные приводит И.В. Ершова: «По итогам исследования авторами была предложена модель организационно-управленческих качеств заведующего кафедрой, включающая 5 элементов: профессиональная компетентность, организаторские, деловые, нравственные качества, политическая культура и работоспособность. Наиболее значимой составляющей, по мнению опрошенных, оказалась профессиональная компетентность» [1, с. 180].

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ, НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ, НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ (ВЗГЛЯДОВ)

Первый из вопросов, напрямую не относящихся к В.С. Комиссарову, касался того, признают ли респонденты роль личности ученого в научной деятельности, хотя некоторые респонденты усомнились в необходимости этого вопроса в силу очевидности утвердительного ответа. Так, профессор А.В. Федоров написал, выделяя большими буквами, чтобы подчеркнуть: «РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ – В ИСТОРИИ НАУКИ, НЕОСПОРИМА». Профессор А.И. Коробеев указал, что личность

в науке играет определяющую (главенствующую) роль, профессор Л.А. Букалерева – основную, профессор Е.А. Антонян – ключевую, в зависимости от авторитета и масштаба личности, а профессор Н.Ю. Волосова – «играет всегда, и чем ярче личность, тем более яркий след она оставляет» и в формировании научной доктрины⁴, и в научных коммуникациях, и в научных взглядах.

В вариантах был заложен один отрицательный ответ (ни один человек не выбрал

его), два варианта ответов для тех, кто признает роль личности в науке, с разной аргументацией (семь респондентов указали на оба варианта, при этом профессор Т.Г. Понятовская оговорила: «при условии, что ученый действительно проявился как личность (заметная, особенная), выделяющаяся из ряда людей, имеющих ученые степени и звания»), и свободный ответ, который выбирали очень часто. Вот совокупные данные по полученным ответам (см. табл. 5).

Таблица 5

Роль личности ученого в формировании научной доктрины, научных коммуникаций, научной позиции (взглядов)

Вообще не играет	Играет всегда, но какую именно, определить в качестве одной характеристики нельзя – всегда разную, это зависит в том числе от личных качеств исследователя	Иногда ⁵ консолидирует науку (при этом как в части поддержки, так и в части отвержения научной позиции (идеи и пр.) отдельного ученого)	Иное
0	127 (75,6 %)	26 (15,5 %)	25 (14,9 %)

Таким образом, подавляющее большинство ответивших полагают, и я с ними согласна, что личность ученого всегда значима для формирования научной доктрины, научных коммуникаций, научной позиции (взглядов), но какую именно роль она играет, определить в качестве одной характеристики нельзя – всегда разную, это зависит в том числе от личных качеств исследователя⁶. Это только у Александра Сергеевича «гений и злодейство – две вещи несовместные». Выбрав этот вариант ответа, профессор Ю.Е. Пудовочкин заметил: «От личных качеств зависит очень много. Если человек те-

бе симпатичен, если обладает приятными тебе личными качествами, на его научные глупости зачастую не обращаешь внимания, относишься к ним как к стилизованным погрешностям или чудачествам. И это нормально(!). Уголовно-правовая наука в конечном итоге – это мнение людей о людях, а потому и оценка научной доктрины или позиции есть оценка людьми тех людей, которые имеют мнение о людях».

В свободном варианте ответа часто писали о роли личности ученого в формировании научных школ. Так, доцент С.А. Сивцов считает: «Личность ученого играет ОГРОМНУЮ роль в создании научных коммуникаций. Формирование научной школы, научной доктрины основывается на научной позиции ученого; его мысли, идеи выступают основополагающими элементами вектора развития как научной специальности в общем, так и определенного правового института и (или) узконаправленного какого-либо положения в частности. Ученый, обладая определенной харизмой, является двигателем своих идей, а его ученики и (или) сподвижники по научной позиции являются составными элементами всей научной машины (научной школы)». По мнению профессора М.А. Желудкова, роль личности ученого сво-

4 Профессор С.У. Дикаев написал: «Доктрина – это многократно подтвержденная (доказанная) наукой и практикой сумма устоявшихся юридических знаний. Поэтому доктрина научной быть не может. Вот в формировании научных коммуникаций в смысле продвижения научных идей внутри научного сообщества личность ученого, особенно его личные достижения, организаторские и человеческие качества, имеет огромное значение». И совсем противоположное мнение высказано профессором Н.Ю. Зограбян (Армения): «формирование и признание научным сообществом доктрины напрямую зависит от личности ученого, его роли в науке, что и предопределяет успех научной концепции».

5 Доцент А.В. Кошкин отметил: «ВСЕГДА консолидирует науку».

6 Доцент С.К. Бураева точно заметила: «играет, но необходимо знать лично этого ученого».

дится к следующему: «Развитие научной школы. Создание новой научной доктрины, которая принимается большинством теоретиков и практиков при решении проблемных вопросов». Профессор И.В. Попов полагает: «Создание научной школы возможно лишь в случае, когда крупные научные идеи постулируются ЛИЧНОСТЬЮ!».

Из других свободных ответов приведу лишь некоторые: «харизматичный лидер умеет увлечь соратников и повести за собой, сделав единомышленниками» (профессор В.А. Казакова); «если человек горит своей идеей и может зажечь ею других, его костер будет гореть уже независимо от того, жив он или нет, так как он останется в душе его последователей» (доцент В.А. Шуняева); «от личности ведущего ученого зависит формирование в целом подхода других ученых к науке (добросовестности при проведении исследования, толерантности к другим точкам зрения, узкоспециальной или междисциплинарной направленности должны быть исследования, стиль научного изложения и т. д.)» (доцент Е.А. Соловьева); «личностные качества исследователя, безусловно, определяют и его научную судьбу, и широту формирования научной школы, и вектор развития науки в целом, особенно гуманитарной. Талант и целеустремленность воодушевляют на научное открытие, желанием принести пользу он стремится к взаимодействию, открытости, апробации и развитию взглядов не только через письменные источники и выступления. Харизматичный талантливый человек для окружающих – как источник созидательной энергии, к которой вольно и невольно стремятся, хотя бы быть сопричастны с ней» (профессор Е.С. Стешич). Профессор Ю.М. Антонян полагает, что «ученый должен быть любознательным и хорошо эрудированным не только в своей дисциплине, а во всех смежных научных областях».

Подведу итог. Личность ученого всегда играет существеннейшую роль в науке, при этом прежде всего в ее организации, в налаживании научных коммуникаций, а также в научном (и не только) воспитании учеников и последователей. К сожалению, на примере В.С. Комиссарова видно, что уход из жизни отдельных ученых, принимая во внимание масштабы их личности и их личные качества, влечет извлечение «кирпичика» из здания науки и способен вызвать обрушение какой-то части этого

здания. В формировании доктринального знания роль личности тоже велика. Это не значит, что доктрина заполняется одним главенствующим мнением, но точно значит, что само явление идеи авторитетного ученого влечет ее обсуждение в научных кругах и складывает воедино палитру различных позиций по этому вопросу, даже если договориться не удалось. Возможно, именно отличное от традиционного мнение крупного ученого в большей степени формирует доктрину хоть уголовного, хоть уголовно-исполнительного права, хоть криминологии. Два примера: позиция профессора Н.Ф. Кузнецовой по формальным и материальным составам преступлений и позиция профессора Я.И. Гилянского, согласно которой преступление есть некий социальный конструкт, придуманный законом, не нашедшие широкой поддержки в доктрине, тем не менее в изрядной степени ее развили за счет необходимости аргументации традиционных взглядов, приведя к консолидации по ним. Точно пишет почти об этом и профессор В.В. Лазарев: «Противоположные позиции могут быть интегрированы на почве здорового консерватизма и в парадигмах сотрудничества, исключения конфликтов и социальных потрясений. Конвергентные подходы никогда не утрачивают своей роли» [3, с. 5].

УЧЕНЫЕ, ВНЕСШИЕ НАИБОЛЬШИЙ ВКЛАД В ОРГАНИЗАЦИЮ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ (В ЛЮБОЙ ПЕРИОД ЕЕ РАЗВИТИЯ)

Результаты, полученные по пятому вопросу анкеты, впечатляют, поскольку демонстрируют и знание респондентами крупных ученых разных эпох и государств, и желание отдать дань уважения и признательности за вклад в науку ушедшим. В то же время по ряду ответов у меня сложилось ощущение, что вопрос анкеты был прочитан респондентами «беглом». На мой взгляд, часто назывались крупные ученые в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии без привязки к их вкладу в организацию науки. Хотя, возможно, я заблуждаюсь.

Кроме того, все по-разному толкуют понятие «организация науки». Об этом точно написал в анкете профессор Ю.Е. Пудовочкин: «В первую очередь среди организаторов науки – организаторы форумов. Это «лица, к кото-

рым ездят или ходят». Не на какой-то конгресс и не на какую-то конференцию, а на конгресс того-то и конференцию того-то. К кому мы ездим или ходим (в том числе «ходим» виртуально)? Лиц немного... Во вторую очередь (порядок изложения не принципиален) – это лица, организующие организационное начало науки (если можно так выразиться), прежде всего работу ВАК и через него – диссертационных советов... В-третью очередь – организаторы и руководители научных коллективов,

которые проводят исследования или создают иную научную продукцию, редакторы профильных журналов. Их организующая роль не столь масштабна и потому не столь заметна». От себя добавлю, что объединение в одной личности всех указанных граней организации науки встречается не так часто, если не сказать – редко (принимая во внимание организацию работы диссовета).

Далее приводятся сводные данные; я учла все ответы (см. табл. 6).

Таблица 6

**Ученые, внесшие наибольший вклад в организацию науки
уголовного права и криминологии (в любой период ее развития)**

Количество упомянутых ученых		
180 + 1		
1 – коллективные образования (учредители СПб крим. клуба, РКА, СКК)		
Из них:		
ученые досоветского периода	ученые, основная организационная деятельность которых пришлась на советский и первый постперестроечный период	современные ученые
20	70	91

Затруднение у меня вызвало отнесение многих ученых, которые работали в разные периоды развития государства, к конкретному временному этапу, поэтому тут могут быть ошибки. Я исходила из того, в какое время деятельность конкретного ученого была наиболее продуктивна (по опубликованным работам, выступлениям и пр.).

Количество ученых, внесших вклад в развитие науки, по мнению опрошенных, в анкетах было разным, иногда очень большим (свыше 20 имен). Были анкеты, в которых с разной аргументацией респондент не отвечал на этот вопрос; чаще всего звучало, что таких ученых

очень много и не хочется кого-то обидеть.

Полученные результаты едва ли могут быть приняты за истину, но общее представление о том, кого коллеги причисляют к тем, кто определяет организацию доктрины и научных коммуникаций, дают.

Самых упоминаемых ученых покажу в двух таблицах (соответственно, с отметкой этих ученых 25-ю и более проанкетированными, и с отметкой в 10 и более анкетах (до 25)), намеренно не выстраивая никаких рейтингов, не считая процентов, в алфавитном порядке, без разделения на временные эпохи, и здравствующих, и уже ушедших (см. табл. 7, 8).

Таблица 7

**Часто (25 и более раз) упоминаемые среди внесших наибольший вклад
в организацию науки уголовного права и криминологии**

Антонян Юрий Миранович	28
Волженкин Борис Владимирович	32
Долгова Азалия Ивановна	53
Козаченко Иван Яковлевич	27
Комиссаров Владимир Сергеевич	54
Кудрявцев Владимир Николаевич	62
Кузнецова Нинель Федоровна	67
Лопашенко Наталья Александровна	104
Наумов Анатолий Валентинович	43
Рарог Алексей Иванович	67
Таганцев Николай Степанович	32
Яни Павел Сергеевич	28

Таблица 8

**Часто (от 10 до 24 раз) упоминаемые среди внесших наибольший вклад
в организацию науки уголовного права и криминологии**

Бабаев Михаил Матвеевич	15
Гаухман Лев Давидович	11
Гилинский Яков Ильич	13
Жалинский Альфред Эрнестович	17
Карпец Игорь Иванович	19
Ковалев Митрофан Иванович	10
Коробеев Александр Иванович	18
Лунеев Виктор Васильевич	19
Пионтковский Андрей Антонович и Пионтковский Андрей Андреевич	23
Трайнин Арон Наумович	12
Шаргородский Михаил Давидович	12

По Пионтковским должна заметить, что о ком из них – отце или сыне – шла речь, понять, к сожалению, нельзя: инициалы у профессоров Пионтковских совпадают; точно можно судить в одном случае, когда были упомянуты сразу и отец – Андрей Антонович, и сын – Андрей Андреевич (профессор С.В. Шевелева), а также по ответам в двух анкетах, в одной из которых указано отчество сына, а в другой – советский период.

Назову уже без таблиц фамилии ученых, которых упоминали чуть реже (от 3 до 9 раз):

- Э.Ф. Побегайло, Л.Л. Кругликов (9 анкет);
- Г.М. Миньковский, И.М. Мацкевич (8 анкет);
- Н.И. Загородников, Ю.В. Голик (7 анкет);

– И.Я. Фойницкий, А.А. Герцензон, А.Б. Сахаров (6 анкет);

– С.В. Познышев, М.Н. Гернет, Н.А. Стручков, Б.С. Никифоров, П.С. Дагель, А.С. Михлин, Б.В. Здравомыслов, В.Д. Филимонов, В.Е. Квашис, А.Л. Репецкая (5 анкет);

– А.Ф. Кони, С.Г. Келина, Н.А. Беляев, Н.И. Ветров, Б.В. Яценко, А.В. Бриллиантов, В.И. Селиверстов, Г.А. Аванесов, Д.А. Шестаков, В.П. Коняхин, Л.В. Иногамова-Хегай (4 анкеты);

– Н.Д. Дурманов, А.И. Марцев, А.М. Яковлев, И.С. Ной, С.В. Бородин, Г.Н. Борзенков, Р.И. Михеев, В.П. Малков, Ю.М. Ткачевский, В.А. Номоконов, В.С. Овчинский, Ю.Е. Пудовочкин (3 анкеты).

Наконец, в двух анкетах были названы: Л.А. Фейербах, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, А.А. Жижиленко, Б.С. Утевский, Н.С. Лейкина, В.Д. Меньшагин, Г.А. Кригер, В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов, А.Н. Игнатов, В.Е. Эминов, В.Д. Ларичев, Г.Н. Горшенков, С.Ф. Милюков, М.Н. Прокументов, С.М. Иншаков, А.В. Шеслер, С.В. Максимов, В.В. Векленко, В.А. Уткин, А.И. Чучаев, С.Я. Лебедев, А.Г. Кибальник.

Среди тех, кого респонденты перечислили как внесших наибольший вклад в организацию науки, были и представители разных государств. Иногда в анкете оговаривалось: «для республики Беларусь» или «для Дальневосточного региона», хотя не думаю, что с этим можно согласиться. Имена Ивана Станиславовича Тишкевича или Плехана Сергеевича Дагеля, например, значимы для доктрины не только Беларуси, Дальнего Востока, России, но и государств – бывших республик Советского Союза, как и имя Елегена Изтлеуовича Каиржанова (Казахстан).

Интересно, что в числе лиц, оказавших максимальное воздействие на организацию уголовно-правовой науки и криминологии, есть имена ученых, которые не имеют отношения к нашей специальности, в частности профессоров Владимира Михайловича Баранова (теория государства и права), Виктора Петровича Сальникова (теория и история государства и права, конституционное право), Александра Сергеевича Подшибякина (криминалистика).

В одной из анкет была и такая фраза: «Можно было бы назвать тех, кто, напротив, «душил» науку, но не буду». И справедливая ремарка профессора В.И. Михайлова: «В организации науки решающее значение имеют люди, занимающие те или иные управленческие должности, причем зачастую на общественных началах... Объективно, с учетом особенностей нашего времени и возросшей потребности в неформальных коммуникационных связях, в развитие научной мысли серьезный вклад внесли и вносят (далее перечислены конкретные ученые. – Н. Л.) ... а также масса других людей, занимающихся бюрократической работой на государственной и иной управленческой службе. Широкая научная общественность их не знает, относится к ним свысока, поругивает, но без этих людей ничего бы «не организовывалось»».

О ЗАДАЧАХ, СТОЯЩИХ СЕГОДНЯ ПЕРЕД НАУКОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Шестой вопрос анкеты – о задачах науки сегодня – был, возможно, самым главным и уж точно – самым сложным из всего анкетирования. Недаром два респондента не ответили на него, указав на затруднения в выборе позиции, а профессор Д.А. Корецкий и вовсе написал: «не знаю».

Для того чтобы при ответе на данный вопрос акцентировать внимание респондентов на сложном современном этапе истории России, я подчеркивала, что именно осложняет его: последствия пандемии, мировая напряженность, СВО, колебание основ международного права в силу противоположного его толкования представителями разных государств и т. д. Профессор С.Я. Лебедев добавил к перечисленному – верно абсолютно – еще и «инновационные информационно-коммуникационные реалии гибридного миропорядка в условиях 6-го технологического уклада», а профессор М.Г. Жилкин, и тоже во многом справедливо, горестно констатировал: «современные реалии, к сожалению, сложились не в последние несколько лет или месяцев, а являются следствием крушения Советского государства, негативным результатом которого стало в том числе и действующее законодательство. Возвращение класса эксплуататоров в лице современных капиталистов, сколотивших свои первые миллионы на преступлениях, маргинализация «элит», разделение общества на «государство» и народ лишает смысла разработки новых правовых концепций, так как все они будут сведены к обслуживанию действующего режима. Пандемия, СВО, изоляция, проблемы бизнеса, падение нравов – это все следствие, поэтому вначале необходимо стабилизировать общественные отношения, а уже после – создавать новое уголовное право. Когда лихорадящий больной старается выжить, ему явно не до ремонта в своей квартире». Проблема здесь, на мой взгляд, в том, что этот пресловутый «ремонт» делают в нашем доме лица, которые не только не являются профессионалами в нашем деле, но и бесконечно урезают наши права на проживание в этом доме. Потому нельзя не вмешиваться.

Общая картина по ответам на шестой вопрос анкеты выглядит следующим образом (см. табл. 9).

Главные задачи, стоящие перед наукой уголовного права и криминологии сегодня

А. Разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий	Б. Решение по-новому вечных уголовно-правовых и криминологических проблем (проблемы понятия общ. опасности, преступления, целей наказания, понимания преступности, личности преступника, криминализации и т. д.)	В. Сосредоточение на квалификационных проблемах, то есть полный уход в практико-ориентированность и обслуживающую правоприменение роль	Г. В наше сложное время для науки уголовного права и криминологии ничего не изменилось, следует работать, как работали	Д. Основные усилия науки сейчас должны быть направлены на помощь государству в тех аспектах, в которых наука уголовного права и криминологии компетентна	Е. Иное
35 (20,8 %)	56 (33,3 %)	9 (5,4 %)	25 (14,9 %)	42 (25 %)	45 (26,8 %)

Таким образом, в ответах на этот вопрос анкеты выделяются два варианта с разными значениями – максимальным и минимальным.

Чаще всего респонденты – высококвалифицированная аудитория – видят в качестве главной задачи доктрины уголовного права и криминологии решение по-новому вечных уголовно-правовых и криминологических проблем, например, проблемы понятия общественной опасности, преступления, целей наказания, проблемы понимания преступности, личности преступника, криминализации и т. д. (вариант Б), хотя иногда с корректировками основной формулировки варианта ответа. Так, профессор А.В. Федоров дополнил ее фразой: «адаптация уголовного права к изменившимся реалиям бытия, включая решение по-новому...»; профессор С.В. Полубинская уточнила: «более глубокое, с содержательным использованием истории уголовно-правовой науки исследование традиционных уголовно-правовых проблем»; почти о том же написал профессор В.А. Якушин: «углубленное исследование «старых» и «новых» проблем в аспекте имеющих социальных реалий, в интересах развития самой науки, совершенствования законодательства и практики его применения», а профессор

А.И. Бойко подчеркнул: «главное – как по-новому!»

Реже, чем другие варианты, был отмечен вариант В – «сосредоточение на квалификационных проблемах, то есть полный уход в практикоориентированность и обслуживающую правоприменение роль». Его выбрали всего 9 человек из 168 респондентов, при этом пятеро из них добавили еще один вариант ответа к этому. Так, профессор Г.А. Есаков заметил: «за основу я б взял пункт «в», но дополнил бы его – и продолжение разработки строго догматических проблем уровня ниже, чем пункт «б» (например, вина, составы, квалификация и т. п.)».

Оценки анализируемого варианта ответа разошлись. Профессор В.И. Селиверстов, прокомментировав каждый из вариантов ответа, написал: «это тупик для уголовного права». Такую же позицию занял профессор Б.З. Маликов: «такой подход приведет к определенной утрате значения теории уголовного права, особенно в части понимания сущности уголовной ответственности, значения наказания, иных мер уголовно-правового характера, обеспечения правоохраны, превентивных целей, а вопросы квалификации будут получать более свое отражение не в процессе совершенствования закона, а преимущественно

на уровне руководящих разъяснений ПВС России и практики судов по отдельным вопросам квалификации. Без должного внимания к науке государство будет допускать ошибки в вопросах криминализации, декриминализации, пенализации и депенализации, соответствия охраняемых ценностей мерам уголовно-правовой защиты». Доцент О.Н. Агеева, выбрав свободный вариант, скорректировала ответ указанием не на полную, а на разумную практикоориентированность: «разумная практикоориентированность. Прикладная роль науки уголовного права, на мой взгляд, должна быть максимально востребованной. Вопрос «а услышат ли?!» из числа даже не риторических, а перманентных, пожалуй...».

Из трех оставшихся конкретных (исключая пока свободный) вариантов ответа чуть больше голосов набрал вариант Д – основные усилия науки сейчас должны быть направлены на помощь государству в тех аспектах, в которых наука уголовного права и криминологии компетентна. Его выбрал, например, профессор Ю.В. Голик, добавивший к нему: «работать надо много и хорошо», профессор В.В. Сверчков, отметивший рядом с государством: «Отечеству, русскоязычному миру», профессор И.В. Шишко, скорректировавшая границы помощи: «и, как мне представляется, проблемы квалификации – часть этой помощи». А кандидат юридических наук А.Н. Старжинская указала: «Я бы соединила ответ Б с ответом Д, если бы было понятно, в каком контексте имеется в виду помощь государству. Сейчас нужно взрастить правосознание у граждан с учетом геополитической ситуации. Но не в интересах представителей власти нашего государства. В интересах самого государства как такового. Без науки это невозможно, на мой взгляд».

Значительное количество респондентов выбрали вариант А: разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий, хотя и уточнения здесь тоже были. В частности, профессор И.А. Фаргиев отметил необходимость при создании концепции нового уголовного права учитывать историческое прошлое. Приведу только один аргумент в обоснование этого варианта ответа на вопрос о главных задачах уголовного права сегодня. Доцент С.А. Сивцов полагает: «В последнее время с учетом указанных

особенностей, с учетом денонсации ключевых конвенций в уголовном праве и криминологии, с учетом развития современных информационных технологий необходимо сосредотачиваться на выработке своих доктринальных нормативных правовых актов, начиная с принятия нового Уголовного кодекса РФ, где не будет такого множества мелких и «мертвых» статей, непонятно что регулирующих, необходима выработка единой российской антикоррупционной концепции (с учетом как европейского, так и азиатского опыта) и т. д. Практически весь спектр общественных отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами, подлежит пересмотру, иначе мы скатимся к «обслуживающей правоприменительной роли». А после формирования нового уголовного права будет стоять необходимость и в совершенствовании Уголовно-исполнительного кодекса РФ, который тоже необходимо модернизировать под настоящие реалии».

Интересны рассуждения респондентов, которые не согласились с этим вариантом ответа. Так, профессор В.И. Селиверстов коротко заметил: «реалии только в стадии изменения»; профессор Н.И. Пикуров: «разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий – это слишком кардинально, но в этом направлении – разработка концепции новых институтов уголовного права, ревизия старых институтов на предмет их эффективности». По мнению профессора В.И. Михайлова, «прежде всего надо бы понять, во-первых, эту самую изменившуюся реальность и сформулировать тенденции ее развития, а во-вторых, может ли уголовно-правовой инструментарий, разработанный почти сотню лет тому назад для нужд своего времени, применяться сейчас? Может ли категория «общественная опасность» «работать» сейчас, при плюрализме интересов (прежде всего, экономических интересов, ч. 2 ст. 8 Конституции: «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности», а в литературе все еще пишем: «независимо от форм собственности». Оговорка, как говорится, по Фрейду). Должно ли понимание умысла включать и осознание противоправности совершаемого деяния? Как понимать виновность применительно к определению преступления. И пр. и пр.».

По сути, продолжая то, о чем говорит профессор В.И. Михайлов, но доводя свои рассуждения до почти категоричного отрицания старых подходов, профессор Ю.Е. Пудовочкин пишет: «Я бы сказал так: разработка здоровой, реалистичной и современной концепции уголовного права – не перетряхивание привычных постулатов, не подгонка их под новые условия и ни в коем случае не оказание «помощи» государству. Государство у нас хорошее, но все время разное, куда оно свернет в следующем году или через пару лет, не дано предугадать никому, наука не может быть «обслуживающей» единицей, она должна стать самостоятельной силой, со своим видением оптимальной ситуации в сфере правового противодействия преступности. Но ее самостоятельность не может основываться лишь на прошлых достижениях. Это самоочевидно. «Приспособление старого к новому» – путь в никуда. Латать дыры на старых кафтанах можно, да выходить в них в свет уже неприлично. Красивое, но затертое слово «инновации» должно наконец-то стать определяющим. Беккариа был инновационным, Вышинский был инновационным. Это хоть и разные, но инновационные стартапы, с известной разной судьбой. Новых и перспективных инноваций – вот чего не хватает сегодня».

Доцент М.М. Лапунин, выбравший другой вариант ответа, написал: «Разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий, но с перспективой на будущее, так как внедрять в эпоху перемен новый уголовный закон – дело неблагодарное. Пока же – работать, как работали».

Вариант Г выбрали 25 человек, при этом формулировку варианта ответа уточнил профессор Ф.В. Грушин, указав на необходимость учета современных условий. Профессор Т.В. Кондрашова заметила: «Делай что должен, и будь что будет». По мнению профессора М.Б. Костровой, «не изменилось, «следует работать, как работали» означает, что, как и во все времена, научному осмыслению подлежат и новые проблемы (реалии), и проблемы вечные, в том числе и квалификационные». Хотя и здесь были ремарки тех респондентов, которые выбрали иной вариант ответа. Например, профессор В.И. Селиверстов подчеркнул: «постарому уже ущербно работать, а для нового не созрело общество».

И наконец, набравший множество голосов

свободный вариант Е – второй по популярности. Привести здесь все позиции (безусловно, очень интересные) не смогу (некоторые из них еще и очень объемные. Например, по мнению профессора А.П. Кузнецова, «в настоящее время перед уголовно-правовой наукой должны стоять две группы стратегических (теоретических) и тактических (прикладных) задач⁷. Решение указанных задач позволит разработать концепцию уголовного права с учетом социально-экономических и политико-правовых отношений, складывающихся в обществе»), но на отдельных хотелось бы остановиться.

Сформулированы новые (или почти новые), а также достаточно кардинальные идеи в отношении задач уголовного права и криминологии (иногда и других отраслей права и даже образования) на настоящем этапе. К числу таковых я отношу следующие:

– «принципиальный пересмотр ВСЕХ понятий уголовного права и криминологии с учетом современных международных научных представлений» (профессор Я.И. Гилинский);

– «ВЫРАБОТКА ОСНОВ (видимо, заново) МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» (доцент К.Е. Чемеринский);

– «разработка и обеспечение реализации инновационных научных основ современной уголовно-правовой политики государства» (профессор С.Я. Лебедев);

– «разработка инновационных идей, касающихся природы причинности, криминологической роли категорий взаимодействия, случая, неопределенности, риска, анализа микрокриминологических факторов» (профессор М.М. Бабаев);

– «объяснить, почему человек совершает преступление и каким путем его удержать от этого» (профессор Ю.М. Антонян);

⁷ «К теоретическим задачам следует отнести: а) разработку методологии системного анализа метода уголовного права; б) разработку методологии эмпирического познания объекта уголовного права; в) разработку методологии теоретического познания предмета уголовного права. К прикладным задачам следует отнести: а) исследование российского уголовного законодательства и практики его применения; б) исследование междисциплинарных взаимосвязей между уголовным правом и другими отраслями права; в) исследование исторических этапов эволюции уголовного законодательства и практики его применения; г) исследование международного уголовного права, уголовного права зарубежных стран; д) исследование проблем противодействия преступности».

– «познать преступность в условиях новых мировых реалий» (профессор Е.А. Антонян);

– «стабильность, единообразие судебной практики» (доцент С.К. Бураева);

– «в современных условиях модернизации юридического образования важно сосредоточиться на вопросах повышения уровня преподавания дисциплин за счет улучшения содержания рабочих учебных планов и учебных программ, отводя уголовному праву, криминологии роль базовых, а не элективных дисциплин. Более того, по данным предметам необходимо увеличить количество часов, поскольку это отражается на качестве подготовки кадров для сферы борьбы с преступностью» (профессор Е.О. Алауханов). Ну как с этим не согласиться! Правда, едва ли это задача науки.

В этом же ряду стоит и мнение профессора С.У. Дикаева: «Нужен иной подход в определении предмета уголовного права, предполагающий признание потерпевшего субъектом уголовно-правовых отношений. Это должны быть общественные отношения, возникающие между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, посредством государства. Государству следует отказаться от монополии на регулирование всех уголовно-правовых конфликтов. Все правосудие должно «крутиться» вокруг потерпевшего. Главной задачей правосудия должно быть скорейшее восстановление положения потерпевшего».

Несколько позиций фактически совпали, поскольку ученые пишут о необходимости преодолевать волюнтаризм законодателя как о главной задаче уголовно-правовой науки. Так, по мнению доцента Е.И. Грузинской, «в силу отсутствия системности изменений, когда один казус становится поводом изменения законодательства, мне кажется, одной из главных задач при реформировании законодательства становится необходимость научной обоснованности правотворчества»; кандидат юридических наук Р.А. Комягин полагает, что «главная задача для науки состоит в том, чтобы добиться непосредственного и обязательного участия в принятии государственно-правовых решений. В остальном следует работать, как работали, но с учетом новых реалий. Что-то будет меняться, что-то останется по-прежнему». Профессор В.И. Плохова отмечает: «использовать имеющиеся достижения

науки уголовного права для корректирования закона и правоприменения»; профессор Н.В. Огородникова пишет: «предостеречь законодателя – не увлекаться криминализацией (учитывать разработанные наукой основание и принципы методов уголовно-правовой политики), перестать плодить специальные нормы, чтобы не скатиться в казуистику, не заидеологизировать окончательно уголовный закон». Как тут не вспомнить профессора В.В. Лазарева: «Нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий дискомфорт должна устранять власть (Царь, КПСС, Президент) и непременно изданием законов» [4, с. 183].

Есть среди свободных ответов на вопрос о главных задачах уголовно-правовой науки ответы, по сути, объединяющие в себе если не все варианты, то многие. Например, доцент А.А. Коренная рассуждает следующим образом: «не исключаю ничего из перечисленного. Однако каждое из направлений не должно стать абсолютом. «Удобный» для практики закон (квалификационные проблемы) во всяком случае не может быть таковым без доктринального осмысления. Решение новых задач, в том числе на уровне концепции нового уголовного закона, необходимо, но работать нужно, как работали, только больше и лучше»; по мнению профессора Б.З. Маликова, «наука может и должна успешно развиваться по всем направлениям при наличии выверенной, последовательной и стабильной социальной политики государства в области организации науки (ряд подходов в организации науки устарели либо не соответствуют произошедшим изменениям в стране)».

Многие из отвечавших задумываются о качестве самой уголовно-правовой науки. Профессор В.С. Степашин, например, горестно констатирует: «если раньше делали вид, что наука нужна, то теперь даже не пытаются. Наука на задворках, а мы обслуживаем непрофессионального законодателя, непрофессионального правоприменителя и плодим непонятно кого». Некоторые респонденты отметили необходимость повышения «качества научных исследований, аргументированности и обоснованности выводов» (профессор С.В. Полубинская) или заявили: «Стать снова наукой без всяких оговорок! Наукой, генерирующей прогрессивные идеи, ориентирован-

ные на решение реальных и перспективных задач в контексте государственного социального управления. Избавиться от наукометрии, производной от так называемой публикационной активности. Искать консенсусные решения по принципиальным вопросам, а не отстаивать каждому «свое» мнение и собственную значимость в науке, зачастую отличающиеся построением предложения, предпочтением синонима или даже знака препинания» (профессор В.С. Джатиев). Как всегда, точна профессор Т.Г. Понятовская: «Уголовно-правовая политика должна отвечать велениям времени. Уголовно-правовая наука строится на мировоззренческой базе, свободной от конъюнктуры. «Работать, как работали» нельзя: качество уголовно-правовой науки понизилось. Многие ее качественные составляющие девальвировались – методология, кругозор (чтобы не сказать «образованность»), глубина проникновения, последовательность научных и правовых позиций, масштабность задач. Без этого А, Б и Д невозможны».

Есть ответы, близкие к мечте и к идеалу, недостижимые, но очень мне симпатичные:

- «обеспечение и восстановление социального мира» (доцент Д.Г. Мороз);

- «вряд ли это возможно, и все же хотелось бы, чтобы наука уголовного права внесла посильный вклад в излечение нашего нравственно больного общества» (профессор Б.В. Яценко);

- «миссия науки – делать мир лучше. Если государство имеет такую же цель, мы совпадаем» (доцент С.В. Анощенко).

Представляется, что ни один из предложенных мной ответов на вопрос о главных задачах, стоящих ныне перед уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и криминологической доктринами, не противоречит принципиально другому, кроме ответа по уходу в полную практикоориентированность науки. Наука не может и не должна превращаться

в «служанку» правоприменения, даже в самых благих целях.

Я бы только разделила главные задачи на те, которые должны решаться постоянно, являются, по сути, рабочими, и те, которые ориентированы на будущее. К первой группе задач я отношу необходимость продолжения всего того, чем наука и занимается (это варианты Г и Д). Вторая группа включает в себя перспективные задачи, которые требуют больших временных и иных затрат, а иногда – определенности в той реальной обстановке, которая существует (варианты А и Б). Над ними нужно работать уже сейчас.

Закончить я бы хотела словами профессора В.И. Михайлова: «Короче: предмет приложения усилий имеется. Надо только организоваться». И здесь роль личности, лидера переоценить невозможно. П.В. Крашенинников пишет о крупнейшем ученом в области частного права – А.Л. Маковском: «Сегодня, когда Александр Львович Маковский все дальше уходит от нас в Историю, мы отчетливо понимаем его роль как узлового звена в цепочке преемственности правоведов-деятелей, которые создали российское дореволюционное частное право, уберегли его от полного разрушения в годы советской власти и возродили для новой России. В Истории встречается множество перекрестков, на которых приходится выбирать направление дальнейшего движения. Тех, кто выбрал верное направление для достижения намеченной цели и достиг ее, обычно называют историческими личностями. Оказавшись на таком перекрестке истории развития отечественного частного права, Александр Львович не только выбрал верное направление, но и сумел стать одним из организаторов движения к современному гражданскому законодательству» [5, с. 21]. Уголовно-правовой и криминологической доктрине сейчас очень нужен такой лидер. Хотя бы, чтобы видеть наши горизонты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ершова И.В. Заведующий кафедрой как триада ипостасей: менеджер, преподаватель, научный работник / И.В. Ершова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 174–187.
2. Бибикова А.В. Базовые черты личности и реализация механизма самоактуализации как основа понимания феномена лидерства в творческих (исполнительских) коллективах / А.В. Бибикова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45). – С. 317–319.

REFERENCES

1. Ershova I.V. Head of Department as a Capacity Triad: Manager, Teacher, Researcher. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 9, pp. 174–187. (In Russian).
2. Bibikova A.V. The basic traits of personality and the mechanism of self-realization as a basis for understanding the phenomenon of leadership in creative (performing) groups. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*, 2014, no. 2 (45), pp. 317–319. (In Russian).

3. Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 5–19.

4. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) / В.В. Лазарев // Lex Russica. – 2013. – № 2. – С. 181–191.

5. Крашенинников П.В. На перекрестке истории отечественного частного права / П.В. Крашенинников // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др. ; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2020. – С. 10–21.

3. Lazarev V.V. Legal science in the light of the prospects of digitalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 5–19. (In Russian).

4. Lazarev V.V. Legal science: current state, challenges and perspectives (theoretical thoughts). *Lex Russica*, 2013, no. 2, pp. 181–191. (In Russian).

5. Krasheninnikov P.V. At the crossroads of the history of national private law. *Arkhipova A.G., Asoskov A.V., Bezbakh V.V. et al.; Vitryansky V.V., Sukhanov E.A. (eds.). Civil law of the welfare state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930–2020)*. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 10–21. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопашенко Наталья Александровна – доктор юридических наук, профессор, почетный работник Министерства образования РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lopashenko Natalya Alexandrovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal and Penal Law.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 18.06.2023. The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 18.06.2023.

КОРОБЕЕВ Александр Иванович
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия;
e-mail: akorobeev@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2779-7809>

KOROBEEV Alexander Ivanovich
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia.

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

MODERN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW THROUGH THE PRISM OF THE INSTITUTE
OF INTERNATIONAL CRIMINAL LIABILITY

Аннотация. Одной из функций международного уголовного права как самостоятельной отрасли международного публичного права является регулирование сотрудничества между субъектами международного права по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности за совершение международных преступлений и преступлений международного характера. Цель настоящей публикации: на основе исследования истории развития международного уголовного права и его современного состояния через призму института международной уголовной ответственности выявить актуальные проблемы, присущие данной отрасли международного публичного права, в период глобальных вызовов и в условиях кризиса международных отношений. Методы: диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, историко-правовой, формально-юридический. Результаты: установлено, что с конца XX в. наблюдается процесс деградации международного уголовного права, что выражается в трансформации – к сожалению, не в лучшую сторону – института международной уголовной ответственности, выявлены четыре проблемных фактора, снижающие эффективность правового регулирования отношений в сфере международного сотрудничества и борьбы с международными преступлениями: 1) неопределенный и, как следствие, спекулятивный характер конструкции «международное сообщество»; 2) сомнительный характер правомерности создания некоторых международных судебных органов; 3) недостаточная определенность отдельных юридических оснований международной уголовной ответственности; 4) тенденция к политизации и конъюнктурности международного уголовного правосудия.

Ключевые слова: международное уголовное право, международная уголовная ответственность, проблемы международного правосудия, Международный уголовный суд

Abstract. One of the functions of international criminal law as an independent branch of public international law is to regulate cooperation between subjects of international law in bringing perpetrators to criminal liability for the commission of international crimes and crimes of international character. Purpose: based on the study of the history of the development of international criminal law and its current state through the prism of the institute of international criminal liability, the present article seeks to identify the current problems inherent in this branch of public international law in a time of global challenges and crisis in international relations. Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, historical-legal, formal-legal. Results: the paper establishes that since the end of the 20th century, there has been a process of degradation of international criminal law, which is reflected in the transformation – unfortunately not for the better – of the institute of international criminal liability. The author of the article identifies four problematic factors that reduce the effectiveness of legal regulation of relations in the field of international cooperation and combating international crimes: 1) the vague and, consequently, speculative nature of the «international community» design; 2) the dubious nature of the legality of the establishment of some international judicial bodies; 3) the insufficient certainty of some legal grounds for international criminal liability; 4) the trend to politicize and opportunize international criminal justice.

Keywords: international criminal law, international criminal liability, problems of international justice, International Criminal Court

Для цитирования: Коробеев А.И. Современное международное уголовное право сквозь призму института международной уголовной ответственности / А.И. Коробеев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 40–44

For citation: Korobeev A.I. Modern international criminal law through the prism of the institute of international criminal liability. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 40–44 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.4.

ВВЕДЕНИЕ

В обширном научном наследии профессора В.С. Комиссарова есть работы, посвященные проблемам международного уголовного права и международной уголовной ответственности, в том числе за совершение преступлений террористического характера. Затрагиваются в них и вопросы о «государственном терроризме» [1; 2; 3].

Развитие и усложнение международных отношений неминуемо приводят не только к взаимодействию и сближению национальных уголовно-правовых систем, но и к формированию надгосударственного (международного) правового механизма, регулирующего отношения между государствами в сфере борьбы с преступностью, более известного как международное уголовное право.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Международное уголовное право представляет собой систему международных правовых норм, регулирующих отношения, связанные с борьбой с наиболее опасными преступлениями, посягающими на международный мир и безопасность человечества, отдельные элементы международного правопорядка, национальные интересы двух и более государств. Его также можно определить как самостоятельную отрасль международного публичного права, представляющую собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество между субъектами международного права по предупреждению и привлечению виновных лиц к ответственности за совершение международных преступлений и преступлений международного характера.

Международное уголовное право уходит своими корнями в далекое прошлое, а его развитие изначально было связано с меж-

государственным сотрудничеством в области противодействия преступлениям, подпадающим под договорную юрисдикцию [4]. В историческом плане выделяют разные периоды развития международного уголовного права, которые в большинстве случаев связаны с эволюцией института экстрадиции и развитием норм, устанавливающих правила ведения войны, что приводит к сближению международного уголовного права с экстрадиционным и военно-уголовным правом [5, с. 97]. Однако оформление международного уголовного права в качестве самостоятельной отрасли международного публичного права, представляющей согласованную систему взаимосвязанных норм, принципов и институтов, а также действующего понятийно-категориального аппарата, раскрывающего характер регулируемых отношений, происходит с конца XIX в., что во многом обусловлено сближением правовых систем, признанием на международном уровне необходимости установления ограничений и запретов относительно методов, средств и способов ведения войны, созданием гарантий правовой защиты гражданского населения в условиях вооруженного конфликта. В свою очередь, предтечей интенсификации (как в правотворческом, так и в правоприменительном плане) развития международного уголовного права стали мировые войны, возрастающее геополитическое противостояние, распространение оружия массового поражения, появление и быстрое распространение новых криминогенных угроз (международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность).

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Центральным институтом современного международного уголовного права является институт международной уголовной от-

ветственности, который представляет собой систему одновидовых международных норм, устанавливающих основания и процедуру применения к физическим лицам, совершившим международные преступления, мер негативного воздействия в виде наложения обязательств уголовно-правового характера со стороны международного сообщества. История и практика международных отношений знает примеры привлечения физических лиц к уголовной ответственности за совершение международных преступлений на международном (надгосударственном) уровне. Например, в разное время в результате работы международных трибуналов *ad hoc* к международной уголовной ответственности были привлечены военные преступники нацистской Германии, милитаристской Японии, высшие должностные лица, ответственные за преступления против человечества, совершенные в Руанде и бывшей Югославии.

Между тем с конца XX в. наблюдается процесс деградации международного уголовного права, что выражается в трансформации – к сожалению, не в лучшую сторону – института международной уголовной ответственности. Это объясняется рядом причин.

Во-первых, сомнительным в свете политики двойных стандартов и постоянного геополитического противостояния представляется само понятие «международное сообщество», которое в своем изначальном понимании должно выражать консолидированную волю большинства стран. В условиях современных реалий мы становимся очевидцами того, что это самое международное сообщество концентрирует в себе множество противоречий, которые зачастую и вовсе сводятся к откровенному или скрытому противостоянию. Не будет преувеличением сказать, что современное международное сообщество охватывает три группы государств: государства, которые способны проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и отстаивать национальные интересы (например, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика); государства, аффилированные с государствами первой группы и (или) подпадающие под их прямое или косвенное политическое или экономиче-

ское влияние, в силу чего имеющие ограниченный суверенитет (государства Европейского союза); иные государства, не имеющие политического, экономического или военного влияния, но выступающие как субъекты международного права.

Во-вторых, возникают обоснованные сомнения в правомерности деятельности некоторых международных органов правосудия. Например, высказываются сомнения в легальности создания и деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии, так как он был создан не Генеральной Ассамблеей ООН, а Советом Безопасности, не имевшим права наделять его судебными полномочиями. Кроме того, отмечается предвзятый и односторонний характер деятельности Трибунала, так как основными подсудимыми стали именно сербы, а в основу обвинительного материала была положена информация спецслужб западных стран, что не прибавило объективности данному Трибуналу [6, с. 4].

В-третьих, сами юридические основания международной уголовной ответственности страдают неопределенностью. Так, в современном международном уголовном праве все еще нет универсальной международной конвенции, криминализирующей агрессию и бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности. Несмотря на то что агрессия изначально воспринимается как противоправное деяние в международном обычном праве, как международное преступление такое деяние было признано только в 1998 г. в результате принятия Римского статута Международного уголовного суда (Римский статут МУС), установившего международную юрисдикцию в отношении международных преступлений. Однако изначально норма об агрессии (ст. 5) не содержала легального определения этого преступления. В 2010 г. по результатам работы Кампальской конференции Римский статут МУС был дополнен положением, закрепляющим определение преступления агрессии, основанное на Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г. «Определение агрессии», которое вызывает ряд нареканий и вопросов. Например, без ответа остается вопрос о том, можно ли квалифицировать как агрессию проведение одним государством гу-

манитарной интервенции против другого государства в целях пресечения геноцида или предупреждения гуманитарной катастрофы. Открытым остается вопрос о правомерности с позиции действующего международного права реализации права на самооборону, которое выражается в нанесении превентивного удара или принуждении к миру. Не утрачивает своей актуальности вопрос о статусе потерпевшего государства (проблема, связанная с существованием как признанных государств, так и государственных образований, которые не имеют юридического признания) [7, с. 40].

Нормы международного гуманитарного права (Женевские конвенции и дополнительные протоколы к ним) устанавливают международные обязательства для государств, находящихся в вооруженном конфликте, но сами нарушения этих норм не криминализованы в рамках специальной международной конвенции. Пожалуй, только геноцид полноценно был криминализован в 1948 г. в результате принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

В-четвертых, представляется, что рассматриваемый институт в относительно приемлемом виде реализуется только в рамках действия Римского статута МУС. Однако, как показывают результаты работы МУС за последние 20 лет, он не оправдал своего назначения, так как наблюдается тенденция к рассмотрению дел о международных преступлениях, совершаемых главным образом в странах Африканского континента (10 из 17 дел связаны с преступлениями на Африканском континенте), и при этом игнорируются преступления, совершенные США и их сателлитами (европейские страны, аффилированные прямо или косвенно с США и их союзниками). Например, на сегодняшний день никто из высшего руководства стран НАТО так и не понес ответственность за совершение военных преступлений против Ливии, Ирака и Сирии.

К сожалению, приходится констатировать, что большие надежды, связанные с МУС, не оправдали себя в условиях обострения международных отношений, девальвации принципов и стандартов международного права, а также спекулятивного и конъюнктурного использования международно-правовых

механизмов в целях обеспечения именно национальных интересов отдельных государств в ущерб международному правопорядку.

Нельзя не отметить возникшую в последнее время тенденцию к политизации и конъюнктурности МУС, что выражается в неправомерном применении процессуальных мер принуждения в отношении высших должностных лиц других государств. Подобного рода меры заключаются в вынесении МУС ордеров на арест глав государств, которые не признают юрисдикцию данного судебного органа. Подобного рода практика неприемлема с позиции действующего международного права, так как ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 г. прямо предусматривает, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия.

Признание отношений, связанных с реализацией международной уголовной ответственности, в качестве предмета (стороны предмета) международного уголовного права порождает еще больше вопросов об объективности самого явления и достаточности его правоохрнительного потенциала для борьбы с деяниями, вызывающими озабоченность у всего международного сообщества [8, с. 105–118].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что международное уголовное право, безусловно, является самостоятельной отраслью международного публичного права. Его прогрессивное развитие продиктовано стремлением государств обеспечить прочные основы международного правопорядка посредством криминализации деяний, вызывающих у международного сообщества наибольшую озабоченность. В то же время нельзя не признать и проблемные моменты, присущие международному уголовному праву, что во многом связано с негативными политическими процессами, происходящими в условиях глобализации и приводящими к снижению эффективности правового регулирования отношений в сфере борьбы с международными преступлениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В.С. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение / В.С. Комиссаров, В.П. Емельянов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 5. – С. 34–45.
2. Комиссаров В.С. Уголовное право и вызовы глобализации (XVIII Международный Конгресс уголовного права, Стамбул, 20–27 сентября 2009 г.) / В.С. Комиссаров, Г.И. Богущ // Уголовное право. – 2010. – № 1. – С. 119–121.
3. Комиссаров В.С., Енсебаева Г.Б. Совершенствование уголовного законодательства об организованной и транснациональной организованной преступной деятельности (на примере Республики Казахстан, Российской Федерации, Китайской Народной Республики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 115–123.
4. Beth Van Schaack, Ron Slye. A Concise History of International Criminal Law. Santa Clara Law Digital Commons, 2007. 48 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/facpubs/626/> (дата обращения: 16.06.2023).
5. Елисеев Р.А. История становления и развития международного уголовного права / Р.А. Елисеев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2009. – № 3. – С. 89–104.
6. Наумов А.В. Слухи о смерти международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не обоснованы / А.В. Наумов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 2. – С. 3–6.
7. Лобач Д.В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии / Д.В. Лобач // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 3. – С. 38–44.
8. Ного С. Международное уголовное право / С. Ного ; пер. А.А. Литвинская. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2019. – 336 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коробеев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korobeev Alexander Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 18.06.2023; принята к публикации 18.06.2023. The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 18.06.2023; accepted for publication 18.06.2023.

REFERENCES

1. Komissarov V.S., Emelyanov V.P. Terror, terrorism, «state terrorism»: concept and correlation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki = Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*, 2018, no. 5, pp. 34–45. (In Russian).
2. Komissarov V.S., Bogush G.I. Criminal Law and the Challenges of Globalization (XVIII International Congress of Criminal Law, Istanbul, September 20–27, 2009). *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 1, pp. 119–121. (In Russian).
3. Komissarov V.S., Ensebaeva G.B. Improvement of criminal legislation on international organised criminal activity (by the examples of the Republic of Kazakhstan, Russian Federation, People's Republic of China). *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 4, pp. 115–123. (In Russian).
4. Beth Van Schaack, Ron Slye. A Concise History of International Criminal Law. Santa Clara Law Digital Commons, 2007. 48 p. Available at: <https://digitalcommons.law.scu.edu/facpubs/626/>.
5. Eliseev R.A. The history of formation and development of the international criminal law. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2009, no. 3, pp. 89–104. (In Russian).
6. Naumov A.V. Rumours about the death of international criminal law and international cooperation in criminal proceedings are unjustified. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2021, no. 2, pp. 3–6. (In Russian).
7. Lobach D.V. Problem aspects of legal regulation of responsibility for the crime of aggression. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2021, no. 3, pp. 38–44. (In Russian).
8. Nogo S. International criminal law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2019. 336 p.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.5

Original article

РАРОГ Алексей Иванович
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия;
e-mail: alek.rarog@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2130-4620>

RAROG Alexey Ivanovich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

MILITARY CRIMINAL LAW OF RUSSIA: ITS STATUS AND PROSPECTS

Аннотация. С принятием УК РФ 1996 г. законодатель, исходя из содержания ч. 3 ст. 331, отвел военно-уголовному законодательству роль чрезвычайного закона, который должен действовать только в период военного времени. Неоправданность этого решения стала очевидной после начала специальной военной операции на территории Украины. Поэтому Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ ч. 3 ст. 331 УК РФ была отменена, а гл. 33 «Преступления против военной службы» дополнена целым рядом преступлений, совершаемых военнослужащими в связи с выполнением боевой задачи в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, в период мобилизации или военного положения. Тем самым, на взгляд автора, военно-уголовное законодательство вернуло себе статус подотрасли уголовного права. Цель настоящей публикации – определить статус и место военно-уголовного права в системе российского права и его внутреннюю систему, охарактеризовать современное состояние и выделить перспективные направления его развития. Методы: диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический. Результаты: исторический обзор российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности военнослужащих за преступления, совершаемые в связи с выполнением боевой задачи во время вооруженного столкновения с неприятелем, позволяет сделать вывод о том, что военно-уголовное право является подотраслью уголовного права. Однако ее развитие не завершено и продолжится с учетом исторического опыта, в связи с чем автором предложены четыре перспективных направления развития российского военно-уголовного права.

Ключевые слова: военно-уголовное право, институт права, подотрасль права, военнослужащий, военное время, вооруженный конфликт, боевые действия, мобилизация

Abstract. Since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996, the legislator, based on the content of Part 3 of Article 331, assigned to the military criminal legislation the role of emergency law, which should be in force only during wartime. The unjustifiability of this decision became obvious after the beginning of the special military operation in Ukraine. Therefore, by Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, Part 3 of Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation was abolished, and Chapter 33 «Crimes against military service» was supplemented by a number of crimes committed by military personnel in connection with the performance of a combat task in wartime, in conditions of armed conflict or hostilities, during mobilization or martial law. Thus, in the author's opinion, military criminal law has regained its status of a sub-branch of criminal law. The purpose of this publication is to determine the status and place of military-criminal law in the system of Russian law and its internal system, to characterize its current state and highlight promising directions of its development. Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, historical-legal, comparative-legal, formal-legal. Results: the historical review of Russian and foreign criminal legislation on the liability of military personnel for crimes committed in connection with the performance of a combat mission during an armed confrontation with an enemy leads to the conclusion that military criminal law is a sub-branch of criminal law. However, its development is not complete and will continue in the light of historical experience, in connection with which the author proposes four promising areas for the development of Russian military criminal law.

Keywords: military criminal law, institute of law, sub-branch of law, serviceman, wartime, armed conflict, hostilities, mobilization

Для цитирования: Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы / А.И. Рарог. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.5 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 45–52

For citation: Rarog A.I. Military criminal law of Russia: its status and prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 45–52 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.5.

ВВЕДЕНИЕ

29 марта 2023 г. моему другу Владимиру Сергеевичу Комиссарову исполнилось бы 70 лет. Мы долго и плодотворно взаимодействовали по линии сотрудничества между кафедрами уголовного права МГУ и МГЮА, по линии секции уголовного права и криминологии Учебно-методического объединения по юридическому образованию высших учебных заведений страны, по совместной работе в диссертационном совете МГУ и по другим направлениям. Владимир Сергеевич обладал огромным организаторским талантом, нестандартными научными взглядами и личным обаянием, его притягательная сила была неотразимой. Вспоминая наши дискуссии о качестве российского уголовного законодательства, могу себе представить его замечания по поводу моих взглядов на военно-уголовное законодательство России и перспективы его развития, но Владимир Сергеевич, конечно, поддержал бы мое негативное отношение к декодификации уголовного законодательства путем создания законов, действующих вне Уголовного кодекса РФ.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА

Основы российского военно-уголовного законодательства были заложены Петром I. К разработке Воинского и Морского уставов император привлек выдающихся военных руководителей – А. Вейде, Я. Брюса, А. Виниуса и др., и лично принимал участие в этой работе. Подготовленный с использованием имевшегося на то время зарубежного опыта (преимущественно шведского, венгерского, саксонского и французского) Устав воинский был утвержден 30 марта 1916 г. [1, с. 155–231]. Его составной частью стал подписанный Петром I еще 26 апреля 1715 г. Артикул воинский [1, с. 751–792] – систематизированный свод военно-уголовных норм, состоящий из 24 глав,

включающих 209 статей (артикулов). Вторым шагом Петра I стал утвержденный им 13 января 1720 г. Морской устав [1, с. 232–384]. Главы 8–12 кн. 5 этого документа посвящены преступлениям, совершаемым военными чинами при боевых столкновениях с неприятелем.

Военно-уголовное законодательство Российской империи продолжало развиваться в XIX в. Это нашло отражение в Полевом уголовном уложении для большой действующей армии 1912 г., а затем – в Своде военных постановлений 1859 г., ч. VI которого включала Военно-уголовный, Дисциплинарный и Военно-судебный уставы.

С начала второй половины XIX в. в ряде стран Европы были приняты военно-уголовые законы в форме самостоятельных кодифицированных нормативных правовых актов: в 1955 г. в Австрии, в 1957 г. во Франции, в 1872 г. в Германии, в 1881 г. в Дании, в 1881 г. в Швеции. Процесс принятия и реформирования военно-уголовного законодательства продолжался в течение последующих полутора веков, и теперь военно-уголовые кодексы (кодексы военной юстиции, военно-уголовые уложения) существуют в большинстве стран, причем в некоторых – по родам войск (например, в Пакистане – Акт об армии 1952 г. и Акт о воздушных силах 1953 г., в Индии – Акт об армии 1950 г., Акт о воздушных силах 1950 г. и Акт о флоте 1957 г.).

Развитие военно-уголовного законодательства вызвало необходимость теоретической разработки различных аспектов военно-уголовного права, начало которой положила публикация в 1962 г. в Баварском юридическом журнале статьи австрийского военного юриста М. Дамяновича «Учение о военном уголовном праве в свете австрийского Военно-уголовного кодекса 1855 года». В России военно-уголовное право приобрело статус самостоятельной учебной дисциплины, преподаваемой сначала в столичной Военно-юридической академии [2; 3], а потом и в других военных учебных заведениях.

МЕСТО ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА И ЕГО ВНУТРЕННЯЯ СИСТЕМА

Несмотря на достижения теории военно-уголовного законодательства, вопрос о его месте в системе российского права до сих пор остается дискуссионным.

Некоторые ученые пытались доказать, что военно-уголовное право – самостоятельная отрасль [4; 5]. Другие (Х.М. Ахметшин, О.К. Зателепин и др.) полагают, что военно-уголовное законодательство «является одновременно составной частью уголовного права и военного права как комплексной отрасли российского права» [6, с. 11]. Третья группа специалистов придерживается мнения, что «совокупность уголовно-правовых норм, регулирующих уголовную ответственность военнослужащих, может быть объединена в подотрасль уголовного и военного права – военно-уголовное право», то есть придают указанной совокупности норм значение подотрасли сразу двух отраслей права [7; 8]. С.Н. Шараповым высказано суждение, что военно-уголовное законодательство «не тянет» на роль подотрасли права и что «объединение сложившихся в уголовном праве институтов «преступления против военной службы» и «особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих» образуют единый уголовно-правовой институт – военно-уголовное право [9, с. 51].

Не вдаваясь в глубину анализа вопроса об отраслевой принадлежности военно-уголовного права, примем за аксиому, что при его решении следует исходить из предмета и метода военно-уголовного права. Именно из этого исходит С.Н. Шарапов, полагающий, что «исследуемая система правовых норм представляет собой подотрасль уголовного законодательства (или увеличенный институт законодательства), ее содержание несколько уже содержания отрасли законодательства и шире содержания обычного института законодательства, что проявляется в объеме предмета правового регулирования этого нормативно-образования» [9, с. 58].

Представление о военно-уголовном праве как о подотрасли российского уголовного права [10, с. 4; 11; 12] видится наиболее обоснованным.

Советские уголовные кодексы последовательно включали главу о воинских преступлениях. К ним относились: 1) совершаемые в мирное время воинские преступления небольшой общественной опасности (например, оскорбление, неявка в срок на службу); 2) преступления, которые могли бы совершаться как в мирное, так и в военное время или в боевой обстановке (что признавалось квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком); 3) преступления, совершаемых исключительно в военное время или в боевой обстановке (например, сдача или оставление противнику средств ведения войны, добровольная сдача в плен и др.).

В УК РСФСР 1922 г. глава о воинских преступлениях включала 15 статей, в УК 1926 г. – 19 статей, однако постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 9 января 1928 г. она была дополнена ст. 193.20–193.31¹, поскольку ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 г. приняли постановление о введении в действие Положения о воинских преступлениях².

УК РСФСР 1960 г. содержал главу о воинских преступлениях, включающую 39 статей³. Этот Кодекс отличался от предыдущих, во-первых, более полным перечнем составов воинских преступлений, а во-вторых, тем, что нормы о *военных* преступлениях, то есть деяниях, совершаемых исключительно в обстановке вооруженных боестолкновений, составляли компактную группу (ст. 261–269), тогда как в остальных статьях (причем не во всех) военному времени или боевой обстановке придавалось значение квалифицирующих признаков состава.

Помещение военно-уголовного законодательства в структуру уголовных кодексов давало достаточные основания для признания военно-уголовного права подотраслью российского уголовного права.

После распада Советского Союза формировалась правовая система Российской Федерации. В конце 80-х – начале 90-х годов

¹ Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 12, ст. 108.

² Собрание законов СССР. 1927. № 50, ст. 504.

³ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30.01.1984 Кодекс был дополнен ст. 2511 «Нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих» и ст. 2601 «Халатное отношение к службе».

прошлого столетия Россия и страны Запада постоянно обменивались взаимными реверансами и обещаниями, которым политическая элита и простые россияне наивно и охотно верили, допуская возможность равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в экономической, политической, дипломатической, культурной и других сферах. В такой обстановке создавался и обсуждался проект УК РФ. Благодушные заблуждения относительно возможности безмятежного мирного сосуществования с Западом, видимо, послужили главной причиной отказа от военно-уголовного законодательства в мирное время. Принятый в 1996 г. УК РФ содержит гл. 33, в которой первоначально ответственность военнослужащих регламентировалась только в мирное время. Тем самым военно-уголовное законодательство трансформировалось в законодательство о служебных преступлениях военнослужащих, совершаемых исключительно в мирное время.

Такое решение еще больше осложнило вопрос о месте военно-уголовного права в российской правовой системе. Отсутствие в Особенной части УК РФ норм о преступлениях военнослужащих в связи с выполнением боевых задач при сохранении в Общей части УК РФ положений об уголовной ответственности военнослужащих (ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ст. 42 (в части приказа военачальника), ст. 51, ч. 3 ст. 54, ч. 3 ст. 81 и др.) породило неопределенность в отраслевой принадлежности военно-уголовного права. Эта неопределенность существовала не только в науке, но и в паспорте научных специальностей Высшей аттестационной комиссии. Достаточно вспомнить мытарства судьи Верховного Суда РФ О.К. Зателепина, закончившиеся тем, что кандидатскую диссертацию на тему «Объект преступления против военной службы» он защитил в 1999 г. по специальности 20.02.03 – Военное право. Военные проблемы международного права (правда, с присвоением ученой степени кандидата юридических наук), а докторскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации» – в 2013 г. по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

В первоначальной редакции ч. 3 ст. 331 УК РФ устанавливала, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке, должна регламентироваться российским законодательством военного времени. Это законоположение некоторыми учеными было встречено с одобрением [13; 14, с. 168–169]. Однако вряд ли можно признать удачным решением установление ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время или в боевой обстановке, на основе нормативного правового акта, который еще не создан и при наступлении соответствующих условий должен действовать наряду с УК РФ.

Во-первых, ч. 3 ст. 331 УК РФ противоречила ч. 1 ст. 1 этого же закона, согласно которой «уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса», без упоминания каких-либо чрезвычайных законов, в том числе военно-уголовного законодательства.

Во-вторых, уголовное законодательство военного времени должно быть заранее подготовлено и лежать «в запаснике», чтобы в момент наступления военного времени безотлагательно начать действовать. На самом деле такого уголовно-правового средства страна в своих правовых рамках не имела и работа по подготовке военно-уголовного кодекса не велась.

В-третьих, как уже говорилось, УК РФ готовился в расчете на отсутствие вооруженных международных конфликтов, поэтому его Особенная часть не была ориентирована на преступления, которые были известны еще законодательству Петра Великого и, с учетом модернизации технических средств, стратегии и тактики ведения боевых действий в современном мире, являются либо могут стать распространенными или, по крайней мере, вероятными при проведении военных операций.

С учетом высказанных соображений многие специалисты в области военно-уголовного права отнеслись критически к исключению из УК РФ норм о преступлениях, совершаемых военнослужащими не только в мирное, но и военное время [15, с. 142–149; 16; 17, с. 91–103; 18; 19]. Время подтвердило их правоту.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА

Начало специальной военной операции на территории Украины как раз и означает возникновение оснований для применения военно-уголовного права в его узком значении. Однако такого средства в правовом арсенале России не оказалось, поэтому возникла необходимость срочного восполнения уголовно-правового вакуума.

Решение этой задачи заняло 7 месяцев: 20 сентября 2022 г. Государственная Дума сразу во втором и третьем чтении приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 365-ФЗ), на следующий день его одобрил Совет Федерации, а 24 сентября он был подписан Президентом РФ. Основные положения закона состоят в следующем.

1. Расширено содержание отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ (слова «в условиях вооруженного конфликта или военных действий» заменены словами «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий»).

2. Утратила силу ч. 3 ст. 331 УК РФ.

3. В большинство статей гл. 33 УК РФ в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака состава включено совершение преступления в период мобилизации (в ч. 21 ст. 332, ч. 3 ст. 346, ч. 2 ст. 347, ч. 2 ст. 348 УК РФ этот период не упоминается) или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

4. Глава 33 УК РФ дополнена ст. 3521 «Добровольная сдача в плен».

5. Глава 34 УК РФ дополнена ст. 3561 «Мародерство», причем в отличие от УК РСФСР 1960 г., определявшего это преступление только как похищение на поле сражения вещей, находящихся у убитых и раненых (ст. 266), законодатель вернулся к широкому пониманию мародерства, закрепленному в ст. 214 УК РСФСР 1922 г. (противозаконное отобрание при боевой обстановке у граждан-

ского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей)⁴.

Возвращение в УК РФ норм об ответственности военнослужащих за преступления, совершаемые при боевых столкновениях с неприятелем, означает, что российское военно-уголовное право, которое с января 1997 г. по 24 сентября 2022 г. пребывало в статусе уголовно-правового института, возвращает себе статус подотрасли уголовного права. Она включает уголовно-правовые нормы и нормативные предписания, содержащиеся в ч. 3 ст. 11 (в части ответственности за совершение преступления на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации), ч. 2 ст. 12, ч. 4 ст. 34, ст. 42, п. «в», «е», «и» и «к» ст. 44, ч. 1 ст. 45, ст. 48, 51, 54, 55, п. «л» ч. 1 ст. 63, ст. 71–74, 79, 80, ч. 3 ст. 81, ст. 331–3521 и 3561 УК РФ. Огромное позитивное значение Федерального закона № 365-ФЗ заключается в том, что российское уголовное законодательство вновь стало полностью кодифицированным.

Однако Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Федеральный закон № 270-ФЗ) нанес серьезный удар по принципу полной кодификации уголовного законодательства, закрепленному в самом УК РФ: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 1); «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 3). Вопреки приведенным положениям УК РФ, Федеральный закон № 270-ФЗ ввел новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания и новые условия погашения судимости, которые находятся за пределами УК РФ.

Так, в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяже-

⁴ Расположение этой нормы в гл. 34 представляется спорным, поскольку преступление может быть совершено на поле боя, который не носит международного характера. Более уместна эта норма в гл. 33 УК РФ.

сти, уголовное преследование приостанавливается в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в законе оснований лицо освобождается от уголовной ответственности (ст. 3).

Если в отношении военнослужащего осуществляется предварительное расследование в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, уголовное дело (уголовное преследование) приостанавливается, а со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в законе оснований лицо освобождается от уголовной ответственности (ст. 4).

Статья 5 предусматривает условное освобождение от наказания осужденных в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы (ч. 1). Освобождение становится окончательным со дня присвоения государственной награды, полученной в период прохождения военной службы, либо со дня увольнения с военной службы по любому из трех указанных в законе оснований (ч. 2).

Статья 6 устанавливает условия погашения судимости в отношении лиц, отбывших наказание или условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, имеющих судимость, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ.

По содержанию Федеральный закон № 270-ФЗ никаких нареканий не вызывает, однако его принятие вне УК РФ представляет-

ся необоснованным. Советское законодательство тоже знало уголовные законы, действующие вне Уголовного кодекса (например, указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»⁵ и «Об усилении охраны личной собственности граждан»⁶), но, заметим, они действовали во всех союзных республиках как общесоюзные законы.

Впоследствии от принятия уголовных законов, действующих вне уголовных кодексов, российский законодатель принципиально отказался. Так, норма об отсрочке исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время органично вошла в текст УК РСФСР 1960 г. И сейчас нет видимых препятствий к тому, чтобы нормы Федерального закона № 270-ФЗ поместить в УК РФ. Так, нормы, закрепленные в ст. 3 и 4 названного закона, поместить в гл. 11 УК (скажем, под номерами 76³ и 76⁴), ст. 5 Закона – в гл. 12 УК РФ (например, под номером 81¹), а ст. 6 Закона – в гл. 13 УК РФ (может быть, под номером 86¹).

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ПРАВА

Принятием Федерального закона № 365-ФЗ развитие кодифицированного российского военно-уголовного законодательства, разумеется, не завершается. Ориентирами для его совершенствования могут быть, в частности, следующие направления.

1. Дополнить ч. 3 ст. 81 УК РФ указанием на освобождение от дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения по военной службе в случае заболевания, делающего осужденного негодным к военной службе.

2. Использовать исторический опыт установления уголовной ответственности за сдачу противнику военных сил, укреплений, боевой техники и других средств ведения военных действий (гл. 15 Воинского устава Петра I, кн. 5 Морского устава, ст. 261 УК РСФСР 1960 г.), оставление погибающего военного корабля (ст. 262 УК РСФСР 1960 г.), выдачу

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

⁶ Там же.

противнику военной тайны, жестокое обращение с военнопленными и др.

3. Восполнить пробел, связанный с отсутствием нормы об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу по мобилизации.

4. Дополнить УК РФ нормами, закрепленными в настоящее время в ст. 3, 4, 5 и 6 Федерального закона № 270-ФЗ, привязав их к институтам освобождения от уголовной ответственности, наказания и судимости. Федеральный закон № 270-ФЗ признать утратившим силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, указанные направления не исчерпывают возможности совершенствования российского военно-уголовного законодательства и не могут гарантировать его безупречное качество. Но высказанные автором пожелания и рекомендации могут быть приняты во внимание законодателем в процессе дальнейшей работы над гл. 33 УК РФ и другими составными частями подотрасли, что было бы высшей формой признания практической полезности данной публикации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Законодательство Петра I / отв. ред.: А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. – Москва : Юридическая литература, 1997. – 880 с.
2. Неелов Я.А. Курс военно-уголовного права. Лекции, читанные в Военно-юридической академии в 1884/1885 академич. году / Я.А. Неелов. – Санкт-Петербург, 1885. – 125 с.
3. Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-уголовное право. Часть Общая / В.Д. Кузьмин-Караваев. – Санкт-Петербург, 1895. – 316 с.
4. Чхиквадзе В.М. К вопросу о предмете советского военно-уголовного права / В.М. Чхиквадзе // Советское государство и право. – 1940. – № 12. – С. 46–53.
5. Бражник Ф.С. К вопросу о военно-уголовном праве / Ф.С. Бражник // Российский военно-правовой сб. – 2004. – № 1. – С. 90–94.
6. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации : научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. – Москва, 2004. – 303 с.
7. Ермолович Я.Н. Военно-уголовное право как подотрасль военного права: практические вопросы реализации подхода / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 12. – С. 64–73.
8. Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права / В.А. Батырь // Lex Russica. – 2022. – Т. 75, № 3 (184). – С. 88–104.
9. Шарапов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институционализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 9. – С. 47–56.
10. Солнцев К.И. Воинские преступления / К.И. Солнцев. – Москва, 1938. – 68 с.
11. Данилов П.С. Место преступлений против военной службы в уголовном законодательстве / П.С. Данилов // Новый юридический вестник. – 2019. – № 1 (8). – С. 44–48.
12. Бодаевский В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка / В.П. Бодаевский // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 4 (173). – С. 44–60.
13. Горелик В.Я. Декриминализация воинских преступлений: предварительные выводы и проблемы / В.Я. Горелик // Информационный бюллетень Главной военной прокуратуры. – 1998. – № 2 (150). – С. 3–5.
14. Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / М.А. Кудинов. – Москва, 2004. – 194 с.

REFERENCES

1. Preobrazhensky A.A., Novitskaya T.E. (eds.). Legislation of Peter I. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1997. 880 p.
2. Neelov Ya.A. Military criminal law course. Lectures given at the Military Law Academy in 1884/1885 academic year. Saint Petersburg, 1885. 125 p.
3. Kuzmin-Karavaev V.D. Military criminal law. General Part. Saint Petersburg, 1895. 316 p.
4. Chkhikvadze V.M. On the issue of the subject of Soviet military criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1940, no. 12, pp. 46–53. (In Russian).
5. Brazhnik F.S. On the issue of military criminal law. *Rossiiskij voenno-pravovoj sbornik = Russian Military Law Collection*, 2004, no. 1, pp. 90–94. (In Russian).
6. Petukhova N.A. (ed.). Military criminal legislation of the Russian Federation: scientific and practical commentary. Moscow, 2004. 303 p.
7. Ermolovich Ya.N. Military-criminal law as a sub-branch of military law: practical issues of implementing the approach. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military Law Review*, 2021, no. 12, pp. 64–73. (In Russian).
8. Batyr V.A. Wartime law as a sub-branch of military law. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 3 (184), pp. 88–104. (In Russian).
9. Sharapov S.N. Modern military criminal law in the legal system: problems of institutionalization. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces – Military Law Review*, 2021, no. 9, pp. 47–56. (In Russian).
10. Solntsev K.I. Military crimes. Moscow, 1938. 68 p.
11. Danilov P.S. Place of crimes against military service in criminal law. *Novyy yuridicheskij vestnik = New Legal Bulletin*, 2019, no. 1 (8), pp. 44–48. (In Russian).
12. Bodaevsky V.P. Characteristics and functional purpose of the system of criminal law rules providing protection of military law and order. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 4 (173), pp. 44–60. (In Russian).
13. Gorelik V.Ya. Decriminalization of military crimes: preliminary conclusions and problems. *Informatsionnyy byulleten' Glavnoj voennoj prokuratury = Information Bulletin of the Main Military Prosecutor's Office*, 1998, no. 2 (150), pp. 3–5. (In Russian).
14. Kudinov M.A. Theoretical and legal foundations of criminal liability for crimes against military service committed in wartime and in combat situations. Cand. Diss. Moscow, 2004. 194 p.

15. Шулепов Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.А. Шулепов. – Москва, 2001. – 365 с.

16. Шилов А.И. Проблемы уголовной политики России в отношении военнослужащих в военное время и в боевой обстановке / А.И. Шилов // Уголовно-исполнительное право. – 2007. – № 1. – С. 35–39.

17. Зателепин О.К. Уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / О.К. Зателепин. – Москва, 2013. – 540 с.

18. Загорский Г.И. Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов // Военная юстиция в России: история и современность / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. – Москва, 2017. – С. 449–473.

19. Бодаевский В.П. Формирование уголовного права военного времени / В.П. Бодаевский // Труды Института государства и права РАН. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 130–131.

15. Shulepov N.A. Theoretical foundations for the implementation of criminal liability of military personnel. Doct. Diss. Moscow, 2001. 365 p.

16. Shilov A.I. Problems of Russian criminal policy in relation to military personnel in wartime and in combat situations. *Uglovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal Executive Law*, 2007, no. 1, pp. 35–39. (In Russian).

17. Zatelepin O.K. Criminal legal protection of military security of the Russian Federation. Doct. Diss. Moscow, 2013. 540 p.

18. Zagorsky G.I., Zyubanova Yu.A. The effect of the Russian criminal law in wartime or in a combat situation. *Ershov V.V., Khomchik V.V. (eds.). Military Justice in Russia: History And Modernity*. Moscow, 2017, pp. 449–473. (In Russian).

19. Bodaevskiy V.P. The formation of criminal law of wartime. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 130–131. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рарог Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, заслуженный деятель науки РФ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarog Alexey Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 21.08.2023. The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 21.08.2023.

Научная статья
УДК 343.237
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6

Original article

КОНЯХИН Владимир Павлович
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия;
e-mail: vladkon54@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

KONYAKHIN Vladimir Pavlovich
Kuban State University, Krasnodar, Russia.

БАТЮТИНА Татьяна Юрьевна
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия;
e-mail: tatjanka_92@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1083-790X>

BATYUTINA Tatyana Yurievna
Kuban State University, Krasnodar, Russia.

ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА КОМИССАРОВА НА ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО, МЕЖДУНАРОДНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

VIEWS OF PROFESSOR VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV ON THE INSTITUTE OF COMPLICITY IN CRIME IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN, INTERNATIONAL AND FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация. В статье представлены отдельные ключевые (концептуальные) идеи профессора В.С. Комиссарова о соучастии в преступлении через призму их экстраполяции в современное российское, международное (ООН, ШОС, СНГ) и зарубежное законодательство (на примере Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Республики Таджикистан). Цель: показать значение творческого наследия профессора В.С. Комиссарова для понимания законодательных подходов к конструированию института соучастия в преступлении на российском, международном и зарубежном уровнях. Методы: диалектический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический). Результаты: установлена взаимосвязь и созвучие доктринальных идей профессора В.С. Комиссарова с разрешением на легальном (законодательном) уровне таких вопросов, как объект бандитизма и создание преступного сообщества, содержание конститутивного признака устойчивости банды, диверсификация организованной преступности в контексте ее проявления в форме деятельности экстремистской организации и диверсионного сообщества, изменения в трактовке института соучастия в преступлении в международном уголовном праве с позиции происходящих в нем процессов деглобализации и регионализации.

Abstract. The article presents some key (conceptual) ideas of professor V.S. Commissarov on complicity in crime through their extrapolation into modern Russian, international (UN, SCO, CIS) and foreign legislation (on the example of the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Republic of Belarus, the Republic of Tajikistan). Purpose: to show the importance of the creative heritage of Professor V.S. Komissarov for understanding the legislative approaches to the design of the institution of complicity in crime at the Russian, international and foreign levels. Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, as well as specific scientific (historical-legal, comparative-legal and formal-legal). Results: the article establishes the relationship and consonance of doctrinal ideas of Professor V.S. Komissarov with the resolution at the legal (legislative) level of such issues as the object of banditry and creation of a criminal community, content of the constitutive feature of gang stability, diversification of organized crime in the context of its manifestation in the form of an extremist organization and a subversive community, changes in the interpretation of the institute of complicity in crime in international criminal law from the point of view of the processes of deglobalization and regionalization taking place in it.

Ключевые слова: институт уголовного права, соучастие в преступлении, организованная преступность, экстремистская организация, диверсионное сообщество, международное и зарубежное уголовное право, деглобализация, регионализация

Для цитирования: Коняхин В.П. Взгляды профессора Владимира Сергеевича Комиссарова на институт соучастия в преступлении в контексте современного российского, международного и зарубежного уголовного законодательства / В.П. Коняхин, Т.Ю. Батютина. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 53–58

Keywords: institute of criminal law, complicity in crime, organized crime, extremist organization, subversive community, international and foreign criminal law, deglobalization, regionalization

For citation: Konyakhin V.P., Batyutina T.Yu. Views of Professor Vladimir Sergeyevich Commissarov on the institute of complicity in crime in the context of modern Russian, international and foreign criminal legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 53–58 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.6.

ВВЕДЕНИЕ

Институт соучастия в преступлении, фундаментальный для уголовного права, всегда находился в фокусе пристального внимания широкого круга исследователей, в том числе таких известных теоретиков, как Л.Д. Гаухман, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Пионтковский, Н.С. Таганцев, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин и др. К их числу, несомненно, принадлежит и профессор В.С. Комиссаров, который на протяжении длительного времени рассматривал общие и специальные вопросы соучастия в преступлении в своих многочисленных научных работах и учебных изданиях.

В частности, в своей кандидатской диссертации В.С. Комиссаров указывал на такие важнейшие в теоретическом и практическом отношении признаки банды, как вооруженность, специальная цель (совершение нападений на государственные общественные учреждения и отдельных граждан), возможность создания в составе от двух человек для совершения как минимум одного преступления [1]. Эти признаки вытекали из содержания советского уголовного законодательства того времени и в полной мере в последующем были отражены в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ 1996 г. Кроме того, В.С. Комиссаров акцентировал особое внимание на устойчивости и сплоченности преступной связи соучастников, в том числе в социально-психологическом плане, что придавало банде более опасный по сравнению с организованной группой характер. Примечательно, что названные признаки еще не фиксировались в качестве криминообразующих в ст. 77 УК РСФСР 1960 г. и лишь устойчивость банды позднее нашла непосредственное отражение в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации.

Не менее значимым событием в свете формирования института уголовной ответственности за бандитизм следует признать его выведение из группы государственных преступлений и размещение в главе, объединяющей преступления по признаку единого родового объекта – общественной безопасности. Необходимость принятия такого решения на законодательном уровне с учетом истинной социально-политической сущности бандитизма как раз и отстаивал В.С. Комиссаров.

Концептуальные идеи ученого получили дальнейшее развитие в его докторской диссертации, в которой общественную безопасность применительно к преступлениям, предусмотренным гл. 24 УК РФ, он рассматривал как комплексное отношение, включающее в себя различные (разнородные) составляющие, но в то же время не требующее выделения дополнительных и (или) факультативных объектов посягательств террористического характера [2].

В свете изложенного, экстраполируя взгляды В.С. Комиссарова на регламентацию института соучастия в преступлении в российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве, можно констатировать, что многие из них не только сохранили свою актуальность, но и приобрели в современных условиях особое звучание. Компаративистский анализ соответствующего нормативного материала убеждает в этом.

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Прежде всего, необходимо отметить, что формирование понятия «соучастие в преступлении» не было одномоментным, а модерни-

зация содержания последнего сопровождалась сужением его объема. Крайне расширительно соучастие в преступлении трактовалось в правоприменительной практике 30–50-х годов прошлого века. В этой связи В.С. Комиссаров, подвергая критике такой подход, популяризируемый А.Я. Вышинским, справедливо писал: «умышленный характер соучастия выхолащивался, отрицалась необходимость причинной связи между действиями соучастников и преступным результатом, а институт соучастия заменялся некой безграничной и неопределенной причастностью к совершению преступления» [3, с. 382]. Позднее Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. уже указывали на обязательность умышленного совместного участия двух или более лиц, однако никак не ограничивали круг совершаемых в соучастии преступлений конкретной формой вины. Этот пробел был восполнен лишь в 90-е годы XX в., сначала в ст. 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., затем на международном уровне – в ст. 34 Модельного УК СНГ 1996 г., и наконец, в ст. 32 действующего УК РФ 1996 г. В то же время не все страны СНГ пошли по такому пути. В этой связи В.С. Комиссаров акцентировал особое внимание на том, что УК Кыргызской Республики 1997 г. не упоминал об умышленном характере связи соучастников преступления. Примечательно, что в новом УК Кыргызской Республики 2021 г.¹, действующем на территории малой родины профессора В.С. Комиссарова, ст. 39 уже в полной мере соответствует ст. 34 Модельного УК СНГ.

Такая «шероховатость» в законотворческом подходе к решению данного вопроса объясняется сложной правовой природой соучастия, включающей многоаспектность случаев неединоличного совершения преступления и специфику роли каждого субъекта в нем. В.С. Комиссаров особо подчеркивал: «основания и пределы ответственности соучастников лежат не в действиях исполнителя, а в действиях, совершенных лично каждым соучастником» [3, с. 385]. Данный тезис находит подтверждение в процессе квалификации преступления, назначения наказания или вы-

бора иной меры уголовно-правового характера. Действительно, юридическая оценка вклада организатора, подстрекателя и пособника в преступный результат не зависит от наличия у фактического исполнителя признаков субъекта преступления и от применения к нему конкретной меры принуждения. В этой связи ученый совершенно справедливо указывал на то, что в процессе реализации уголовной ответственности прямая корреляция между действиями исполнителя и иных соучастников прослеживается лишь в ракурсе неоконченного преступления.

Отдельного внимания заслуживает признак совместности деятельности соучастников преступления. В.С. Комиссаров выделял три ключевые его составляющие: 1) взаимобусловленность деяний двух или более лиц; 2) единый для соучастников преступный результат; 3) причинная связь между деянием каждого соучастника и наступившим общим результатом [3, с. 390–391]. Следует признать, что как в уголовно-правовой науке, так и в правоприменительной практике сохраняется актуальность правильного толкования и установления каждого из названных компонентов. В данном контексте уместно сделать акцент на содержании понятия «взаимобусловленность». Ее ученый характеризует следующим образом: «действия одного соучастника в конкретной обстановке являются необходимым условием выполнения преступления другими соучастниками», следовательно, «невыполнение своих действий со стороны какого-либо из соучастников в задуманном месте, установленном времени и обстановке делает невозможным совершение соответствующего преступления либо существенным образом затрудняет его совершение» [3, с. 390].

Говоря о субъективных признаках соучастия, В.С. Комиссаров среди прочего констатировал важность наличия умысла каждого на совместное совершение преступления с исполнителем. Значимость этой идеи трудно переоценить, ведь из нее вытекает вывод о том, что в качестве обязательного элемента субъективной связи не требуется личное общение между соучастниками: «достаточно знания о наличии исполнителя преступления и о признаках, характеризующих предполагаемое деяние как преступление. Организатор, подстрекатель и пособник могут и не знать о существовании друг друга» [3, с. 393].

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065/ (дата обращения: 28.05.2023).

Переходя к освещению вопроса о формах соучастия в преступлении, следует сразу отметить, что доктринальные подходы к формулированию их классификационных критериев и исчерпывающего перечня не тождественны законодательному, изложенному в ст. 35 УК РФ. Анализируя различные точки зрения, В.С. Комиссаров пришел к выводу о необходимости признания в качестве основания выделения форм соучастия в преступлении социально-психологического критерия, а именно степени согласованности (соорганизованности) действий соучастников. Она зависит от сговора как такового, его содержания и напрямую отражает опасность конкретной совместной преступной деятельности [3, с. 413–414].

Приведенная позиция ученого может быть проиллюстрирована и на международно-правовом уровне: понятие одной из форм соучастия в преступлении, а именно организованной группы, дается в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Сточки зрения международного законодателя, это «структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». В п. «с» ст. 2 названной Конвенции установлено также, что термин «структурно оформленная группа» подразумевает под собой «группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура».

Обращает на себя внимание специфика (в сравнении с УК РФ) конструктивных параметров этой группы. Для ее констатации требуется участие в ней не двух, а трех или более лиц (количественный признак) и наличие специальной цели – совершение одного или нескольких преступлений не любой категории тяжести, а только серьезных, причем для получения финансовой или иной материальной выгоды (качественные признаки).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Характеризуя содержание понятия «организованная преступность», В.С. Комиссаров в своих трудах последовательно отстаивал позицию о том, что в современном мире оно означает деятельность [4, с. 118]. Соглашаясь с этой идеей, отметим, что она подтверждается фиксируемыми на международном и национальном уровнях все новыми видами организованных групп, специфика которых определяется как раз сутью совершаемых ими преступлений.

Так, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму 2017 г.² выделяет две формы *экстремистской организации*: 1) организованная группа, преследующая цель совершения преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; 2) общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным национальным законодательством Сторон, принято вступившее в законную силу решение о ликвидации и (или) запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Следует отметить, что российский законодатель еще в 2002 г. дифференцировал ответственность по вышеуказанному признаку на уровне ст. 282¹ и 282² УК РФ, где первая разновидность преступного объединения именуется экстремистским сообществом, а вторая – экстремистской организацией. Схожий подход реализован в ст. 307(2) и ст. 307(3) УК Республики Таджикистан³. В свою очередь, в новом УК Кыргызской Республики 2021 г., как и в Конвенции ШОС, соответствующие запрещенные преступные объединения вне зависимости от процедуры их признания таковыми именуется экстремистской организацией, а ответственность фиксируется лишь на уровне ч. 1 и 2 ст. 331.

Другой пример специализации в сфере организованной преступности демонстрирует новелла УК РФ 2022 г. – *диверсионное сообщество*.

2 Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru, 28.10.2019, № 0001201910280036 (дата обращения: 28.05.2023).

3 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&pos=3244;29#pos=3244;29 (дата обращения: 28.05.2023).

щество (ст. 281³), которое определяется как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления диверсионной деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии. Кроме того, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 281³ УК РФ, выраженная в форме руководства, позволяет выделить признак структурированности диверсионного сообщества. Таким образом, главная отличительная его характеристика определяется опять же не уникальным содержанием связи между участниками и их конкретной ролью, а спецификой деятельности сообщества.

С точки зрения объема криминализируемых деяний, характеризующих не преступную «специализацию», а суть функционирования организованных групп, их проявление вовне, обращают на себя внимание отдельные положения зарубежного уголовного законодательства. Так, ст. 288 УК Республики Беларусь устанавливает ответственность за принуждение лица к совершению преступления либо к участию в организованной группе, банде или преступной организации под различного рода угрозой⁴. В свою очередь, в отличие от ст. 205³ и 281² УК РФ, ст. 295 УК Китайской Народной Республики⁵ предусматривает ответственность за обучение способам преступной деятельности без конкретизации сфер и видов таковой, что представляется оправданным в свете отражения повышенной общественной опасности профессиональной организованной преступности и минимизации степени казуистичности уголовного закона в целом.

Отдельно стоит остановиться на применении иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим посягательства рассматриваемой направленности. Важность перспективного повышения роли поощрения как формы уголовно-правового воздействия отмечалась российскими учеными, в числе которых был и В.С. Комиссаров, еще в 2006 г. на

4 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=2447;-55#pos=2447;-55 (дата обращения: 28.05.2023).

5 Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева. 2-е изд. М., 2021. 312 с.

Второй международной конференции по теории уголовного права в Шаньдунском университете (Китай) [5]. Следует признать, что такой подход воспринят российским законодателем, однако его реализация не во всем последовательна.

Для УК РФ фактически традиционным стало одновременное установление преступности деяния, признаваемого тяжким или даже особо тяжким, с формулированием на уровне примечания к статье специального основания освобождения от уголовной ответственности. Как правило, оно носит императивный характер: «лицо ... освобождается». Такие нормы-компромиссы содержатся в примечании 2 к ст. 205¹, примечании к ст. 205³, примечании 1 к ст. 205⁴, примечании к ст. 205⁵, примечании к ст. 208, примечании 2 к ст. 210, примечании 3 к ст. 281¹, примечании 1 к ст. 281², примечании 1 к ст. 281³, примечании 1 к ст. 282¹, примечании к ст. 282² УК РФ и др. Вместе с тем соблюдение предусмотренных законом условий влечет освобождение от уголовной ответственности не всех субъектов названных преступлений. В частности, в ст. 282¹ УК РФ такое поощрение применимо к организатору, руководителю и участнику экстремистского сообщества, в том числе совершившему преступление с использованием служебного положения, тогда как в примечаниях к ст. 205⁴ и 281³ говорится только о лицах, добровольно прекративших участие в террористическом и диверсионном сообществах соответственно.

Определяя общие тенденции развития уголовного права, В.С. Комиссаров делал акцент на длительности реально протекающего исторического процесса, его глобализации. При этом наступление новой эпохи он связывал со вступлением в силу основополагающих конвенций ООН против транснациональной организованной преступности, коррупции и (в широком смысле) терроризма [4, с. 117].

В этой связи важно отметить, что целый ряд преступлений, действительно, носят априори «наднациональный» характер. Однако актуальность противодействия им в настоящий момент не просто сохраняется, а обретает новые грани.

Следует признать, что в современный период в условиях сложившейся геополитической ситуации, напротив, прослеживается тенденция к деглобализации и регионализации

международного уголовного права. При этом с точки зрения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ переоценка значения для нашей страны отдельных европейских соглашений не колеблет ее приверженности международному уголовному праву в целом и стандартам ООН в частности. Так, например, денонсирование Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. вовсе не означает отказ от противодействия этому негативному явлению, поскольку сохраняет свою юридическую силу одноименная Конвенция ООН 2003 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя изложенное, отметим, что в настоящее время уголовно-правовое противодействие организованной преступности характеризуется ростом числа специальных

норм, терминологически рассогласующихся с общими положениями института соучастия в преступлении. Заметно также, что выделение различных наименований форм соучастия (организованной группы, преступного сообщества, преступной организации и др.) [6] является скорее результатом законотворчества отдельных стран, нежели общемировой практикой.

По нашему мнению, перспективные направления оптимизации норм международного уголовного права о соучастии в преступлении связываются с его деглобализацией и регионализацией, формированием официальных правовых дефиниций различных видов организованных групп, выстраиванием оптимального механизма их имплементации в национальное уголовное законодательство, позволяющего минимизировать степень его казуистичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В.С. Уголовная ответственность за бандитизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1983. – 194 с.
2. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.С. Комиссаров. – Москва, 1997. – 214 с.
3. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении : учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 1999. – 592 с.
4. Комиссаров В.С. Совершенствование уголовного законодательства об организованной и транснациональной организованной преступной деятельности (на примере Республики Казахстан, Российской Федерации, Китайской Народной Республики) / В.С. Комиссаров, Г.Б. Енсебаева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 115–123.
5. Голик Ю. О национальной концепции уголовного права / Ю. Голик, Л. Иногамова-Хегай, В. Комиссаров, В. Номоконов // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 18–20.
6. Комиссаров В.С. Уголовно-правовое и криминологическое исследование организованных форм соучастия в Республике Казахстан / В.С. Комиссаров, Г.Б. Енсебаева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 807–827.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коняхин Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ;

Батютина Татьяна Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konyakhin Vladimir Pavlovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Batyutina Tatyana Yurievna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.06.2023. The article was submitted 17.06.2023; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Научная статья
УДК 343.3
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.7

Original article

ФИЛИПPOB Павел Александрович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: pilippov@yandex.ru;
<https://orcid.org/0009-0001-8422-5199>

FILIPPOV Pavel Alexandrovich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА КОМИССАРОВА

CRIMES AGAINST THE ORDER OF GOVERNANCE: THE VIEW OF PROFESSOR
VLADIMIR SERGEYEVICH COMMISSAROV

Аннотация. Актуальной уголовно-правовой проблемой в настоящее время является системный анализ доктринального и правоприменительного аспектов преступлений против порядка управления – пятой по распространенности группы преступлений. Цель: анализ доктринальных позиций профессора В.С. Комиссарова относительно трактовки преступлений против порядка управления, их классификации, признаков отдельных составов. Методы: общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить и показать основные подходы профессора В.С. Комиссарова к пониманию преступлений против порядка управления, некоторые из которых восприняты современной доктриной, нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: уголовный закон, преступления против порядка управления, самоуправство, сотрудник правоохранительного органа, документ, хулиганство

Для цитирования: Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: взгляд профессора Владимира Сергеевича Комиссарова / П.А. Филиппов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.7 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 59–65

Abstract. An urgent criminal law problem at present is a systematic analysis of doctrinal and law enforcement aspects of crimes against the order of governance, which are the fifth most common group of crimes. Purpose: to analyze the doctrinal positions of Professor V.S. Komissarov regarding the interpretation of crimes against the order of governance, their classification, as well as the signs of individual elements of crimes. Methods: general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals and shows the main approaches of Professor V.S. Komissarov to the understanding of crimes against the order of governance, some of which are adopted by the modern doctrine, and reflected in the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, crimes against the order of governance, arbitrariness, law enforcement officer, document, hooliganism

For citation: Filippov P.A. Crimes against the order of governance: the view of Professor Vladimir Sergeyevich Komissarov. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 59–65 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.7.

ВВЕДЕНИЕ

Научные интересы профессора Владимира Сергеевича Комиссарова были довольно разнообразными, охватывали вопросы Общей (институт соучастия в преступлении, уголовное наказание) и Особенной (преступления против общественной безопасности, против собственности) частей уголовного права, а также проблемы уголовной политики и международного уголовного права. Владимир Сергеевич был автором глав о преступлениях против порядка управления, предусмотренных гл. 32 УК РФ, целого ряда учебников и курсов по уголовному праву [см., например: 1; 2]. В них он рассматривал как общетеоретические вопросы данной группы деяний (видовой объект, классификация), так и все признаки составов преступлений, предусмотренных данной главой уголовного закона. Владимир Сергеевич высказал свою точку зрения по многим дискуссионным вопросам, относящимся к преступлениям против порядка управления.

Эта группа преступлений всегда была «сложной» и вызывала научные споры. В свое время профессор М.М. Исаев из-за большого количества составов преступлений и их крайнего разнообразия очень точно называл главу УК РСФСР 1926 г. «Иные преступления против порядка управления» «универсальным магазином» [3, с. 279]. Данный недостаток свойствен и действующему УК и даже усилился, что обусловлено вносимыми изменениями в гл. 32. В рамках настоящей публикации остановимся на общетеоретических вопросах и на дискуссионных проблемах отдельных составов преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Следует отметить, что единодушия в понимании объекта преступлений против порядка управления в отечественной уголовно-правовой доктрине не наблюдалось и не наблюдается.

Впервые на объект рассматриваемой группы преступлений как авторитет и силу власти указал А.А. Трайнин, не раскрыв при этом содержание этих понятий [4, с. 97].

В 1938 г. В.Д. Меньшагин предложил свою

трактовку объекта преступлений против порядка управления, под которым понималась «правильная деятельность советского государственного аппарата – органов управления или народного хозяйства». При этом он солидаризировался с А.Н. Трайниным в том, что преступления против порядка управления «подрывают силу и авторитет органов власти» [5, с. 3].

Позднее В.Д. Меньшагин внес уточнение в свое определение, дополнив его указанием не только на правильную, но и на нормальную деятельность советского аппарата, под которым понимал деятельность государственных учреждений, предприятий и любых общественных организаций [5, с. 4; 6, с. 3]. В.Д. Меньшагин утверждал: «любое преступление против порядка управления в той или иной степени может нарушить правильную деятельность советского государственного аппарата» [7, с. 390].

Г.Ф. Поленов предложил понимать под родовым объектом преступлений против порядка управления «порядок управления, заключающийся в нормальном функционировании любых органов (государственных, общественных, кооперативных) управления, реализующих задачи коммунистического строительства» [8, с. 8]. Сравнение этого определения с определением, предложенным В.Д. Меньшагиным, показывает, что Г.Ф. Поленов акцентировал внимание на том, что охране подлежит нормальное функционирование любых, в том числе и кооперативных (что отсутствовало у В.Д. Меньшагина), органов управления.

Предложенное В.Д. Меньшагиным определение преступлений против порядка управления, с учетом уточнения Г.Ф. Поленова в части органов управления, получило широкое распространение. Оно нашло поддержку в уголовно-правовой литературе советского и современного периода [см., например: 9, с. 849]. Сторонники подобных трактовок используют при определении объекта преступлений против порядка управления такие понятия, как «нормальная» и «правильная» деятельность органов государственной власти, которые не имеют точного законодательного регулирования и являются оценочными. Такая трактовка объекта рассматриваемой группы преступлений подверглась критике в литературе советского периода за недопустимо высокую степень обобщения [10, с. 405].

Вторым по распространенности в уголовно-правовой литературе подходом к пониманию объекта преступления против порядка управления следует признать подход, впервые выраженный в курсе советского уголовного права Ленинградского университета, в котором под объектом данной группы преступлений предлагалось понимать «субординационные отношения, складывающиеся в сфере управления между органами управления, с одной стороны, и гражданами – с другой, по поводу осуществления первыми административных, распорядительных функций и требующие подчиненности, управленческой дисциплины от вторых» [10, с. 407]. Фактически об отношениях субординации и подчинения между органами власти и гражданами как об объекте преступлений против порядка управления пишет целый ряд современных авторов [11, с. 8; 12, с. 346].

Однако представляется, что общественная опасность преступлений против порядка управления заключается не столько в нарушении субординации между субъектом и объектом управления, которые являются вторичным признаком любого управления, сколько в том, что в результате таких преступлений существенно затрудняется или становится невозможным осуществление органами государственной власти своих непосредственных функций.

В.С. Комиссаров предложил «примиряющую» (компромиссную) позицию двух наиболее распространенных точек зрения на объект преступлений против порядка управления, под которым предлагал понимать нормальную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, основанную на подчиненности [1, с. 208; 2, с. 596]. Вместе с тем, думается, что объектом данной группы преступлений следует признать общественные отношения по осуществлению органами государственной власти и органами местного самоуправления, действующими в качестве субъекта управления, законодательно возложенных на них функций (полномочий) по принятию, реализации политических и административных решений и контролю за их исполнением в отношении людей, выступающих в качестве объекта управления.

Классификация преступлений против порядка управления, начиная с первой, предложенной Н.А. Трайниным [4, с. 104–105], и по

настоящее время является острым дискуссионным вопросом. Практически каждым автором, изучавшим преступления против порядка управления, была сконструирована своя классификация. В.С. Комиссаров предложил одну из самых компактных – четырехчленную классификацию: 1) связанные с противодействием субъектам управленческой деятельности по осуществлению их функций (ст. 317–321 УК РФ); 2) посягающие на режим Государственной границы РФ и символы государственности (ст. 322, 323, 329 УК РФ); 3) посягающие на установленный порядок ведения официальных документов и документальное оформление фактов, имеющих юридическое значение (ст. 324–327 УК РФ); 4) связанные с посягательствами на установленный порядок реализации прав и обязанностей граждан (ст. 328, 330 УК РФ) [1, с. 209–210]. В дальнейшем новые составы преступлений, вводимые в гл. 32 УК РФ, он распределял в предложенные им группы. Например, ст. 3221 УК РФ была добавлена в группу преступлений, посягающих на режим Государственной границы РФ и символы государственности [2, с. 597–598]. Объективно дать безупречную классификацию преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ, практически невозможно. Причина заключается в большом количестве разнообразных преступлений, помещенных в эту главу УК РФ.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1. В научной литературе ведется дискуссия о принадлежности судей к сотрудникам правоохранительных органов. В.С. Комиссаров полагал, что «пока нет исчерпывающего законодательного перечня правоохранительных органов, суды можно относить к числу последних» [1, с. 219]. Другие авторы критикуют такое мнение [13, с. 278]. Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных органов и контролирующих органов» включил судей всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов в перечень лиц, подлежащих государственной защите, что дает основания рассматривать суды в качестве правоохранительных органов¹.

¹ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ // Российская газета. 1995. 26 апреля.

Вместе с тем системное толкование ст. 317 и 295 УК РФ приводит к выводу о том, что применительно к ст. 317 УК РФ необходимо исключить судей из числа защищаемых этой статьей лиц, так как посягательство на их жизнь наказывается в соответствии со ст. 295 УК РФ. Фактически такую же позицию занял Верховный Суд РФ, который в п. 16 постановления Пленума от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил: «Если посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких совершено в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта в целях воспрепятствования законной деятельности данного сотрудника или из мести за такую деятельность, деяние квалифицируется по статье 295 УК РФ»².

2. Рассматривая признаки состава незаконного пересечения Государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ), В.С. Комиссаров высказал мнение о том, что к разрешениям, которые упоминаются в диспозиции ст. 322 УК РФ, относится «соответствующим органом оформленное приглашение юридического или физического лица» [1, с. 245]. Это мнение дискуссионно, так как указанные приглашения являются основаниями для выдачи иностранному гражданину визы, а данные о них содержатся в визе³. Верховный Суд РФ в п. 3 постановления Пленума от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» к надлежащим разрешениям, полученным в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, отнес визу, разрешение на местное приграничное передвижение, разрешение Правительства РФ либо пограничного органа⁴.

2 Российская газета. 2023. 9 июня.

3 О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // Российская газета. 1996. 22 августа. Ст. 25–251.

4 Российская газета. 2020. 17 июля.

3. Целый ряд сложных проблем затронут В.С. Комиссаровым при рассмотрении преступлений, связанных с оборотом документов (ст. 324–327 УК РФ).

Прежде всего, он полагал, что непосредственные объекты преступлений, предусмотренных ст. 324–327 УК РФ, идентичны. В качестве такого объекта В.С. Комиссаров называл «установленный правовыми актами и обычаями делового оборота порядок выдачи и приобретения документов, государственных наград, а также порядок обращения с сопутствующими им предметами (штампами, печатями)» [1, с. 256]. Следует всецело поддерживать позицию о единстве непосредственного объекта этих преступлений. Полагаем, что такое единое понимание объекта воспринято и судебной практикой, о чем может свидетельствовать принятие в 2020 г. Верховным Судом РФ постановления Пленума «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵.

Однако согласиться с приведенным пониманием непосредственного объекта трудно. Представляется, что общественная опасность посягательства на предметы рассматриваемых преступлений выражается совсем не в нарушении формальных процедур документооборота (даже если этот документооборот детально урегулирован правовыми актами), а в том, что в оборот (гражданско-правовой, публично-правовой и т. д.) включаются и начинают обращаться содержащиеся в документах фальсифицированные факты, которые устанавливают, изменяют или прекращают правоотношения.

В качестве самостоятельного вида документа УК РФ выделяет подложный документ. В литературе обсуждается вопрос: обязательно ли подложный документ должен являться официальным. Исследователи придерживаются разных мнений. Например, А.А. Лукьянова полагает, что подложными могут быть только официальные документы [14, с. 13]. В.Ф. Цепелев еще более сужает это понятие, говоря применительно к ч. 3 ст. 327 УК РФ только об официальных документах, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей [15, с. 65].

5 Российская газета. 2020. 30 декабря.

В.С. Комиссаров обращал внимание на цель использования подложного документа: «для получения неположенных прав или освобождения от возложенных обязанностей» [1, с. 267], что свидетельствует о том, что документ необязательно должен быть официальным. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «к заведомо поддельным документам относятся любые поддельные документы, удостоверяющие юридически значимые факты, за исключением поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (например, подложные гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства)»⁶.

Еще одна проблема, широко обсуждаемая в научной литературе: следует ли считать подложным документом только поддельный документ или же относить к нему и подлинные документы, принадлежащие другому лицу. В.С. Комиссаров, наряду с Г.Н. Борзенковым и Л.А. Букаловой [16], отождествлял подложный документ с поддельным [1, с. 267], для чего есть все основания, так как слова синонимичны. Такое отождествление фактически приведено из п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 43. При этом следует обратить внимание на то, что в постановлении не отождествляются (различаются) поддельные и подложные государственные регистрационные знаки. Полагаем, что различное толкование одних и тех же терминов применительно к разным составам преступлений, помещенных в одну главу УК РФ, не способствует единообразному применению уголовного закона и противоречит такому требованию, как единство терминологии.

4. В.С. Комиссаров обосновывал, что незаконное приобретение образуют любые действия, кроме похищения и подделки [1, с. 259]. Данное мнение нашло поддержку у ряда авторов [11, с. 54–55]. Применительно к преступлениям против порядка управления толкование термина «приобретение» осложнено тем, что, с одной стороны, УК РФ предусматривает ответственность как за приобретение, так и за

похищение документов (ст. 324, ч. 3 ст. 327, ст. 325), с другой стороны, в отношении награды говорит только об ответственности за их приобретение (ст. 324). Верховный Суд РФ в п. 5 постановления Пленума № 43, как нам представляется, дал «вынужденное» толкование: «похищение государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР является одним из способов их незаконного приобретения и квалифицируется по статье 324 УК РФ». Это связано с тем, что при ином толковании похищение таких наград не являлось бы преступлением. Вместе с тем общественная опасность похищения государственных наград очевидна.

Попутно следует отметить позицию В.С. Комиссарова о необходимости в случаях насильственного похищения документов дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности [1, с. 263]. Следует поддержать такое правило квалификации, так как похищение документов и награды является менее тяжким преступлением, чем преступления против жизни и здоровья.

5. В литературе еще с советского периода дискутируется вопрос о соотношении состава надругательства над государственными символами с составом хулиганства. В.Ф. Кириченко рассматривал надругательство над государственными символами в качестве специального вида хулиганства, в связи с чем полагал, что дополнительная квалификация по статье о хулиганстве не требуется [17, с. 8]. Ему возражал П.П. Осипов, который считал, что если надругательство над гербом или флагом соединено с грубым нарушением общественного порядка, то действия виновного образуют идеальную совокупность хулиганства и надругательства над гербом или флагом [10, с. 422]. Последний подход более обоснованный. В.С. Комиссаров являлся сторонником именно такого подхода [1, с. 255].

6. Обратимся к пониманию В.С. Комиссаровым следующей проблемы: требуют ли квалификации самоуправные действия по иным статьям, кроме ст. 330 УК РФ? Ответ на этот вопрос крайне актуален для судебной практики, поскольку при самоуправстве виновный нередко неправомерно завладевает транспортными средствами, оружием, документами потерпевшего, наносит вред его здоровью и

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–3271 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // Российская газета. 2020. 30 декабря. П. 4.

т. д. В.С. Комиссаров писал: «Когда самовольные действия образуют признаки самостоятельных составов иных преступлений (нарушение неприкосновенности жилища, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, отказ в предоставлении гражданину информации и т. п.), они квалифицируются по соответствующим статьям Кодекса, предусматривающим эти преступления» [1, с. 277]. Такой подход в целом необходимо признать теоретически правильным, но нуждающимся в определенном уточнении. Следует учитывать, что действующая редакция диспозиции ст. 330 УК РФ не конкретизирует характер самовольных действий. Изучение судебной практики показало, что нарушение неприкосновенности жилища, завладение транспортным средством, оружием и документами выступают неправомерным обеспечением, которое направлено, как правило, на возврат «долга» виновному. Иными словами, данные деяния выступают способом самоуправства. Следовательно, при решении вопроса о наличии/отсутствии совокупности самоуправства с иными преступлениями необходимо руководствоваться принципом: до-

полнительной квалификации требуют только те самостоятельные преступления, размер наказания за которые превышает максимальный размер наказания, предусмотренный ст. 330 УК РФ. Основываясь на таком принципе, дополнительной квалификации требуют преступления, предусмотренные ст. 126 и 166 УК РФ, а преступления, предусмотренные ст. 127, 139, 167–168, 226, 325 УК РФ, дополнительной квалификации не требуют.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей работы, конечно, нет возможности проанализировать все доктринальные позиции В.С. Комиссарова относительно преступлений против порядка управления. Однако даже их небольшая часть свидетельствует о значительном вкладе автора в разработку теоретических основ данной группы преступлений. Отдельные идеи, высказанные В.С. Комиссаровым по поводу ряда конструктивных признаков отдельных составов преступлений против порядка управления, нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комиссаров В.С. Преступления против порядка управления / В.С. Комиссаров // Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – Москва : Зерцало-М, 2002. – Т. 5. – С. 208–277.
2. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 3-е изд. – Москва : Проспект, 2010. – 682 с.
3. Исаев М.М. Уголовное право. Особенная часть : учебное пособие для заочников / М.М. Исаев. – Москва, 1929. – 56 с.
4. Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная: Преступления против государства и социального порядка / А.Н. Трайнин. – 2-е изд. – Москва : Изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 339 с.
5. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против порядка управления / А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. – Москва : Изд-во НКЮ СССР, 1938. – 160 с.
6. Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления / В.Д. Меньшагин ; под ред. И.Т. Голякова. – Москва : Изд-во НКЮ СССР, 1945. – 56 с.
7. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Особенная часть / А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин, В.М. Чхиквадзе. – Москва : Госюриздат, 1959. – Т. 2. – 812 с.
8. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления / Г.Ф. Поленов. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 136 с.

REFERENCES

1. Komissarov V.S. Crimes against the order of governance. Borzenkov G.I., Komissarov V.S. (eds.). Course of criminal law. Special part. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002, vol. 5, pp. 208–277. (In Russian).
2. Inogamova-Khegai L.V., Komissarov V.S., Rarog A.I. (eds.). Russian criminal law. 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2010. Vol. 2. 682 p.
3. Isaev M.M. Criminal law. Special part. Moscow, 1929. 56 p.
4. Trainin A.N. Criminal law of the RSFSR. Special part: Crimes against the state and social order. 2nd ed. People's Commissariat of Justice of the Russian Soviet Federative Socialist Republic Publ., 1927. 339 p.
5. Gertzenzon A.A., Menshagin V.D., Osherovich B.S., Piontkovsky A.A. Criminal law. Special part. Crimes against the order of governance. People's Commissariat of Justice of the USSR Publ., 1938. 160 p.
6. Menshagin V.D.; Golyakov I.T. (ed.). Crimes against the order of governance. People's Commissariat of Justice of the USSR Publ., 1945. 56 p.
7. Piontkovsky A.A., Menshagin V.D., Chkhikvadze V.M. Course of Soviet criminal law. Special part. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. Vol. 2. 812 p.
8. Polenov G.F. Responsibility for crimes against the order of governance. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 136 p.

9. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / С.А. Балеев, А.П. Кузнецов, Л.Л. Кругликов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – Москва : Статут, 2012. – 943 с.
10. Курс советского уголовного права. Часть Особенная / Н.А. Беляев, В.К. Глистин, Н.С. Лейкина и др.; отв. ред. Н.А. Беляев. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1978. – Т. 4. – 558 с.
11. Морозов В.И. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления : учебное пособие / В.И. Морозов, С.Л. Скутин, А.В. Сумачев. – Тюмень : Тюменский юридический институт МВД России, 1999. – 77 с.
12. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 5. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. – 951 с.
13. Агузаров Т.К. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке : историко-правовые очерки / Т.К. Агузаров, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2015. – 166 с.
14. Лукьянова А.А. Уголовная ответственность за подделку, сбыт и использование поддельных документов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Лукьянова. – Москва, 2017. – 266 с.
15. Цепелев В.Ф. Квалификация преступлений против порядка управления : учебное пособие / В.Ф. Цепелев. – Москва : Проспект, 2015. – 104 с.
16. Букалерева Л.А. Квалификация мошенничества, сопряженного с незаконным оборотом документов, требует переосмысления / Л.А. Букалерева, Г.Н. Борзенков // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3. – С. 26–30.
17. Преступления против порядка управления : учебное пособие / Л.И. Блинова, А.Д. Горбуза, П.Ф. Гришанин и др.; гл. ред. В.Ф. Кириченко. – Москва : Высшая школа МВД РФ, 1970. – 67 с.
9. Baleev S.A., Kuznetsov A.P., Kruglikov L.L. et al.; Sundurov F.R., Talan M.V. (ed.). Criminal law of Russia. Special part. Moscow, Statut Publ., 2012. 943 p.
10. Belyaev N.A., Glistin V.K., Leikina N.S. et al.; Belyaev N.A. (ed.). Course of Soviet criminal law. Special part. Leningrad University Publ., 1978. Vol. 4. 558 p.
11. Morozov V.I., Skutin S.L., Sumachev A.V. Criminal law characteristics of crimes against the order of governance. Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1999. 77 p.
12. Korobeev A.I. (ed.). Complete course of criminal law. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2008. 951 p.
13. Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchayev A.I. State crimes in Russian criminal law in the twentieth century: historical and legal essays. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 166 p.
14. Lukyanova A.A. Criminal liability for forgery, sale and use of counterfeit documents. Cand. Diss. Moscow, 2017. 266 p.
15. Tsepelev V.F. Qualification of crimes against the order of governance. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 104 p.
16. Bukalereva L.A., Borzenkov G.N. Qualification of fraud associated with the illegal circulation of documents requires rethinking. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2009, no. 3, pp. 26–30. (In Russian).
17. Blinova L.I., Gorbuza A.D., Grishanin P.F. et al.; Kirichenko V.F. (ed.). Crimes against the order of governance. Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1970. 67 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филиппов Павел Александрович – доктор юридических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filippov Pavel Alexandrovich – Doctor of Law, Acting Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 12.08.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 21.08.2023. The article was submitted 12.08.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 21.08.2023.

БИМБИНОВ Арсений Александрович
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия;
e-mail: bimbinov@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7440-293X>

BIMBINOV Arseniy Alexandrovich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ О ВОЗМОЖНЫХ МЕРАХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ ДЛЯ ЗНАКОМСТВ

SOCIOLOGY OF CRIMINAL LAW: SOME CONCLUSIONS ON POSSIBLE CRIME
PREVENTION MEASURES AMONG USERS OF MOBILE DATING APPLICATIONS

Аннотация. Работа содержит описание процесса исследования и некоторых полученных в ходе него результатов, которые могут быть полезны для формулирования отдельных уголовно-правовых и даже криминологических выводов. Цель: определение моделей поведения граждан при использовании мобильных приложений, в частности приложений для знакомств, и выявление уголовно-правовых предписаний, нарушение которых может быть совершено при неочевидности их противоправности. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Особое место в методологии исследования занимает метод правового моделирования, посредством которого верифицировались разрабатываемые методические рекомендации. Помимо частно-юридических методов использовались методы социологических исследований: опрос, его анализ, метод экспертных оценок и т. д. Результаты: лица, достигшие 26 лет, в отличие от респондентов в возрасте от 18 до 26 лет, гораздо чаще пользуются приложениями для знакомств и вдвое чаще направляют другим лицам собственные изображения откровенного характера, что предопределяет наличие соответствующих уголовно-правовых рисков.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, уголовная ответственность, противоправность, социологические исследования, уголовный закон, распространение порнографии

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-00180).

Abstract. The work describes the research process and some of the research findings that may be useful in drawing separate criminal law and even criminological conclusions. Purpose: to determine the behavior patterns of citizens when using mobile applications, in particular dating applications, and to identify criminal regulations, the violation of which can be committed when their illegality is not obvious. Methods: theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. A special place in the research methodology is given to the method of legal modeling, through which the developed methodological recommendations are verified. In addition to specific legal methods, methods of sociological research are used: survey, its analysis, method of expert assessments, etc. Results: persons over 26 years of age, as opposed to respondents between the ages of 18 and 26, are much more likely to use dating applications and twice as likely to send their own explicit images to others, which predetermines the existence of relevant criminal risks.

Keywords: crime prevention, criminal liability, illegality, sociological research, criminal law, pornography distribution

Financing. The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-78-00180).

Для цитирования: Бимбинов А.А. Социология уголовного права: некоторые выводы о возможных мерах профилактики преступлений пользователей мобильных приложений для знакомств / А.А. Бимбинов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.8 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 66–73

For citation: Bimbinov A.A. Sociology of criminal law: some conclusions on possible crime prevention measures among users of mobile dating applications. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 66–73 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.8.

ВВЕДЕНИЕ

До определенного времени криминологические исследования и их методология не представляли для меня научного интереса. Отчасти это было обусловлено избранной мною специализацией в рамках сугубо отраслевой кафедры уголовного права (в МГЮА кафедры уголовного права и криминологии разделены), а также темой и планом диссертационной работы. Попадавшие мне публикации, за исключением трудов классиков отечественной и зарубежной криминологии, не мотивировали к изучению преступности как социально-правового явления, а изменения в области организации образования (исключение криминологии из перечня обязательных для изучения дисциплин) практически окончательно убедили в отсутствии необходимости разрабатывать это направление.

Мое отношение изменила конференция, проведенная Верховным Судом РФ по вопросам квалификации насильственных преступлений, а вернее Владимир Сергеевич Комиссаров, являвшийся одним из докладчиков.

Свое выступление Владимир Сергеевич прервал, объяснив собравшимся, что вынужден покинуть конференцию, так как его ждут в Министерстве (из-за продолжительных докладов и их обсуждений программа конференции затягивалась) для обсуждения вопроса о восстановлении криминологии в качестве обязательной дисциплины в федеральном государственном образовательном стандарте по направлению «Юриспруденция». Сказанное вызвало бурную реакцию у делегатов: многих беспокоила проблема статуса криминологии. Часть диалога была недоступна, так как Владимир Сергеевич вел его с президиумом конференции без микрофона, однако завершающую фразу я помню до сих пор. В.С. Комиссаров сказал, что сделает все возможное для возвращения криминологии в образовательный стандарт, так как именно она отража-

ет уголовное право в жизни и может помочь оказать влияние на реальную жизнь. С тех пор, проводя уголовно-правовые исследования, погружаясь и узнавая, возможно, неочевидные для каждого юриста аспекты тех или иных преступлений, я лишь убеждаюсь в правоте слов Владимира Сергеевича.

Скромные попытки применить методику криминологических исследований при разработке проблем уголовной ответственности за сексуальные преступления, преступления экстремистской направленности и преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи, позволили в определенных случаях сделать выводы о социальной обусловленности криминализации некоторых деяний, их типичных сценариев и возможных мер противодействия им. Однако все полученные результаты если и имеют какую-то ценность, то лишь для профессионального сообщества. Поэтому мысль о проведении исследования, результаты которого могли бы быть полезны человеку в его повседневной жизни, не оставляла меня. Она же заставила подать заявку на выполнение проекта Российского научного фонда (далее – РНФ), в рамках которого я пытаюсь разобраться в особенностях преступности пользователей мобильных приложений, применяя при этом отдельные криминологические приемы. Несмотря на это, осознавая отсутствие должных компетенций, не смею называть свою работу криминологической.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Значение Интернета для современного общества невозможно переоценить. Без его использования сегодня не обходится практически ни одна из сторон жизнедеятельности человека. Интернет-ресурсы применяются при планировании семьи, медицинских вмешательствах, в воспитании и родительском контроле, на всех уровнях образования и в науке, в трудовой деятельности и при орга-

низации досуга, для заказа товаров и услуг, прослушивания аудиозаписей и просмотра видеолент, чтения книг и, конечно, для общения между людьми. Столь глубокое и основательное проникновение Сети в жизнь человека было бы невозможно без повсеместной распространенности личных портативных средств связи, которые, без преувеличения, всегда находятся с человеком, – мобильных телефонов (смартфонов). По данным Statista, количество пользователей смартфонов в России на 2022 г. составляло 120,14 млн человек, то есть свыше 80 % от общей численности населения страны¹.

Эти пользователи в большинстве своем осуществляют доступ к интересующему их контенту при помощи мобильных приложений, что продиктовано ориентацией на личные потребности и использованием персональных данных. Кроме того, различия между браузерами и приложениями на мобильных устройствах стираются. Большая часть времени использования браузера проходит в окнах веб-просмотра соответствующих мобильных приложений, что обусловлено маркетинговыми, организационными и другими интересами производителей программного обеспечения мобильных устройств и приложений.

Благодаря своему функционалу мобильные приложения стали неотъемлемой частью жизни человека со всеми вытекающими последствиями, в том числе связанными с возможностью причинения вреда человеком человеку [1, с. 225; 2, с. 139]. Многие подобные ситуации влекут уголовную ответственность причинителя вреда. При этом часть из них характеризуется неочевидностью уголовной противоправности для пользователей мобильных приложений. В таких ситуациях лица, как правило, не желают нарушать уголовный закон, но делают это в связи с непониманием противозаконности своих действий, обусловленным специфической средой и технологическими особенностями, которые создают на подсознательном уровне ощущение дозволенности и притупляют восприятие границ возможного поведения.

Пользователи мобильных приложений могут быть привлечены к ответственности за развратные действия (ст. 135 УК РФ) или даже за насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) при размещении своих или чужих откровенных фотографий или художественных либо исторических материалов с подобными изображениями в сетевых сообществах, доступных малолетним; за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) при пересылке третьим лицам своей переписки с человеком, который раскрыл в ней непубличные сведения о своей личной жизни; за незаконный оборот специальных технических средств (ст. 138.1 УК РФ) при приобретении кому-нибудь в подарок доступного на маркетплейсе шпионского снаряжения; за незаконное использование средств индивидуализации товаров (ст. 180 УК РФ) при оформлении и заполнении страницы своего интернет-магазина в социальной сети; за наличное фальшивомонетничество (ст. 187 УК РФ) при создании некорректных платежных поручений в мобильном бизнес-банке; за обращение незарегистрированной медицинской продукции (ст. 238.1 УК РФ) при заказе зарубежных препаратов; за распространение порнографии (ст. 242 УК РФ) при направлении своих интимных фотографий или ссылок на соответствующие видеозаписи в личной переписке даже со своим постоянным сексуальным партнером и т. д. При этом те же самые пользователи, вероятно, вживую никогда бы не показали малолетним материалы с откровенными изображениями или никогда бы не подделали наличные рубли, так как в реальной жизни осознают общественную опасность таких деяний.

Итоговая цель указанного проекта РНФ – разработка рекомендаций по безопасному использованию мобильных приложений. Для достижения ее необходимо решить несколько задач, включая определение состояния использования мобильных приложений (моделей поведения граждан при использовании мобильных приложений) и выявление уголовно-правовых запретов, которые могут быть неосознанно нарушены пользователями. Некоторые промежуточные результаты решения этих задач, а также процесс их установления легли в основу содержания настоящей работы.

1 Degenhard J. Number of smartphone users in Russia from 2013 to 2028 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/forecasts/1147055/smartphone-users-in-russia> (дата обращения: 18.08.2023).

Методы

В современных условиях новый мир возникает практически каждый день, а в сфере цифровых технологий изменения могут происходить даже чаще. Преобразования, начавшиеся во время пандемии COVID-19, а также текущие события в мире все больше ориентируют разработчиков мобильных приложений на новую парадигму. Если раньше для описания непредсказуемой, быстро меняющейся среды использовался акроним VUCA (Volatility – изменчивость, Uncertainty – неопределенность, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность) [3], то теперь для описания новой реальности предложен термин BANI. Новое время требует адаптации рабочих инструментов и моделей поведения к хрупкому (Brittle), тревожному (Anxious), нелинейному (Nonlinear) и непостижимому (Incomprehensible) миру. Автор этого термина, футуролог Джамаис Кашью, предлагает при анализе текущей обстановки в том числе учитывать вероятный прогноз на ближайшую или даже отдаленную перспективу².

В этой связи определение состояния использования мобильных приложений невозможно без прогнозирования перспектив такого использования в обозримом будущем. Поэтому решение задач в рамках означенного проекта осуществлялось без привязки к какому-то конкретным мобильным приложениям, но с учетом востребованности их функционала сегодня и на ближайшую перспективу.

Изучение публикаций о мобильной интернет-культуре и материалов судебно-следственной практики позволило определить примерный перечень охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые подвержены риску причинения вреда при использовании мобильных приложений. Наиболее часто под угрозу причинения вреда подпадают право собственности, а также общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, общественную нравственность и порядок обращения с охраняемой законом информацией, в том числе персональными данными.

² Cascio J. Science, Technology & the Future [Электронный ресурс]. URL: <https://theengineeringofconsciousexperience.com/jamais-cascio-are-alternative-facts-created-to-be-believed-or-to-cast-doubt-on-reality/> (дата обращения: 18.08.2023).

Для определения моделей поведения граждан при использовании мобильных приложений было решено провести масштабное анкетирование (опрос) среди пользователей. С целью установления параметров и форм опроса была изучена актуальная аналитика в сфере разработки мобильных приложений, а также специальная литература (по праву, социологии, компьютерным и информационным наукам) – от публицистики [4] до фундаментальных [5] и прикладных [6] трудов. Эти работы показывают, что наиболее активными эксплуатантами мобильных приложений являются студенты, которые в силу возраста, вовлеченности в современные, в том числе технологические, процессы и своего социального положения больше и дольше других категорий населения используют мобильные приложения по всему спектру их возможного функционала [7; 8]. В этой связи студенты определены как основная группа респондентов. С учетом имеющихся профессиональных связей в качестве других групп респондентов определены научно-педагогические работники, практикующие в области уголовного права юристы и любые их знакомые, которые по их просьбе согласятся поучаствовать в анкетировании, ответив на специально разработанные вопросы.

Для установления постоянных и переменных в моделях поведения человека при использовании мобильных приложений сформулированы вопросы, позволяющие, во-первых, установить социально-демографические характеристики опрашиваемых лиц (возраст, пол и уровень образования); во-вторых, вид (по функционалу) приложений, частоту и причины их использования; в-третьих, характер использования, наличие опыта причинения и претерпевания вреда при таком использовании; в-четвертых, уровень восприятия возможного риска при использовании мобильных приложений; в-пятых, качество осведомленности о том, что конкретные действия могут образовывать преступление; в-шестых, изменения в поведении при использовании мобильных приложений за последнее время; в-седьмых, причины, влияющие на трансформацию поведения при использовании мобильных приложений.

Таким образом, была составлена анкета для проведенного социологического опроса³.

Данная анкета была разослана обучающимся 31 образовательной организации в России, Казахстане, Беларуси и Кыргызстане, преподавателям кафедр уголовного и медицинского права этих вузов, а также адвокатам и другим юристам, регулярно участвующим в мероприятиях, проводимых научно-образовательным центром применения уголовного права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), с просьбой по желанию анонимно пройти соответствующий опрос.

Принимая во внимание, что в проводимом опросе в основном участвуют квалифицированные специалисты в области права, а также обучающиеся по юридическим направлениям подготовки, которые, вероятно, в значительно большей степени осведомлены о возможных уголовно-правовых рисках использования мобильных приложений, чем граждане, не имеющие специальных знаний или профильного образования, было принято решение о проведении опроса по той же анкете среди лиц, не получающих и не имеющих юридического образования. Данный опрос по договору провело ООО «Аналитическая социология». Согласно отчету, представленному этой организацией, он проводился среди 250 жителей Москвы и Санкт-Петербурга старше 23 лет, в соотношении: 50 % – мужчины и 50 % – женщины.

Как уже было указано, часть вопросов в распространенной анкете касались направлений развития и трансформации поведения человека при использовании мобильных приложений, а также причин меняющегося поведения. Чтобы верифицировать полученные результаты по этим вопросам, а также провести анализ всех собранных данных, было организовано анкетирование экспертов (юристов, политологов, социологов, психологов, экономистов и практических работников, имеющих значительный опыт в оценке социально-правовых явлений). Перед ними были поставлены вопросы об их сфере деятельности и опыте работы, об изменениях, произошедших в

их поведении при использовании мобильных приложений, об их оценке причин, влияющих на изменение поведения при использовании мобильных приложений, и о том, в каком направлении будут меняться приложения и модели поведения при их использовании⁴.

Кроме того, совместно с несколькими обучающимися Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) регулярно организовывались обсуждения в рамках фокус-групп для анализа потенциальных уголовно-правовых рисков использования мобильных приложений. Каждый из участников группы на протяжении четырех месяцев вел дневник использования мобильных приложений, где указывал, какими мобильными приложениями ему необходимо было воспользоваться, какие риски могли наступить в результате этого. После выявления потенциального риска член коллектива обсуждал со своими коллегами или однокурсниками перспективы реализации риска и управления такими рисками.

Полученные в процессе описанного исследования результаты были проанализированы, сопоставлены друг с другом, с положениями действующего уголовного законодательства и материалами судебно-следственной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Было опрошено более 1100 человек по основной анкете и более 50 человек – по анкете экспертов.

Результаты показали, что большинство респондентов преимущественно пользуются одними и теми же по функционалу приложениями: социальными сетями, мессенджерами, приложениями банков, приложениями для заказа товаров и услуг, а также для просмотра или создания видеоконтента. Абсолютное большинство пользователей мобильных приложений подвержены одним и тем же рискам: многие граждане допускают пересылку документов, содержащих сведения о себе, пользуются средствами криптографии, направляют денежные средства незнакомцам и публикуют информацию, содержание которой для них не всегда понятно.

³ В целях большего охвата респондентов, широкого представительства регионов России и некоторых зарубежных государств, а также с учетом тематики опроса посредством программного обеспечения Google Forms была создана электронная версия указанной анкеты. Она доступна по ссылке: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfY3X4sLbKogpmHUQkPx0fOQs_g0K9-J43cV-sNv7ymK7m2g/viewform.

⁴ Анкета доступна по ссылке <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSepRsEGvVQgAlhvAL8PUO91yczbV1WpfBhXE8S-teZRchvw/viewform>.

В рамках настоящей работы интерес представляют данные об использовании приложений для знакомств, в том числе серьезные расхождения в результатах опроса по социально-демографическим признакам. Опрос, проводимый собственными силами, изначально был ориентирован на студентов, поэтому 88 % опрошенных – это лица в возрасте от 18 до 26 лет, имеющие или получающие высшее образование, как правило, юридическое (группа № 1). В опросе специализированной организации 72,4 % респондентов в возрасте от 27 до 65 лет, абсолютное большинство из которых имеют высшее или неоконченное высшее образование неюридического направления (группа № 2).

33,1 % опрошенных из группы № 2 ежедневно пользуются приложениями для знакомств, тогда как среди студентов этот показатель равен 3,7 %. Эти значения соотносятся с ответами на вопрос «Направляли ли Вы кому-нибудь материалы (фото, видео) с обнаженными интимными частями своего тела в приложениях для знакомств, чатах знакомств, группах или социальных сетях для поиска партнера?» Среди старшей возрастной группы отрицательно ответили 67,2 %, в то время как среди студентов 85,7 % опрошенных указали, что никогда ничего такого не направляли. Эти данные свидетельствуют о том, что существенный процент граждан позволяет себе направлять другим лицам фото и видеоматериалы интимного характера, полагая, как представляется, что уголовная ответственность в таком случае исключена ввиду частного характера пересылки и неотносимости указанных материалов к порнографическим. Принимая во внимание супружеские, партнерские и другие межличностные околосексуальные отношения, эти аргументы вполне социально обусловлены. Более того, ученые также отмечают, что обмен эротическими фотографиями между сексуальными партнерами посредством мобильного телефона никакой криминальной составляющей не несет [9]. Однако правоприменительная практика, отчасти основанная на некоторой неопределенности закона, подтверждает обратное. Так, приговором Марковского городского суда Саратовской области Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. По делу установлено,

что Л. в ночное время посредством мобильного телефона марки «Редми» и абонентского номера сотовой связи N, используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, применяя мессенджер «Ватсап», направил фотографию мужского полового органа, являющуюся порнографическим материалом, на устройство сотовой связи, находящееся в пользовании потерпевшей, получившей указанный порнографический материал⁵.

В отечественном праве до настоящего времени отсутствует легальное определение понятия порнографии. Устанавливают относимость к такого рода продукции некоммерческие организации, привлекаемые судом или органами следствия к процессу. Методология деятельности этих организаций зачастую проста: они цитируют одних и тех же авторов, многие из которых в свое время цитировали друг друга, а затем приходят к выводу об относимости материалов к порнографии в связи с отсутствием исторической, художественной или научной ценности, так как этот признак порнографии, пожалуй, единственный, который не вызывает сомнений [10]. При таких обстоятельствах нетрудно стать обвиняемым по уголовному делу о распространении порнографии, если имело место направление материалов (фото и т. п.) со своими интимными изображениями в личном сообщении другому пользователю, даже если вы состоите с ним в романтических отношениях.

Уголовным законом предусмотрено наказание за распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов, адаптированное предостережение о чем могло бы стать одной из разрабатываемых рекомендаций по итогам выполнения проекта РНФ. Пользователям приложений следует знать, что согласно ст. 242 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за распространение порнографических материалов (в том числе их пересылка даже одному человеку), а также за их публичную демонстрацию. Частная демонстрация таких материалов ответственности не влечет. Поэтому разумно использовать специализированные приложения для знакомств, которые обеспечивают модерацию

⁵ Приговор Марковского городского суда Саратовской области от 10.02.2023 по делу № 1-18/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

размещаемых пользователями в своих аккаунтах изображений, не позволяют направлять при переписке свои фотографии (например, Tinder) либо предусматривают возможность их скрытого размещения на странице своего аккаунта (в таком случае при допуске к скрытым изображениям другого пользователя будет частная демонстрация, а не распространение) или пересылку фотографий в режиме «самоуничтожения» (например, Pure), что не допускает возможность их дальнейшего использования и не образует распространения⁶.

Представляется, что эти цифро-правовые нюансы должны учитываться и разработчиками соответствующих отечественных ИТ-продуктов, которых становится все больше, так как популярные иностранные приложения для знакомств ограничивают свой функционал в России либо вовсе больше не работают. Инструкции по использованию соответствующих приложений, а также программные оповещения должны предупреждать пользователей о последствиях не только пересылки фото и видеоизображений, но и разглашения своих персональных данных и иных сведений, которые могут быть использованы злоумышлен-

никами для совершения корыстных и даже насильственных преступлений⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, направленное на определение признаков типичного поведения человека при использовании мобильных приложений, позволило, пусть даже в самом обобщенном виде, выявить уголовно-правовые риски как претерпевания, так и причинения вреда, в том числе в отсутствии очевидности противоправности деяния. Продолжение изучения культуры использования мобильных устройств и содержания уголовно-правовых рисков позволят, как представляется, усовершенствовать подход к обеспечению уголовно-правовой охраны общественных отношений путем профилактики преступного и околопреступного поведения граждан. Кроме того, результаты опроса экспертов во взаимосвязи с ответами респондентов по основной анкете позволяют заключить, что в обозримой перспективе мобильные приложения будут универсализироваться и включать в себя функционал всех наиболее популярных сегодня приложений, в том числе приложений для знакомств, поэтому разрабатываемые рекомендации должны носить универсальный характер.

6 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Приговор Солнцевского районного суда города Москвы от 13.02.2023 по делу № 1-105/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шапиро Л.Г. Основные направления развития криминалистической методики в условиях цифровизации и глобализации преступности / Л.Г. Шапиро // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 6 (143). – С. 224–229.
2. Овчинский В.С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире / В.С. Овчинский // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : труды 1-й Международной конференции (8–9 февраля 2018 г., Москва). – Москва : ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018. – С. 136–140.
3. Johansen R. Get There Early: Sensing the future to compete in the present / R. Johansen. – Oakland, CA, USA: Berrett-Koehler, 2007. – 258 p.
4. Черешнев Е. Форма жизни № 4: Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта / Е. Черешнев. – Москва, 2022. – 484 с.
5. Дремлюга Р.И. Уголовно-правовая охрана цифровой экономики и информационного общества от киберпреступных посягательств: доктрина, закон, правоприменение / Р.И. Дремлюга. – Москва, 2022. – 328 с.

REFERENCES

1. Shapiro L.G. The main directions of criminalistics methodology development in the conditions of digitalization and globalization of crime. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2021, no. 6 (143), pp. 224–229. (In Russian).
2. Ovchinsky V.S. Crime and its control in the digital world. Designing the future. *Problems of digital reality. Proceedings of the 1st International Conference (February 8–9, 2018, Moscow)*. Keldysh Institute of Applied Mathematics Publ., 2018, pp. 136–140. (In Russian).
3. Johansen R. Get There Early: Sensing the future to compete in the present. Oakland, CA, USA, Berrett-Koehler Publ., 2007. 258 p.
4. Chereshev E. Life form No. 4: How to remain human in the era of the heyday of artificial intelligence. Moscow, 2022. 484 p.
5. Dremlyuga R.I. Criminal law protection of the digital economy and information society from cybercrime attacks: doctrine, law, law enforcement. Moscow, 2022. 328 p.

6. Chmielarz W. The Usage of Smartphone and Mobile Applications from the Point of View of Customers in Poland / W. Chmielarz // *Information*. – 2020. – № 11. – P. 220.

7. Jeong H.S. Smartphone addiction and empathy among nursing students / H.S. Jeong, Y.S. Lee // *Adv Sci Technol Lett*. 2015. 88: 224–8. [Электронный ресурс]. – URL: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:52027537> (дата обращения: 18.08.2023).

8. Roberts J.A. The invisible addiction: Cell-phone activities and addiction among male and female college students / J.A. Roberts, L.H. Yaya, C. Manolis // *J Behav Addict*. – 2014. – № 3. – P. 254–265.

9. Соловьев В.С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки / В.С. Соловьев // *Уголовное право*. – 2017. – № 6. – С. 60–64.

10. Заирная М.М. К вопросу об определении порнографии / М.М. Заирная // *Уголовное право*. – 2014. – № 6. – С. 15–21.

6. Chmielarz W. The usage of smartphone and mobile applications from the point of view of customers in Poland. *Information*, 2020, no. 11, pp. 220.

7. Jeong H.S., Lee Y.S. Smartphone addiction and empathy among nursing students. *Adv Sci Technol Lett*. 2015. 88: 224–8. Available at: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:52027537>.

8. Roberts J.A., Yaya L.H., Manolis C. The invisible addiction: Cell-phone activities and addiction among male and female college students. *J Behav Addict*, 2014, no. 3, pp. 254–265.

9. Solovyev V.S. Revenge porn: essence of a phenomenon and its criminal law problems. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 6, pp. 60–64. (In Russian).

10. Zazirnaya M.M. On the issue of definition of pornography. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2014, no. 6, pp. 15–21. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бимбинов Арсений Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bimbimov Arseniy Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 01.09.2023. The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

ФИЛАТОВА Мария Алексеевна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: m_filatova@law.msu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7662-988X>

FILATOVA Maria Alekseevna
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ

COMPARATIVE METHOD OF RESEARCH IN CIVIL LAW: ERRORS IN APPLICATION

Аннотация. Сравнительное правоведение традиционно привлекает внимание исследователей, что обусловлено его высоким потенциалом для решения проблем, стоящих перед законодателем и правоприменителем. Не являются исключением и исследования в области уголовного права. Автор рассматривает сравнительное право в его инструментальном контексте, предлагает рекомендации исследователям в области сравнительного правоведения. В качестве иллюстративного материала избран вопрос уголовно-правовой охраны персональных данных. Цель: установить принципиальные ошибки при применении сравнительного метода, смешивающие его с исследованиями по зарубежному праву и служащие причинами неэффективности исследований, заявленных как сравнительно-правовые. Методы: общенаучные (анализ, сравнение, описание, дедукция – при переходе от общих проблем к конкретной иллюстрации), частнонаучные (формально-юридический и сравнительный). Результаты: для эффективного применения сравнительного метода необходимо не только владение нормативным материалом, но и решение поставленных задач через определенную, актуальную для конкретного общества проблему. Нормативный массив отражает возможный вариант ее регулирования, но не единственный; его эффективность предстоит оценить в сопоставлении с иными возможными вариантами.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, сравнительный метод, функциональное сравнение, система права, персональные данные, тайна, компьютерная информация

Для цитирования: Филатова М.А. Сравнительный метод научных исследований в уголовном праве: ошибки в применении / М.А. Филатова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 74–83

Abstract. Comparative law has traditionally attracted the attention of researchers because of its high potential to address the challenges facing the legislator and law enforcer. Criminal law research is no exception. The author examines comparative law in its instrumental context and offers recommendations to researchers in the field of comparative law. The issue of criminal law protection of personal data is chosen as illustrative material. Purpose: to identify fundamental errors in the application of the comparative method, confusing it with researches on foreign law and serving as reasons for the ineffectiveness of studies declared as comparative-legal. Methods: general scientific (analysis, comparison, description, deduction – in the transition from general problems to a specific illustration), specific scientific (formal legal and comparative). Results: the effective application of the comparative method requires not only the possession of normative material, but also problem solving through a specific problem that is relevant for a particular society. The regulatory framework reflects a possible regulation, but not the only one; its effectiveness has to be assessed against other possible options.

Keywords: comparative law, comparative method, functional comparison, system of law, personal data, secrecy, computer information

For citation: Filatova M.A. Comparative method of research in civil law: errors in application. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 74–83 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.9.

ВВЕДЕНИЕ

28–29 марта 2023 г. в Бишкеке (Кыргызстан) прошла конференция «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященная 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова. Значительную часть своей научной жизни Владимир Сергеевич посвятил организации международных конференций для установления связей российских ученых – специалистов в области уголовного права с представителями зарубежных стран. География его личных выступлений и приглашенных ученых охватывает Европу, все страны СНГ, Латинскую Америку, Китай, США. Продолжая традиции Н.Ф. Кузнецовой, Владимир Сергеевич не только сам принимал участие в развитии международного сотрудничества, но и стимулировал своих сотрудников и учеников обращаться к зарубежному опыту, осознавая, что национально замкнутая наука лишает себя существенного источника познания.

На протяжении длительного времени шла дискуссия о природе сравнительного правоведения. Так, анализируя вопрос о том, являются ли сравнительное правоведение и сравнительный метод синонимичными терминами, А.Х. Саидов пишет, что вряд ли правомерно их отождествлять и употреблять в качестве синонимов, как это иногда делается [1, с. 25].

Особое внимание было уделено данному вопросу в начале XX в. Немецкие компаративисты К. Цвайгерт и Х. Кётц, например, пишут, что сравнительное право зародилось в 1900 г. в Париже, когда состоялся Международный конгресс сравнительного права [2, с. 10]. Представляется, говорить о том, что сравнительный метод появился лишь в это время, ошибочно, поскольку в зарубежной доктрине встречаются исследования, построенные именно на данном методе, предпринятые раньше. Также высказывается мнение, что основоположником английской компаративистики является Ф. Бэкон (1561–1626), а немецкой – Г.В. Лейбниц (1646–1716) [1, с. 22]. При этом в современных американских исследованиях указывается, что модель сравнительного уголовного права получила развитие в эпоху Просвещения, прежде всего в трудах П.А. Фейербаха (1775–1833), который считал

сравнительный метод принципиально важным для выстраивания новой модели уголовного права и для теории права в целом [3, с. 2].

Не вдаваясь подробно в дискуссию о времени возникновения сравнительного права, хотелось бы отметить, что, действительно, Международный конгресс 1900 г. стал отправной точкой для развития сравнительного правоведения как науки и дисциплины. В XX веке, несмотря на многочисленные войны, появление новых государств и распад старых, появилось множество трудов, которые лежат в основе исследуемой науки. Примеры отдельных работ по сравнительному правоведению приведены, например, в сборнике «Очерки сравнительного права» (далее – «Очерки»), составленном профессором В.А. Тумановым [см., например: 4, с. 36–86; 5, с. 87–103; 6, с. 104–152; 7, с. 153–176].

Однако представляется, что вопрос о периодизации должен быть уточнен применительно к различным явлениям: методу и самостоятельной науке. Первый стал активно использоваться, как уже указывалось, еще Ф. Бэконом в XVIII в. Некоторые ученые рассматривают труд П.А. Фейербаха «Очерк уголовной науки Корана» (1800) как один из первых опытов сравнительно-правового исследования [8, с. 4]. Хронологически далее – в 1824–1825 гг. – была написана работа Э. Ганса «Наследственное право во всемирно-историческом развитии», которая представляет собой иное, гегельянское, а не кантианское, направление сравнительного правоведения. Дата ее создания считается возможным днем рождения современного сравнительного правоведения [6, с. 114].

В 1852 г. был издан трехтомный труд Л. Дзупетты «Полный курс сравнительного уголовного законодательства»¹. В нем рассмотрены проблемы уголовного права Франции, Австрии и некоторых регионов Италии – Пьемонта, Модены, Тосканы и Сицилии. Несколькими годами ранее французский ученый Ж. Ортолан опубликовал работу «Курс сравнительного уголовного законодательства» (1839–1841), в которой рассматривается пра-

1 Zuppetta L. Corso completo di legislazione penale comparata ossia commenti storico-filosofico-legali al codice penale ... degli stati Sardi e di tutti gli altri stati d'Italia, messi in comparazione fra di Soro: Opera divisa in 3 parti. Torino, 1852. Vol. III.

во в целом в пределах Европы, а также, в частности, Франции и Великобритании².

С организационной точки зрения важно, что в 1924 г. в Париже была создана Международная ассоциация уголовного права – International Association of Penal Law (далее – Ассоциация, МАУП), ставшая «наследницей» Международного союза уголовного права (Международного союза криминалистов), основанного в 1889 г. в Вене Ф. фон Листом, Х. Ван-Гамелем, А. Принсом. Конгрессы, которые раз в пять лет проводит Ассоциация с участием представителей стран со всего мира, равно как и публикуемые ею резолюции, и в настоящее время являются важным инструментом для научного и законодательного взаимодействия [подробно о современной работе Ассоциации, конгрессах и подготовительной работе к ним см.: 9, с. 56–58]. В частности, с 1950 г. МАУП имеет аккредитацию в качестве неправительственной организации с консультативным статусом в ООН, в связи с чем передает свои рекомендации по совершенствованию подходов в сфере противодействия преступности.

Исходя в том числе из количества преподаваемых в отечественных и зарубежных вузах дисциплин, посвященных данной теме, можно с уверенностью сказать, что сравнительное правоведение как наука сформировалось в XX в. и применительно к отрасли уголовного права. Однако для целей данного исследования мы будем рассматривать сравнительный метод как инструмент познания и совершенствования в сфере правового регулирования или охраны, приведя примеры его применения.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД

Выделяют различные виды или способы проведения сравнительных исследований, каждый из которых отвечает и нуждам конкретного государства и общественного строя, и интересам автора. Так, в 1981 г. профессор В.А. Туманов писал, что «ныне на авансцену выступило так называемое «внешнее сравне-

ние», объектом которого являются правовые системы, отрасли, институты, принадлежащие к противостоящим общественно-политическим типам государства и права – социалистическому и капиталистическому» [10, с. 6]. Необходимо отметить, что описание значительной части представленных в «Очерках» работ проведено В.А. Тумановым по принципу выполнения задачи, которую, с опорой на его собственные комментарии, можно назвать задачей «контрастирующего сравнения», хотя сам он использует данный термин в несколько ином контексте: для указания, что такая задача стоит перед советской юридической наукой [10, с. 17]. Работы и взгляды, авторы которых не уделяли должного внимания или уделяли не должное внимание социалистическому праву и его исследованиям, В.А. Туманов подвергает серьезной критике. На мой взгляд, такая – требуемая, вероятно, временем – оценка несколько снижает тот огромный вклад, который внес составитель «Очерков», поскольку не позволяет узнать более конкретные критические или, наоборот, положительные отзывы профессора В.А. Туманова о предлагаемых западными (и восточными) коллегами подходах. Тем не менее краткий обзор собранных статей дает читателю возможность ознакомиться с основными направлениями исследований в сравнительном правоведении, относящимися к середине – концу XX в.

При этом надо отметить, что и в настоящее время исследователями ставится вопрос о целесообразности проведения компаративистских сравнений правовых порядков, в которых существенно различаются лежащие в их основе ценности [11, с. 185]. Представляется, что ответ на него должен быть утвердительным, однако существенные отличия должны влиять на выбор методов, которые будут лежать в основе проводимых исследований.

Переходя к тем непосредственным методам (или способам), которые представляют наибольший практический интерес для законодателя, правоприменителя и, как следствие, ученого, вырабатывающего конкретные рекомендации (что можно встретить в настоящее время практически в каждом диссертационном исследовании), наиболее часто выделяют два: нормативный и функциональный [1, с. 48–49]. Среди иных классификаций – на мой взгляд, менее актуальных для практики,

² Ortolan J.L.E. Cours de législation pénale comparée. Paris, 1841 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=nk0UAAAAQAAJ&hl=ru&pg=PA294#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 08.06.2023).

но, безусловно, необходимых для формирования системы уголовного права – деление на диахронное и синхронное сравнение, внутреннее и внешнее (уже упомянутое) [1, с. 45–47]; универсальное, систематическое и структурное [11, с. 184–190].

Предметом данного исследования является функциональный подход, поскольку, вероятно, именно его игнорирование лежит в основе многих ошибок, совершаемых исследователями в сфере уголовного права, предпочитающими нормативное сравнение. Функциональное сравнение описывается как проявление «социологической ориентации», дополнившей «выдержанное в позитивистском плане сравнительное законодательство, которое продолжает занимать в ней [западной компаративистике] традиционное место» [10, с. 7]. Оговорим, что ориентация на то, что «функциональный сравнительный анализ должен принести практические результаты», в целом действительно «уменьшает общенаучное значение сравнительного правоведения» [10, с. 11], но с инструментальной точки зрения, на которой и сосредотачивается наше внимание, является безусловно необходимой.

Сторонники функционального сравнения обращают внимание на социальные факты, условия, ценности, функции, которые позволяют рассмотреть норму права под определенным углом. В частности, М. Рейнштайн определяет такое сравнение как способ изучения, направленный на познание социальной функции юридической нормы и решающий определенную проблему [5, с. 91]. В качестве возможных препятствий для анализа правовых систем с разным социальным строем, без учета которых сравнение неполно, К. Цвайгерт и Г. Путтфаркен называют социальные факты и социальные ценности [7, с. 153]. При этом факты относятся к реальной жизни, различиям в социальных отношениях, что необходимо учесть при рецепции норм: «...одна и та же норма может приобрести совершенно иное значение в иных социальных условиях» [7, с. 154]. А социальные ценности характеризуют те цели и задачи, которые преследует норма, хотя они могут меняться с течением времени или фактически противоречить тем, которые преследовал законодатель при ее создании. Это цели, которым «фактически служат такие нормы» и которые также необ-

ходимо учитывать при проведении сравнительного анализа [7, с. 155].

Функциональный анализ, таким образом, нацелен на изучение норм права в действии, с учетом того, какие отношения они регулируют, в каком обществе действуют, какие цели им были приписаны законодателем и какие они выполняют на практике. Такое сравнение требует изучения не просто норм и доктрины, но и общественных отношений в той стране, право которой рассматривается (то есть определенных социальных условий, потребностей и обстоятельств), судебного толкования и практики применения положений законодательства. Ориентация на проблему, задачу, функцию – своеобразную «цель» нормы – должна сопровождаться социально-правовым анализом, чтобы можно было оценить потребность в норме и ее эффективность.

Итак, следует согласиться с тем, что «исходной точкой функциональной компаративистики является определенная связанная с фактическими обстоятельствами проблема: сравнению подлежат все те (уголовно-) правовые нормы, которые выполняют соответствующую функцию при решении этой проблемы» [11, с. 185]. При этом в продолжение мысли профессор Зибер отмечает, что такие способы регулирования могут не только находиться в специфической связи с другими нормами, но и относиться к другому уровню той же или другой системы преступлений, быть в сфере уголовно-правовых наук (уголовно-процессуального права, например) или вообще относиться к другой отрасли права.

В подтверждение можно привести наиболее, наверное, яркую проблему – проблему ответственности юридических лиц, которая настолько часто подвергалась изучению с точки зрения функционального метода, что результаты этого изучения нашли отражение и в решениях Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). «Классическим» примером выражения позиции ЕСПЧ можно считать дело Энгеля и других против Нидерландов: применение к военнослужащим наказаний за нарушения воинской дисциплины подлежало оценке с точки зрения положений ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Европейская конвенция), притом что данная статья применима к обвинениям по уголовным делам.

В частности, более важным, по сравнению с тем, как законодательство государства оценивает поступок и наказание за него (например, отнесены ли они к уголовной или дисциплинарной ответственности), ЕСПЧ считает характер правонарушения и строгость назначаемого за него наказания³. В самом деле Энгеля правонарушение не было признано «уголовным» по смыслу Европейской конвенции, однако выработанное функциональное понимание преступления и наказания продолжает активно применяться в рамках правопорядка Совета Европы⁴.

Действительно, принципиально важно понять, относится ли запрет и наказание за его нарушение к уголовно-правовой «сфере» по своему существу, с точки зрения выполняемой функции, а не формально-юридически. Однако подобный подход касается не только фундаментальных понятий – преступления и наказания, – но и конкретных ситуаций или проблем, механизм решения которых строит право. И здесь возникают вопросы: как исследователю подходить к функциональному сравнению? какие ключевые, принципиальные ошибки могут совершаться на самых первых этапах работы?

Ошибка № 1. Один из первых шагов, наряду с выбором страны для исследования с учетом ее социокультурных особенностей и специфики правовой семьи, – тщательное изучение всей правовой системы данной страны. Без этой необходимой предпосылки даже описание какой-либо нормы в отдельно взятом правопорядке (что само по себе, конечно, нельзя отнести к полноценному сравнительно-правовому исследованию, это лишь иллюстрация или дополнение определенной проблемы) будет некорректным.

Во избежание подобной ошибки необходимо знать существующие типологии правовых семей (систем) и основания их выделения. Последние не универсальны. Например, Г.А. Есаков обращает внимание на разные подходы, которые в основу деления кладут идеологический критерий и критерий юридической техники (Р. Давид), критерий правового стиля

(К. Цвайгерт, Х. Кётц) [8, с. 17–18]. Наиболее существенные особенности системы права в конкретном государстве связаны с системой источников права и принципом построения уголовного права, поскольку далеко не во всех странах избран путь полной кодификации.

Во-первых, уголовное право может быть не кодифицировано вовсе, его нормы могут содержаться в различных актах – законодательных и (или) судебных. Наиболее простой пример – Великобритания, где уголовно-правовые нормы «размыты» по неписаной Конституции, статутному праву, системе прецедентов, результатам делегированного законодательства и доктрине – правовых позициях известных английских юристов [12, с. 20–21]. Строго говоря, даже именовать исследуемый правовой порядок «Великобританией» не вполне корректно. Как правило, речь идет о праве Англии и Уэльса, если исследователь не задается вопросом сопоставления с нормами права в Шотландии.

Другой вариант: уголовное право кодифицировано, но на различных уровнях, что актуально для федеративного устройства; следовательно, в стране существует множество правопорядков. Речь идет, прежде всего, о США, сравнительные исследования с которыми проводятся достаточно часто, однако в большинстве случаев содержат методологическую ошибку: исследование проводится на примере «нескольких штатов».

Такой подход может быть обоснован только в случае, если исследователь изначально нацелен на сравнение с учетом специальных аспектов социального, исторического, религиозного характера, которыми и руководствуется при изучении права отдельных штатов. Так, в Южной Каролине отдельно выделяется состав изнасилования жены (§ 16-3-615 South Carolina Code of Laws), который допустимо использовать в ходе исследования, во-первых, с обоснованием социокультурных особенностей названного штата, во-вторых, в системном анализе, поскольку сопоставление «супружеского» изнасилования с основными составами (§16-3-652–§16-3-654) позволяет сделать вывод о его привилегированном характере. В частности, для признания «супружеского» изнасилования преступлением и привлечения к ответственности требуется, чтобы о нем было заявлено потерпевшей сто-

³ Engel and others v. the Netherlands, Application No. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72, 8 June 1976. Пар. 82.

⁴ M. v. Germany, Application No. 19359/04, 17 December 2009 ; Mikhaylova v. Russia, Application No. 46998/08, 19 November 2015.

роной в течение 30 дней с момента его совершения, а к обычному изнасилованию такого требования нет; несмотря на такой обязательный признак, как использование оружия или применение насилия (а равно угрозы их применения), наказание не должно превышать 10 лет лишения свободы, тогда как при аналогичных условиях обычное, не «супружеское», изнасилование рассматривается как преступление первой степени и влечет наказание до 30 лет лишения свободы⁵.

Функциональный анализ не только позволяет представить более точное обоснование выбора штата для углубленного анализа, но и обеспечивает определенные преимущества. С точки зрения нормативного подхода методически корректным было бы исследование Модельного уголовного кодекса США, положений федерального уголовного законодательства и (или) кодексов всех штатов (что, разумеется, делает сравнительное исследование практически нереализуемым в силу огромного массива правовых актов, а также необходимости находить ответы на поставленные вопросы не только в уголовно-правовой сфере). Социокультурный контекст и исследование целей норм сужает и уточняет поиск.

Третий вариант кодификации – правопорядки, в которых существует кодифицированный акт уголовного законодательства, однако уголовно-правовые нормы содержатся и в иных, отраслевых, законах, без внесения их в такой кодифицированный акт. Наиболее яркий пример – Германия. Ее Уголовное уложение содержит нормы, образующие Общую часть, а также «практически все нормы о традиционных преступлениях», однако наряду с ним уголовно-правовые запреты можно обнаружить в дополнительных отраслевых законах (ориентированных на определенных субъектов отношений или определенную сферу) [13, с. 586–587].

Наконец, в качестве принципа построения уголовно-правовых норм может быть избран принцип полной кодификации. Ему следует большинство стран СНГ в силу общих исторических предпосылок. Сравнение с ними предоставляет российским исследователям уникальную возможность проследить некото-

рые перспективы развития отдельных институтов, когда они уже появились в какой-то из стран. Наиболее очевидный пример – введение уголовного проступка в Казахстане, которое обозначило две ясные возможности, в том числе для России, при условии аналогичного изменения уголовного закона: 1) расширение сферы уголовного права за счет включения в такие проступки «бывших» административных правонарушений; 2) сложности для уголовно-процессуальной отрасли права [14, с. 101]. При этом тем не менее и для данной группы стран необходимо учитывать возможные трудности на этапе изучения терминов, относящихся к регулятивному законодательству, к которым отсылают бланкетные нормы уголовных кодексов.

В настоящее время существенное значение приобретают и наднациональные нормы. В частности, многие акты права Европейского союза имеют обязательную силу для стран-участниц, что делает их фактически частью правовой (в том числе уголовно-правовой) системы, несмотря на все сопротивление ученых многих стран, особенно ярко проявлявшееся в прошлом десятилетии, до принятия Лиссабонского договора. Так, отмечалось, что «дополнительная компетенция [Европейского] сообщества в области уголовного права не соответствует воле государств-участников», что формирование наднациональных составов преступлений на основе полномочий в сфере административно-правового регулирования невозможно [15, с. 43–44]. Качественный поворот наблюдался не только на уровне первичного права Европейского союза, но и в доктрине, которая стала придерживаться идеи более последовательной единой уголовно-правовой политики для всего Союза, хотя и не единогласно [16, с. 46].

Впрочем, и меньшая, по сравнению с Европейским союзом, степень интеграции также означает необходимость исследовать наднациональное (региональное) право. Например, применительно к источникам французского уголовного права описывается Европейская конвенция и практика ее применения на примере дела Силиадин против Франции. По делу было установлено нарушение Европейской конвенции, отсутствие уголовно-правовых механизмов защиты в ситуации заявительницы⁶ [17, с. 20].

⁵ South Carolina Code of Laws [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/codes/south-carolina/2022/title-16/chapter-3/> (дата обращения: 01.06.2023).

⁶ Siliadin v. France, Application No. 73316/01, 26 July 2005.

Таким образом, при выборе правовой системы, с которой исследователь предполагает проводить сравнение, в первую очередь необходимо полное исследование нормативного уровня, чтобы установить, в каких актах могут содержаться те или иные нормы права.

Ошибка № 2. Хотя такое требование было вплетено в предыдущие описания, нельзя не указать отдельно, что грубой ошибкой является изучение положений только уголовного законодательства. Системы и сферы, в которых необходимо искать решение тех или иных задач, стоящих перед обществом (в нашем случае – охрана определенных ценностей), не должны ограничиваться уголовно-правовыми. Возвращаясь к проблеме уголовной ответственности юридических лиц, отмечу, что без анализа российского административного законодательства (притом как его материально-, так и процессуально-правовых особенностей) рассматривать потенциальные модели такой ответственности принципиально нельзя. Иными словами, исследователю в первую очередь следует ответить на вопрос о том, почему с теми целями, которые стоят перед идеей уголовной ответственности юридических лиц, не справляется административно-правовая отрасль.

Наиболее важными, на мой взгляд, являются положения норм административного и гражданского законодательства, которые зачастую «закрывают» вопрос, в связи с чем дополнительной потребности в репрессивных механизмах у общества не возникает. Однако следует согласиться с мнением о том, что и внеправовые нормы должны быть изучены для полноценного ответа на вопросы, которые ставит перед собой исследователь [11, с. 187].

ПРИМЕР НОРМАТИВНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Для иллюстрации возможных ошибок и заблуждений, которые можно допустить при некорректном проведении сравнительно-правового исследования, мной избрана уголовно-правовая охрана персональных данных. Такой выбор объясняется многими причинами, например тем, что нормативное регулирование пласта отношений, связанных с персональными данными, многогранно. Можно обнаружить разные нормы: наднациональные

(что особенно актуально для Европейского союза) и национальные, однако последние распределены по различным правовым отраслям и институтам. Социальные условия в отношении таких данных не одинаковы в силу не только самого по себе общественного отношения и культурных особенностей восприятия частного и публичного, но также интенсивности развития технологий, поскольку такое развитие усиливает потребности производителей современных компьютерных устройств и систем (в том числе основанных на использовании искусственного интеллекта) в сборе персональных данных и их использовании.

Некорректным, но довольно распространенным подходом является построение исследователем выводов, основанных на наличии или отсутствии в уголовном законе отдельной нормы, посвященной персональным данным. Тогда можно, например, прийти к заключению, что в одном правовом порядке присутствует, а в другом отсутствует уголовно-правовая охрана персональных данных. Однако функциональный подход продемонстрирует иное, поскольку нацелен на поиск корреспондирующих охраняемых норм в отношении рассматриваемых благ в национальной правовой системе. Например, в Республике Беларусь в результате принятия Закона «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» Уголовный кодекс был дополнен двумя новыми статьями: «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» (ст. 203.1), «Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных» (ст. 203.2)⁷. В уголовном законе Казахстана установлена ответственность за несоблюдение мер по защите персональных данных лицом, на которое возложена такая обязанность (состав материалов: требуется установить последствие в виде существенного вреда правам и законным интересам лиц), а также за незаконные действия со сведениями о частной жизни, составляющими личную или семейную тайну⁸.

⁷ Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100112> (дата обращения: 13.06.2023).

⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (ред. от 17.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&show_di=1 (дата обращения: 14.06.2023).

Возможное сравнение с российским уголовным законом исходя из нормативного подхода, на первый взгляд, приведет к выводу об отсутствии уголовно-правовой охраны данных ценностей. Однако он будет явно некорректен, поскольку требует уточнения, что, несмотря на отсутствие термина «персональные данные» (кроме ст. 173² УК, например, охраняющей скорее экономические ценности), на их защиту косвенно направлен целый ряд норм. Обусловлено это спецификой персональных данных как института, пересекающегося со многими другими режимами, в частности с разными видами тайн. Поэтому нормы о личной и семейной, налоговой, банковской и коммерческой тайнах, тайне корреспонденции (ст. 137, 138, 183 УК РФ) – это своего рода инструменты для защиты персональных данных, включая в том числе и профессиональные отношения (то есть то, что в Казахстане и Беларуси именуется «несоблюдением мер...»). Более того, практика применения норм уголовного закона показывает, что суды прямо ссылаются на законодательство о персональных данных при установлении, относятся ли данные к «охраняемой законом компьютерной информации» (то есть предмету компьютерного преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ)⁹.

Неочевидны некоторые варианты использования отдельных категорий персональных данных в ходе вымогательства (ст. 163 УК) или совершения преступления, предусмотренного ст. 173² УК («Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»). Впрочем, такое использование возможно и для совершения хищения. В некоторых странах отдельно наказуемо такое деяние, как identity theft/identity fraud (дословно – «кража личности»: состав подразумевает неправомерное использование данных другого лица), но для его анализа нужно четко определить, какую конкретно задачу такой состав решает в отдельно взятом правовом порядке.

Задавшись таким вопросом, мы увидим, что identity theft – это не обязательно состав

преступления, а скорее конкретная проблема, которую можно решать разными способами. Ее истоки в том, что доступ к данным другого лица облегчен (их много, часто они доступны), а при использовании чужих персональных данных предотвратить все больший и больший имущественный ущерб сложнее: персональные данные служат слишком хорошим верификатором, которому доверяют в большей степени, чем кредитной карте (можно сравнить отношение к паспортным данным и данным на кредитной карте). Побочной причиной является и репутационный вред; его могут причинить, скажем, взятые (с помощью чужих данных) и неисполненные кредитные обязательства [подробнее о параллели с кредитной картой и репутационном вреде см., например: 18, с. 1243–1246].

Механизм такого деяния требует изучения возможных целей, которые нужно спроецировать как возможные в целом, а затем изучать применительно к конкретному законодательству. Процесс, однако, может происходить от обратного. Например, в Уголовном кодексе Канады различаются identity theft и identity fraud, а возможных целей использования много, и они могут подтолкнуть к конкретным вариантам¹⁰, но обязательно следует возвращаться к исходной позиции: смотреть на социальное явление изнутри.

При такой постановке проблемы очевидно, что в российском уголовном законе есть своеобразный, пусть и не обособленный, механизм: составы преступлений против собственности в сочетании с преступлениями против порядка управления, правосудия, а равно названными ранее посягательствами на компьютерную информацию и разные виды тайн, а также клеветой.

Наконец, в таком случае перед исследователем стоит задача оценить эффективность разных механизмов с опорой на социокультурные различия стран, на практику применения норм и их доктринальную оценку, понять, как эффективнее отреагировать на проблему средствами уголовного права и стоит ли обращаться в целом для конкретной правовой системы к наиболее строгому виду ответственности.

⁹ Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 15.04.2020 по делу № 1-101/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kw3ddvvjEBNp/> (дата обращения: 13.06.2023); Приговор Центрального районного суда г. Твери от 20.02.2020 по делу № 1-37/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4yGhRaOgTff0/> (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁰ 10 Consolidation Criminal Code. R.S.C. 1985 [Электронный ресурс]. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

Выводы

Таким образом, пример персональных данных хорошо показывает, с одной стороны, многогранность нормативного материала, которым исследователю нужно владеть на высоком уровне, с другой стороны, на необходимость построения заключения от проблемы к способам ее решения, а не наоборот. Нормативный материал, хорошо изученный, должен служить лишь одной из возможных

моделей реакций на конкретную проблему, с учетом особенностей социальных условий той страны, правовой порядок которой исследуется. С учетом развития технологий, включая искусственный интеллект и его имплементацию в системы государственного управления и обработки больших данных, некоторые вопросы могут быть решены на уровне технического регулирования, что, в свою очередь, предопределяет отсутствие необходимости криминализации отдельных деяний.

Список источников

1. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А.Х. Саидов ; под ред. В.А. Туманова. – Москва : Юрист, 2000. – 448 с.
2. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. I. Основы / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – Москва : Международные отношения, 2000. – 480 с.
3. The Handbook of Comparative Criminal Law / ed. by K.J. Heller and M.D. Dubber. – Stanford, California : Stanford Law Books, 2011. – 660 с.
4. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права / М. Ансель // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 36–86.
5. Рейнштайн М. Предмет и задачи сравнительного правоведения / М. Рейнштайн // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 87–103.
6. Константинеско Л.-Ж. Развитие сравнительного правоведения / Л.-Ж. Константинеско // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 104–152.
7. Цвейгерт К. О возможности сравнения сходных правовых институтов в различных социальных системах / К. Цвейгерт, Г. Путтфаркен // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 153–176.
8. Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права : монография / Г.А. Есаков. – Москва : Элит, 2007. – 152 с.
9. Филатова М.А. XXI Конгресс МАУП «Искусственный интеллект и уголовное правосудие» / М.А. Филатова, Д.В. Грибанова // Уголовное право. – 2021. – № 1. – С. 56–65.
10. Туманов В.А. Вступительная статья / В.А. Туманов // Очерки сравнительного права : сборник / сост., пер. и вступит. ст. В.А. Туманова. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 5–18.
11. Зибер У. Современные изменения в сравнительном уголовном праве. Задачи, методы и теоретические концепции сравнительного уголовного права / У. Зибер // Сравнительное уголовное право: функции, методы и теоретические концепции : пер. с нем. / отв. ред.: М.А. Кудратов, Д.А. Печегин. – Москва : Infotropic Media, 2021. – С. 140–208.
12. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть) : учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова ; под общ. ред. Н.Е. Крыловой. – Москва : Статут, 2019. – 351 с.
13. Жалинский А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рёрхт. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с.

REFERENCES

1. Saidov A.Kh.; Tumanov V.A. (ed.). Comparative jurisprudence (the main legal systems of our time). Moscow, Yurist Publ., 2000. 448 p.
2. Zweigert K., Kötz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. Vol. I. 480 p.
3. Heller K.J., Dubber M.D. (eds.). The Handbook of Comparative Criminal Law. Stanford, California, Stanford Law Books Publ., 2011. 660 p.
4. Ansel M. Methodological problems of comparative law. Tumanov V.A. (ed.). Essays on comparative law. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 36–86. (In Russian).
5. Reinstein M. Subject and tasks of comparative law. Tumanov V.A. (ed.). Essays on comparative law. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 87–103. (In Russian).
6. Constantinesco L.-J. Development of comparative law. Tumanov V.A. (ed.). Essays on comparative law. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 104–152. (In Russian).
7. Zweigert K., Puttfarcken G. On the possibility of comparing similar legal institutions in different social systems. Tumanov V.A. (ed.). Essays on comparative law. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 153–176. (In Russian).
8. Esakov G.A. Fundamentals of comparative criminal law. Moscow, Elit Publ., 2007. 152 p.
9. Filatova M.A., Griбанова D.V. XXI Congress of IAPM «Artificial Intelligence and Criminal Justice». *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2021, no. 1, pp. 56–65. (In Russian).
10. Tumanov V.A. Introductory article. Tumanov V.A. (ed.). Essays on comparative law. Moscow, Progress Publ., 1981, pp. 5–18. (In Russian).
11. Sieber U. Modern changes in comparative criminal law. Tasks, methods and theoretical concepts of comparative criminal law. Kudratov M.A., Pechegin D.A. (eds.). *Comparative criminal law: functions, methods and theoretical concepts*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2021, pp. 140–208. (In Russian).
12. Krylova N.E., Maleshina A.V., Serebrennikov A.V.; Krylova N.E. (ed.). Criminal law of foreign countries (Special part). Moscow, Statut Publ., 2019. 351 p.
13. Zhalinsky A., Roericht A. Introduction to German law. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p.

14. Онгарбаев Е.А. Некоторые вопросы уголовного проступка в уголовном законодательстве Республики Казахстан / Е.А. Онгарбаев, А.О. Балгынтаев // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2022. – № 2 (139). – С. 100–108.

15. Вессельс Й. Уголовное право ФРГ : учебник / Й. Вессельс, В. Бойлке ; под ред. Л.В. Майоровой. – 35-е изд., с доп. и изм. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 2006. – 368 с.

16. Melander S. Ultima ration in European Criminal Law / S. Melander // Onati Socio-legal series. – 2013. – № 3 (1). – P. 42–61.

17. Jacopin S. Droit pénal special. Les atteintes aux personnes / S. Jacopin. – 3 éd. – Vanves : Hachette Supérieur, 2018. – 191 p.

18. Solove D.J. Identity Theft, Privacy and the Architecture of Vulnerability / D.J. Solove // Hastings Law Journal. – 2003. – Vol. 54. – P. 1227–1276.

14. Ongarbayev E.A., Balgyntayev A.O. Some issues of criminal misconduct in the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Pravo = Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Law*, 2022, no. 2 (139), pp. 100–108. (In Russian).

15. Wessels J., Boylke V.; L.V. Mayorova (ed.). Criminal law of Germany. 35th ed. Krasnoyarsk State University, 2006. 368 p.

16. Melander S. Ultima ration in European Criminal Law. *Onati Socio-legal series*, 2013, no. 3 (1), pp. 42–61.

17. Jacopin S. Droit pénal special. Les atteintes aux personnes. 3 éd. Vanves, Hachette Supérieur Publ., 2018. 191 p.

18. Solove D.J. Identity Theft, Privacy and the Architecture of Vulnerability. *Hastings Law Journal*, 2003, vol. 54, pp. 1227–1276.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатова Мария Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filatova Maria Alekseevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 19.06.2023. The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 19.06.2023.

СТЕПАНОВ Павел Павлович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: pavel@stepanov.law;
<https://orcid.org/0000-0001-7184-9288>

STEPANOV Pavel Pavlovich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

О КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И О ПРАКТИЧЕСКИХ СЛЕДСТВИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕЕ ВИДА

ON THE DESIGN OF CORPUS DELICTI OF CRIMINALLY PUNISHABLE ILLEGAL
ENTREPRENEURSHIP AND THE PRACTICAL IMPLICATIONS OF DETERMINING ITS TYPE

Аннотация. В современной уголовно-правовой доктрине сложилось деление составов преступлений по конструкции на материальные и формальные – в зависимости от наличия в них признаков общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между деянием и последствием. Буквальное толкование диспозиции ст. 171 УК РФ позволило большинству исследователей заключить, что состав такого преступления, как незаконное предпринимательство, относится, согласно данной классификации, к формально-материальным. В меньшинстве остаются те, кто относит состав незаконного предпринимательства к материальным. С одной стороны, буквальное толкование диспозиции препятствует однозначной констатации «материальности» состава незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода. С другой стороны, правоприменительная практика подходит к признаку извлечения крупного дохода именно как к общественно опасному последствию. Учитывая наличие схожего состава в законодательстве об административных правонарушениях, а также наличие проблемы квалификации неоконченного преступления с формальным составом, внешне сузубо доктринальный вопрос о «формальности» либо «материальности» состава незаконного предпринимательства на деле вскрывает целый ряд следствий сузубо практического свойства. Цель: анализ доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с квалификацией уголовно наказуемого и административно наказуемого незаконного предпринимательства. Методы: общенаучные (анализ, синтез, обобщение и сравнение), эмпирические (сравнение, описание, интерпретация), частнонаучные (юридико-догматический и межотраслевой). Результаты: исследование (на

Abstract. In the modern criminal law doctrine, there is a division of corpus delicti into material corpus delicti and formal corpus delicti, depending on the presence in them of signs of socially dangerous consequences and causal relationship between the act and the consequence. The literal interpretation of the disposition of Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation allowed most researchers to conclude that corpus delicti of such a crime as illegal entrepreneurship refers, according to this classification, to formal-material corpus delicti. Those who attribute corpus delicti of illegal entrepreneurship to material corpus delicti remain in the minority. On the one hand, the literal interpretation of the disposition prevents an unambiguous statement of the «materiality» of corpus delicti of illegal entrepreneurship on the basis of extracting a large income. On the other hand, law enforcement practice considers the sign of extracting a large income precisely as a socially dangerous consequence. Taking into account the presence of a similar corpus delicti in the legislation on administrative offenses, as well as the existence of the problem of qualifying an incomplete crime of formal corpus delicti, outwardly a purely doctrinal question about «formality» and «materiality» of corpus delicti of illegal entrepreneurship in fact reveals a number of consequences of a purely practical nature. Purpose: to analyze doctrinal and law enforcement problems related to the qualification of criminally punishable and administratively punishable illegal entrepreneurship. Methods: general scientific (analysis, synthesis, generalization and comparison), empirical (comparison, description, interpretation), specific scientific (legal-dogmatic and intersectoral). Results: the study (on the

примерах проблемы разграничения административно наказуемого и уголовно наказуемого незаконного предпринимательства, а также квалификации последнего как неоконченного преступления) показало, что уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за незаконное предпринимательство, применяется к соответствующим общественным отношениям таким образом, что следует констатировать «материальность» конструкции содержащегося в ней состава преступления. Выводы сторонников такой позиции, несмотря на то что они в меньшинстве, продолжают находить практическое подтверждение. Во всех проанализированных уголовных делах суды устанавливали признак извлечения крупного дохода от незаконного предпринимательства таким же образом, как устанавливаются последствия в составах преступлений, «материальность» которых ни у кого не вызывает сомнений.

Ключевые слова: институт уголовного права, участие в преступлении, организованная преступность, экстремистская организация, диверсионное сообщество, международное и зарубежное уголовное право, деглобализация, регионализация

Для цитирования: Степанов П.П. О конструкции состава уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и о практических следствиях определения ее вида / П.П. Степанов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 84–96

examples of the problem of distinguishing between administratively punishable and criminally punishable illegal entrepreneurship, as well as qualifying the latter as an incomplete crime) shows that the criminal law norm providing for liability for illegal entrepreneurship is applied to the relevant social relations in such a way that it is necessary to state the «materiality» of corpus delicti contained therein. The conclusions of the supporters of this position, despite the fact that they are in the minority, continue to find practical confirmation. In all analyzed criminal cases, the courts have established the sign of extracting a large income from illegal entrepreneurship in the same way as the consequences are established in the corpus delicti of crimes, the «materiality» of which no one doubts.

Keywords: illegal entrepreneurship, corpus delicti, formal corpus delicti, material corpus delicti, incomplete crime, unlicensed activity, consequence of the crime, criminogenic dimension

For citation: Stepanov P.P. On the design of corpus delicti of criminally punishable illegal entrepreneurship and the practical implications of determining its type. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 84–96 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.10.

ВВЕДЕНИЕ

Тема исследования выбрана неслучайно и связана с научным наследием В.С. Комиссарова, под руководством которого автору настоящей публикации посчастливилось начинать научную и преподавательскую работу на кафедре уголовного права в МГУ им. М.В. Ломоносова. Несмотря на то что В.С. Комиссаров являлся признанным специалистом в сфере уголовно-правовой борьбы с преступлениями против общественной безопасности, его интересами не ограничивался. Оригинальность идей В.С. Комиссарова и нестандартность мышления находили отражение в любой тематике, за которую он брался. Так, его публикации в журналах «Законность» и «Уголовное право» по теме уголовно-правовой квалификации незаконного предпринимательства поднимают целый ряд вопросов о фундаментальном учении о составе преступления, практических аспектах разграничения административно наказуемых и уголовно наказуемых деяний.

В теории уголовного права принято классифицировать составы преступлений по различным основаниям. Одно из оснований деления – наличие или отсутствие среди обязательных признаков состава преступления такого признака, как общественно опасные последствия. Указанное основание, взятое для классификации, делит все составы на формальные, объективная сторона которых выражена лишь деянием (действием или бездействием), и материальные, объективная сторона которых состоит из деяния, общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между деянием и последствием. Эту классификацию принято называть делением составов преступлений «по их конструкции» и описывать, с некоторыми оговорками, их объективную сторону по-разному, в зависимости от отнесения состава к тому или иному виду. При этом такое деление нельзя назвать единодушно признаваемым в доктрине. Возражали против него А.Н. Трайнин [1, с. 87] и Н.Ф. Кузнецова [2, с. 158].

Действительно, преступлений без общественно опасных последствий не бывает, и коль скоро деяние перечислено законодателем среди уголовно наказуемых, значит оно общественно опасно (ст. 14 УК РФ). Поэтому одна из оговорок, которую обычно делают для обоснования такой классификации составов преступлений, состоит в том, что общественно опасные последствия не входят в число обстоятельств, обязательных к доказыванию по уголовному делу о конкретном преступлении, формальный состав которого предусмотрен нормой уголовного закона. Потому они, согласно указанной концепции деления составов преступлений, не являются составной частью юридического основания квалификации деяния в качестве преступления (находятся как бы «за пределами состава» [3, с. 17].

Критика приведенной классификации связана не только с теми концептуальными допущениями, которые необходимо сделать для обоснования возможности соответствующего деления составов преступлений на материальные и формальные, но и с тем, какие следствия теоретического и практического свойства с ней связаны. Так, Н.Ф. Кузнецова, признавая, что социальный вред от преступления, действительно, не всегда фиксируется в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, сетовала на то, что такой подход неминуемо стирает грань между преступлениями и проступками, малозначительными деяниями [2, с. 183].

Надо сказать, однако, что законодательные способы определения преступления в диспозициях норм Особенной части УК РФ действительно неодинаковы и неоднородны. Основания криминализации возникают в различных исторических и социальных условиях. Поэтому под «крышей» одной статьи могут содержаться разные составы преступлений, они могут быть описаны по-разному. В этой связи стали выделяться и составы преступлений, называемые «формально-материальные». Кроме того, приходится констатировать, что со страниц доктринальных источников [4, с. 60; 5, с. 382], выделяющих формально-материальные составы, этот термин перекочевал и в судебные решения¹. Не-

обходимо также заключить, что «формально-материальный состав преступления» – термин, устоявшийся в российской юридической доктрине [6, с. 16]. Особенностью формально-материальных составов принято считать наличие альтернативных указаний на признаки как материального состава (для констатации наличия которого необходимо наступление общественно опасных последствий), так и формального состава (для констатации наличия которого необходимо лишь указание на то или иное деяние).

ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ ПО ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

К числу формально-материальных в современной юридической литературе принято относить и состав уголовно наказуемого незаконного предпринимательства, предусмотренного ст. 171 УК РФ. Сторонники такого подхода [7, с. 42; 8, с. 310] считают, что та часть диспозиции, которая описывает предпринимательскую деятельность без регистрации или лицензии с причинением крупного ущерба, закрепляет материальный состав, а та часть, которая относится к деятельности без регистрации или лицензии с извлечением крупного дохода, закрепляет формальный состав преступления.

Однако даже если допустить, что законодатель сконструировал в ст. 171 УК РФ формально-материальный состав, то такой ход небылупречен с точки зрения принципов криминализации. Т.Д. Устинова отмечает в этой связи, что нельзя признавать одно и то же деяние преступным, руководствуясь различными критериями, а именно так поступил, с точки зрения автора, законодатель при криминализации незаконного предпринимательства [9, с. 121].

Известно, что одним из прямых следствий отнесения к той или иной группе составов преступлений в зависимости от конструкции является определение момента окончания преступления. Логично, что преступления с формальным составом окончены с момента совершения указанных в законе действий, а преступления с материальным составом – с момента наступления общественно опасных последствий. В этой связи интересно, как определяют момент окончания преступления сторонники отнесения незаконного

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.03.2022 № 77-1172/2022: «По конструкции объективной стороны квалифицированный состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 318 УК РФ, является формально-материальным, его следует считать оконченным с момента причинения вреда здоровью или с момента применения насилия, опасного для жизни и здоровья».

предпринимательства к формально-материальным составам.

Так, С. Коровинских указывает, что преступление является оконченным либо после того как наступили последствия в виде причинения крупного ущерба гражданам, организациям или государству (материальный состав), либо после извлечения в результате занятия незаконным предпринимательством дохода в крупном размере (формальный состав) [7, с. 42]. И если применительно к признаку причинения крупного ущерба сомнений в том, что этот признак – то самое последствие, необходимое и достаточное для квалификации деяния в качестве преступного, не возникает, то применительно к признаку извлечения крупного дохода единства мнений не наблюдается.

Разные подходы к указанному признаку связаны с тем, что объективная сторона указанного преступления также выражается в осуществлении предпринимательской деятельности без регистрации (лицензии, аккредитации). С одной стороны, исходя из буквы закона, предпринимательская деятельность направлена на систематическое извлечение прибыли (п. 1 ст. 2 ГК РФ). С другой стороны, законодатель криминализует не всякую предпринимательскую и, более того, не всякую незаконную предпринимательскую деятельность, а лишь такую, которая позволила лицу, не исполнившему обязанность по регистрации (лицензированию, аккредитации), извлечь крупный доход, размер которого строго установлен в уголовном законе. Иными словами, даже систематическая и направленная на извлечение прибыли хозяйственная деятельность не зарегистрировавшегося лица (не получившего лицензию, аккредитацию) не является уголовно наказуемой, пока не привела к извлечению крупного дохода. Тогда что же это за признак, если не общественно опасное последствие?

Отвечая на подобный вопрос применительно к целому ряду составов преступлений гл. 22 УК РФ, в которых есть указание на признак извлечения крупного дохода, Г.А. Есаков пишет: «он [доход] не является последствием деяния, он скорее его характеризует; относится ли он вместе с тем к характеристике предмета преступления или деяния самого себе, сказать затруднительно» [10, с. 88]. Кроме того, автор проводит аналогию указания

на крупный доход в составах гл. 22 УК РФ с «объективными условиями наказуемости» из немецкого уголовного права, которые находятся вне состава преступления и определяют наказуемость поведения наличием соответствующих условий [10, с. 88, 112]. Сам по себе подход представляется интересным, но надо заметить, что Г.А. Есаков не перечисляет указание на извлечение дохода среди иных «юридических признаков состава», к которым относит и иные аналоги «объективных условий наказуемости» [10, с. 108–113]. Таким образом, в его концепции доход, как представляется, более тяготеет к характеристике самого деяния. Хотя, вступая в спор с Н.А. Лопашенко, выразившей мнение о том, что характеристика общественной опасности не меняется в зависимости от ее масштабов, поэтому лишь последствие может выступать в качестве криминообразующего признака, Г.А. Есаков указывает: «Согласиться с этим утверждением затруднительно, поскольку масштаб деятельности, ее размах – это, если угодно, своего рода последствие искажения нормальной экономической деятельности» [10, с. 88].

Сближает размерный признак дохода с условием наказуемости и Л.А. Аистова, которая считает: «...извлечение дохода в крупном размере общественно опасным последствием признано быть не может исходя из сущности предпринимательской деятельности. Извлечение дохода в крупном размере можно рассматривать лишь только в качестве условия привлечения к уголовной ответственности, т. е. в качестве криминообразующего фактора, позволяющего отграничить уголовно наказуемое незаконное предпринимательство от аналогичного правонарушения» [11, с. 38]. При этом последовательной видится позиция автора о недопустимости квалификации как покушения на незаконное предпринимательство ситуации, при которой на момент пресечения незаконной деятельности сумма дохода не превысила криминообразующего размера [11, с. 56].

К формально-материальным составам преступлений относит незаконное предпринимательство и И.А. Клепицкий. Так, он указывает, что его объективная сторона выражается в деянии и, альтернативно, в извлечении крупного дохода (в таком случае состав формальный) или причинении крупного

ущерба (в этом случае состав материальный) [12, с. 690]. Однако автор допускает возможность покушения на преступление в случае, если у виновного имелся прямой конкретизированный умысел на получение дохода в крупном размере, и, напротив, отсутствие возможности такой квалификации в случае неконкретизированного умысла («лицо намерено зарабатывать чем больше, тем лучше») [12, с. 701].

Некоторые авторы комментируют свою позицию о «формальной» конструкции состава незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода таким образом, который скорее свидетельствует о «материальности» конструкции. Например, М.Н. Урда указывает: «доход общественно опасным последствием предпринимательской деятельности не является – это ее результат, причем успешной. В противном случае осуществление предпринимательской деятельности теряет всякий смысл, ведь ее цель – извлечение прибыли» [13, с. 120].

Можно констатировать, что авторы, которые обосновывают «материальность» конструкции состава незаконного предпринимательства, находятся (по крайней мере пока) в меньшинстве. Однако их доводы не являются от этого менее весомыми.

Так, В.С. Комиссаров, разграничивая состав административно наказуемого незаконного предпринимательства (ст. 14.1 КоАП РФ) и уголовно наказуемого незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ), прямо указывал, что и причинение крупного ущерба, и, альтернативно, извлечение дохода в крупном размере являются последствиями осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением ее условий [14, с. 23]. Более того, он отмечал, что именно наличие таких последствий положено законодателем в основу разграничения административного деликта и уголовно наказуемого деяния; отсутствие извлечения соответствующего дохода, находящегося в причинно-следственной связи с незаконной деятельностью, исключает возможность вменения соответствующего состава преступления [14, с. 24].

Разумеется, указанные вопросы имеют и сугубо практическое значение. В первую очередь это связано с вопросом о разграничении оконченных и, при допущении такой воз-

можности, неоконченных уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 171 УК РФ, с административным правонарушением, состоящем в осуществлении предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), предусмотренным ст. 14.1 КоАП РФ. Деяния как части объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, совпадают с деяниями, предусмотренными ч. 1 и ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ. Единственное, что позволяет их разграничить, это так называемые «размерные» признаки, то есть в том числе и крупный размер извлеченного дохода.

При этом, как было отмечено, некоторые авторы вполне допускают возможность вменения покушения на незаконное предпринимательство в случае, когда размер извлеченного дохода не достиг криминообразующего размера. Такого же мнения придерживаются некоторые суды при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Так, С.И., достоверно зная об отсутствии у Общества, генеральным директором которого он являлся, лицензии на деятельность, связанную с отходами I–IV классов опасности, осуществлял деятельность по скупке у неопределенного круга лиц отработанных фильтров очистки выхлопных газов автомобилей, в которых имеется достаточное содержание драгоценных металлов для их переработки и реализации на аффинажных заводах. Для этого С.И. разместил соответствующую оферту на сайте в сети Интернет. В оферте он указал, что Общество является сертифицированной организацией по утилизации опасных отходов. После этого С.И. посредством телефонной связи заключил договор на поставку предварительно измельченных отработанных фильтров очистки выхлопных газов автотранспортных средств весом 511 кг с ИП в г. Владивосток, стоимость которых намеревался определить при получении, после проведения экспресс-анализа на содержание драгоценных металлов. Реализуя указанный договор, С.И. направил в адрес ИП груз с переработанными фильтрами, однако последний не смог его получить, поскольку груз был задержан правоохранительными органами. Экспертиза определила физико-химический состав изъятых металлов и сплавов, следствием была произведена его оценка, согласно которой стоимость метал-

лов превышала криминообразующий размер. Следствие квалифицировало содеянное как покушение на незаконное предпринимательство, поскольку преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам, то есть по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 171 УК РФ. Судом уголовное дело по обвинению С.И. в покушении на незаконное предпринимательство было прекращено по нереабилитирующему основанию, подсудимому был назначен судебный штраф².

Встречаются и иные решения в похожих ситуациях. Так, судом установлено, что У. осуществлял предпринимательскую деятельность по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черного металла без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В качестве доказательств совершения правонарушения суд указал, например, объяснения Т., который на протяжении пяти последних лет видел, как У. принимал от населения черный и цветной металл; объяснения Р., которая показала, что У. сам постоянно сдавал черный металл в их пункт сбора металлолома; объяснения С.А., сдавшей металлолом непосредственно перед возбуждением производства по делу и показавшей, что сама лично дважды сдавала металл в пункт, где осуществлял деятельность У. Суд квалифицировал действия У. как административное правонарушение и привлек к ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ, а вышестоящий суд оставил квалификацию без изменения³.

Очевидно, что и в первом, и во втором случае масштаб, размах незаконных действий, достаточный для возникновения публичной ответственности, были констатированы. В обеих ситуациях лица осуществляли предпринимательскую деятельность без лицензии или без регистрации систематически и с целью получения выгоды. Однако различает указанные ситуации то, что в первом случае удалось установить одну, но крупную партию драгоценных металлов и неполученный кон-

кретно от этой партии крупный доход по независящим от виновного обстоятельствам, а во втором – одну большую партию, но установить, извлекло ли лицо или могло ли извлечь крупный доход, видимо, не удалось. Такое правоприменительное понимание крупного дохода сближает его с признаком последствий и отдаляет от понимания его в качестве характеристики деяния, поскольку деяние лицами совершалось примерно одинаковое – сбор металла и его реализация.

В связи с толкованием признака извлечения крупного дохода как широкомасштабности предпринимательских действий интересен следующий и подобные ему примеры.

Решением мирового судьи С. был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 14.1 КоАП РФ, поскольку осуществлял торговлю одеждой и обувью в неустановленном для торговли месте и без постановки на учет в качестве индивидуального предпринимателя. Обжалуя указанное решение, С. указал, что отдавал вещи нуждающимся по ценам ниже рыночных, такие акции носили разовый характер и предпринимательской деятельностью не являлись. Городской суд, рассматривая жалобу виновного на решение мирового судьи, вопреки доводам, в ней изложенным, в ее удовлетворении отказал, поскольку видеозапись правонарушения, протоколом осмотра с фотоматериалом, объяснениями свидетелей подтвердил факт систематичности осуществления предпринимательской деятельности. Отвергая довод жалобы о том, что мировым судьей не установлен факт извлечения дохода, суд второй инстанции указал, что извлечение прибыли является целью предпринимательской деятельности, а не ее обязательным результатом. Отдельные случаи продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, не образуют состав данного административного правонарушения при условии, если количество товара, его ассортимент, объемы выполненных работ, оказанных услуг и другие обстоятельства не свидетельствуют о том, что данная деятельность была направлена на систематическое получение прибыли. Обстоятельства вменяемого С. административного правонарушения, нашедшие отражение в материалах дела, доказывают факт осуществления им предприни-

² Постановление Химкинского городского суда Московской области от 08.02.2021 по делу № 1-233/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Решение Арзамасского городского суда Нижегородской области от 07.10.2022 по делу № 12-156/2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя⁴.

Надо сказать, что такая практика соответствует позиции, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда от 24 октября 2006 г. № 18⁵, который указал, что само по себе отсутствие прибыли⁶ не влияет на квалификацию, с другой стороны, отдельные случаи продажи товаров (оказания услуг и пр.) не образуют состав правонарушения, предусмотренного ст. 14.1 КоАП РФ, если обстоятельства не свидетельствуют о направленности на систематическое извлечение прибыли. Доказательствами такой направленности могут являться показания лиц, оплативших товары, работу, услуги, расписки в получении денежных средств, выписки из банковских счетов лица, привлекаемого к административной ответственности, акты передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг), если из указанных документов следует, что денежные средства поступили за реализацию этими лицами товаров (выполнение работ, оказание услуг), размещение рекламных объявлений, выставление образцов товаров в местах продажи, закупку товаров и материалов, заключение договоров аренды помещений.

Представляется поэтому, что размах, масштаб осуществления незаконной деятельности, а также факты получения/неполучения денежных средств оцениваются уже при определении систематичности предпринимательской деятельности. Значит, прибыль (которая,

как указал Верховный Суд⁷, не характеризуется в качестве объективного признака административного правонарушения) и ее оценка правоприменителем имеют иное правовое значение.

Исходя из практики привлечения судами лиц к ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ, можно заключить, что правоприменители считают административное правонарушение, ею предусмотренное, сконструированным по типу «формального». К примеру, в постановлении от 15 июня 2007 г. № 17АП-3770/2007-АК по делу № А60-5092/2007-С9 на это прямо указано Семнадцатым арбитражным апелляционным судом: «состав правонарушения, предусмотренного п. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, является формальным, т. е. существенная угроза охраняемым общественным отношениям заключается не в наступлении негативных материальных последствий, а в пренебрежительном отношении к исполнению предусмотренных законом обязанностей»⁸.

При рассмотрении дел о соответствующих административных правонарушениях суды требуют для привлечения лица к ответственности по 14.1 КоАП РФ доказанности совершения конкретных действий виновным. Так, суд счел неправомерным привлечение предпринимателя к ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ за оказание услуг без соответствующей лицензии, так как представленные административным органом доказательства, прейскурант цен на услуги, а также объявления, расклеенные в населенном пункте и опубликованные в местной газете, не свидетельствовали о том, что предприниматель фактически оказал кому-либо данные услуги»⁹.

4 Решение Мичуринского городского суда Тамбовской области от 11.04.2023 по делу № 12-34/2023 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.10.2006 № 18 // Российская газета. 2006. № 250.

6 При сопоставлении положений постановления Пленума Верховного Суда РФ, практики применения норм КоАП РФ с положениями УК РФ очевидно терминологическое расхождение: в УК РФ употребляется термин «крупный доход», тогда как в постановлении для целей КоАП РФ – термин «прибыль». Однако думается, учитывая понимание конструкции состава правонарушения ст. 14.1 КоАП РФ как «формальной», что применительно к административным правонарушениям имеется в виду и ситуация, при которой лицо получило экономическую выгоду, и ситуация, при которой оно выгоды не получило ввиду, например, больших расходов, которые минимизировали его доход.

7 Надо сказать, что осуществление без лицензии деятельности при отсутствии цели извлечения прибыли должно квалифицироваться по ст. 19.20 КоАП РФ. Однако, в отличие от ст. 14.1 КоАП РФ, деяние, предусмотренное ст. 19.20 КоАП РФ, посягает не на порядок осуществления экономической деятельности, а на порядок управления и относится лишь к деятельности, которая требует разрешения (лицензии) и не носит коммерческого характера (Решение Московского городского суда от 16.12.2015 по делу № 7-13926/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

8 Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.06.2007 № 17АП-3770/2007-АК по делу № А60-5092/2007-С9 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9 Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.06.2007 по делу № А13-11308/2006 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Учитывая изложенное, следует сделать вывод о том, что именно размер извлеченного дохода (альтернативного крупному ущербу) отличает уголовно наказуемое незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) от административно наказуемого (ст. 14.1 КоАП РФ). В деле об административном правонарушении факт извлечения определенного дохода может быть установлен, но не является, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, обязательным к установлению. Наоборот обстоит дело, когда речь идет об уголовно наказуемом деянии, которое должно быть обязательно «сопряжено» с извлечением крупного дохода.

Представляется поэтому, что, несмотря на доктринальные и теоретические споры о конструкции состава уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и использование законодателем не определенного в законе термина «сопряженный», судебная практика склонна воспринимать извлечение крупного дохода в качестве последствия, которое должно состоять в причинно-следственной связи с деятельностью, на которую должна была быть получена лицензия или в связи с которой лицо должно было встать на регистрационный учет в качестве индивидуального предпринимателя или образовать юридическое лицо.

С этой точки зрения легко объяснима позиция, при которой возможна квалификация содеянного как покушение на незаконное предпринимательство в том случае, когда уголовно наказуемый размер пусть и не достигнут, но не достигнут по независящим от лица обстоятельствам при конкретизированном его умысле на крупный размер дохода. И напротив, представляется, что доктринальная позиция, признающая «формальность» конструкции состава преступления незаконного предпринимательства по признаку извлечения крупного дохода и, одновременно с этим, возможность покушения на него, противоречива.

Надо сказать, что в доктрине довольно распространена точка зрения, согласно которой приготовление и покушение исключаются в составах преступлений, где последствия выступают признаком, отграничивающим преступное от не преступного. В этой связи вспоминаются строки Н.Д. Дурманова, который писал, что «стадия покушения обычно отсутствует, когда закон обуславливает уголовную ответственность наступлением определенных последствий или возможностью

их наступления или когда закон связывает уголовную ответственность с определенным количественно выраженным причинением вреда. В этих случаях, если не наступили определенные последствия или если ущерб не выразился в количестве, обозначенном в законе, нет ответственности за покушение. Действие в таком случае находится за пределами уголовного права, оно может влечь дисциплинарную, гражданскую, но не уголовную ответственность» [15, с. 130].

Однако и сам Н.Д. Дурманов, рассуждая о том, что существуют случаи, когда законодатель указывает в качестве признака оконченного преступления определенные фактические обстоятельства, которые сами по себе не определяют конкретную степень вреда, полагал, что в таких случаях покушение на такое преступление возможно. На примере дезертирства он показывал, что хотя фактическое отсутствие военнослужащего продолжалось менее указанного в законе срока, само совершение действий, направленных на длительное уклонение от военной службы, содержит характерные для дезертирства признаки общественной опасности и должно караться как покушение на дезертирство [15, с. 131]. К похожим выводам применительно к незаконному предпринимательству, правда, с позиций дущегося характера преступления и межотраслевой дифференциации исследуемых составов пришел М.Г. Жилкин [16, с. 85].

ПРАКТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Представляется, во-первых, что действия лица, осуществляющего деятельность без лицензии или без регистрации, но при этом не получающего от этой деятельности крупного дохода, следует квалифицировать как административно наказуемое незаконное предпринимательство, поскольку такой доход является конструктивным признаком состава преступления, находящимся в причинно-следственной связи с самим деянием. В теории уголовного права признак объективной стороны состава, находящийся в причинно-следственной связи с деянием, называют именно общественно опасным последствием. Во-вторых, квалификация содеянного как покушения на незаконное предпринимательство возмож-

на только при прямом конкретизированном умысле на извлечение конкретно выраженного дохода, размер которого превышает криминообразующий крупный ущерб для ст. 171 УК РФ. Во всех остальных случаях содеянное надлежит квалифицировать, что называется, «по фактически наступившим последствиям» как административно наказуемое незаконное предпринимательство, конструкция которого понимается судами как «формальная». Исходя из этого, следует констатировать, что позиция, которую отстаивал среди прочих В.С. Комиссаров о «материальной» конструкции обоих составов незаконного предпринимательства (и по признаку причинения крупного ущерба, и по признаку извлечения крупного дохода), имеет прочный теоретический фундамент и активно претворяется в жизнь современной правоприменительной практикой.

Однако нельзя не отметить, что еще одним следствием однозначного отнесения состава уголовно наказуемого предпринимательства к материальным является не только необходимость установления наступления последствия в виде извлечения крупного дохода, но и наличие причинно-следственной связи между ним и деянием, которое в законе сформулировано как осуществление предпринимательской деятельности. При рассмотрении уголовных дел неизбежно встает вопрос о том, с какими из множества действий, которые совершило лицо, не получившее соответствующую лицензию или не прошедшее регистрацию, необходимо искать связь.

В.С. Комиссаров настаивал на том, что к деянию в уголовно-правовом смысле для целей применения ст. 171 УК РФ следует относить только то, что можно отнести к предпринимательской деятельности в гражданско-правовом смысле этого слова. Например, он указывал, что геологическое изучение или добычу полезных ископаемых как виды пользования недрами нельзя смешивать с эксплуатацией нефтегазодобывающих производств как видом предпринимательской деятельности; отнесение всяких нарушений в сфере любого лицензирования к признакам незаконного предпринимательства означало бы неосновательное расширение пределов действия нормы об ответственности за данное преступление [17, с. 132]. И поскольку недропользование,

в отличие от нефтедобычи, не являлось, по мнению В.С. Комиссарова, предпринимательской деятельностью, то нарушения, связанные с лицензированием недропользования, нельзя связывать с инкриминируемым крупным доходом организации-недропользователя. Ученый обосновывал указанную идею тем, что раз организация получала прибыль от реализации продукции, то есть товара, ставшего таковым в результате добычи из недр сырья и его последующей переработки, то сама по себе добыча, а уж тем более геологоразведка и прочая «предварительная» деятельность не приводит к образованию какой-либо прибыли и потому находится за пределами деятельности, непосредственно направленной на получение прибыли, и в причинно-следственную связь входить не может [14, с. 22].

Правоприменительные решения, основанные на таком подходе, имеются в судебной практике. Так, А. был обвинен в том, что он, являясь руководителем ООО «Маслодельный завод», не выполняя обязанности по получению лицензии, желая получить доход в особо крупном размере, осуществлял предпринимательскую деятельность без лицензии на эксплуатацию взрывопожароопасного производственного объекта. Следствие заключило, что в процессе производства молочной продукции ООО «Маслодельный завод» использовало арендованное оборудование, в том числе паровые котлы, предназначенные для выработки насыщенного пара, с таким уровнем рабочего давления, с каким законодатель связывает необходимость получения лицензии. Насыщенный пар был необходим заводу для пастеризации молочной продукции, и без эксплуатации котельной производство данной продукции было невозможным, что было подтверждено в ходе производства по делу. Оправдывая А., суд указал, что предпринимательская деятельность ООО «Маслодельный завод» заключалась в переработке молока, производстве и реализации молочной продукции и была направлена на систематическое получение прибыли от реализации произведенной продукции. Данная деятельность, по мнению суда, лицензируемой не является и осуществлялась на законных основаниях. Деятельность же завода, связанная с эксплуатацией установленных в котельной

паровых котлов с соответствующим рабочим давлением, была направлена на обеспечение технологического процесса производства молочной продукции и не предполагала получение прибыли непосредственно от использования произведенного котлами пара. Как было указано в решении, основания рассматривать данную деятельность в качестве предпринимательской отсутствуют, а поскольку помимо пара технологический процесс производства молочной продукции предполагает использование сырья, а также оборудования, транспорта и т. д., оснований для вывода о том, что указанный доход был получен предприятием только в результате незаконной эксплуатации котельной, не имеется и соответствующих доказательств стороной обвинения не предоставлено. Кроме того, суд указал, что установить доподлинно, какая часть дохода была получена именно от использования пара, невозможно и предварительным следствием не устанавливалась, в ходе заседания этот вопрос также не поднимался. Таким образом, заключил суд, стороной обвинения не доказано наличие причинной связи между эксплуатацией котельной без лицензии и получением дохода в особо крупном размере, тогда как наличие причинной связи между действиями (бездействием) лица и наступившими последствиями является одним из элементов объективной стороны состава преступления¹⁰.

С другой стороны, справедливыми представляются и доводы правоприменителей, положенные ими в основу принятых решений об отказе в возбуждении уголовных дел по ст. 171 УК РФ в связи с эксплуатацией объектов, нуждающейся в лицензировании. Оставляя без изменения решение нижестоящей судебной инстанции об отказе в удовлетворении жалобы А. на решение оперуполномоченного ОЭБиПК МО МВД РФ об отказе в возбуждении уголовного дела, Саратовский областной суд в апелляционном постановлении указал, что привлечение организации к административной ответственности за безлицензионную эксплуатацию опасных производственных объектов не является безусловным основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 171

УК РФ в отношении руководителя такой организации¹¹. Действительно, требуется установить, что такая безлицензионная деятельность была основной для извлечения прибыли и находится в причинно-следственной связи с таким извлечением.

Такой набор обстоятельств был установлен и доказан, например, в следующем деле. По п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ был осужден К.О.И., который, будучи генеральным директором ряда организаций, осуществлял предпринимательскую деятельность, связанную с хранением рыбной продукции. Из материалов дела следует, что в соответствующий период организации осуществляли деятельность по складированию и хранению (соответствующий код ОКВЭД), хранению и складированию замороженных или охлажденных грузов (код ОКВЭД), хранению и складированию прочих грузов (код ОКВЭД). Подконтрольные К.О.И. организации заключали с предприятиями, входящими в союз рыбопромышленников, договоры на хранение рыбопродукции. При этом организации К.О.И., исходя из материалов дела, эксплуатировали аммиачные холодильные установки, работающие под избыточным давлением, с которым законодатель связывает необходимость получения лицензии из-за их класса опасности. Суд отдельно установил, какое именно оборудование использовалось для хранения рыбопродукции контрагентов, и уменьшил инкриминируемый размер за счет вычета тех средств, которые были получены от эксплуатации иного оборудования, лицензирование которого не требовалось. Поскольку одним из доводов защиты К.О.И. был охват содеянного нормами КоАП РФ, а не УК РФ, которые, по мнению защиты, и подлежали применению (ст. 14.1 или ст. 9.1 КоАП РФ, а не ст. 171 УК РФ), суд, признавая подсудного виновным, указал, что критерием разграничения уголовно наказуемого незаконного предпринимательства и административно наказуемого незаконного предпринимательства законодателем выбран размер извлеченного виновным дохода, который является объективным показателем, характеризующим объем предпринимательской деятельности,

¹⁰ Приговор Жердевского районного суда Тамбовской области от 16.03.2011 по делу № 1-4/2011 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 27.04.2022 № 22-1073/2022 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а значит, реальную степень угрозы охраняемым Конституцией РФ и законом ценностям¹².

Более сложными представляются ситуации, которые связаны не с безлицензионным осуществлением конкретных видов деятельности, а с осуществлением без регистрации тех видов деятельности, которые лицензирования не требуют. В таком случае видится, что в причинно-следственную связь с извлечением дохода вступают те деяния, которые непосредственно могут повлечь извлечение такого дохода (направление оферты, отгрузка товара, передача заемных денежных средств под проценты). Однако суды чаще всего в таких ситуациях признают направленной на извлечение дохода всю совокупность действий, совершенных виновным лицом.

Как представляется, необходимо все же дифференцировать действия, которые могут принести крупный доход сами по себе, и действия, которые такой возможности не представляют. Кроме того, надо учесть, что большинство таких действий (исходя из природы предпринимательской деятельности) будут, в отрыве от направленности умысла на незаконное предпринимательство, представлять собой вполне законные ее формы (иными словами, те же действия того же субъекта при выполнении им формальных требований по регистрации или лицензированию не являлись бы незаконными). Более того, часть таких действий может быть обращена и в законодательно предусмотренную процессуальную форму (например, в форму исковых заявлений в суд или заявлений о выдаче судебного приказа).

Так, суд установил, что П., обвиняемый в совершении деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ, в течение пяти лет, будучи не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, а также не являясь руководителем или учредителем кредитно-финансовой организации, осуществлял профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов гражданам за счет систематически привлекаемых на возвратной и платной основе денежных средств. Для этого П. распространял информацию о своей деятельности, обращался в су-

дебные органы Архангельской области с исковыми заявлениями и заявлениями о выдаче судебных приказов в отношении недобросовестных заемщиков о взыскании основных сумм займов, выплате процентов за пользование предоставленными в заем денежными средствами и неустойки за нарушение сроков возврата займов, а также с заявлениями об индексации присужденных сумм, увеличивая таким образом доходность реализуемой им противоправной деятельности. Однако, осуществляя при изложенных обстоятельствах в указанный период незаконное предпринимательство, извлечь преступный доход на общую сумму, во много раз превышающую криминообразующий порог, П. не смог по независящим от него обстоятельствам, а именно вследствие уклонения от исполнения данными гражданами принятых на себя денежных обязательств по заключенным договорам займа, а также требований вышеуказанных судебных актов, вынесенных в отношении них. П. полностью признал вину в инкриминируемом деянии, уголовное дело в отношении него было прекращено в связи с назначением ему судебного штрафа¹³.

Представляется очевидным, что аккумуляция денежных средств, распространение информации о возможности займа (реклама) не могут потенциально повлечь извлечение денежных средств (а в крупном размере, необходимым для вменения состава, – тем более), поскольку для этого требуется непосредственная передача денежных средств и, кроме того, возврат процентов, хотя вся эта деятельность была направлена на извлечение дохода в крупном размере.

Таким образом, можно заключить, что в причинно-следственной связи с извлечением крупного дохода находятся те действия виновного, которые, при их совершении с конкретизированным умыслом на извлечение крупного дохода, способны непосредственно повлечь такое извлечение.

В случае если не установлено, что такие действия повлекли извлечение дохода в крупном размере по независящим от лица обстоятельствам, а направленность умысла на полу-

12 Приговор Первомайского районного суда города Мурманска от 28.09.2022 № 1-12/2022(1-288/2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 Постановление Северодвинского городского суда Архангельской области от 16.03.2020 по делу № 1-327/2020 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чение крупного дохода, напротив, установлена, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на незаконное предпринимательство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на доминирование в уголовно-правовой доктрине позиции об отнесении состава незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) к формально-материальным, правоприменители при решении ряда конкретных практических вопросов (в частности, при разграничении с соответствующим административным правонарушением и при ква-

лификации преступления как неоконченного) подходят к нему как к материальному составу. Это выражается, в частности, в обязательном установлении связи между конкретными деяниями, совершенными без лицензии или регистрации, и тем доходом, который получило лицо. Такую позицию отстаивали некоторые авторы, в том числе В.С. Комиссаров, и она разрешает целый ряд не только теоретических, но и практических вопросов. Представляется, что она продолжит реализовываться в практике судов при рассмотрении дел об уголовно наказуемом и административно наказуемом незаконном предпринимательстве.

Список источников

1. Трайнин А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин ; сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 898 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова ; науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – Москва : Городец, 2007. – 336 с.
3. Крылова Н.Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 6. – С. 16–28.
4. Толмачев О. Незаконное предпринимательство как альтернативный формально-материальный состав преступлений / О. Толмачев // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 60–61.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 896 с.
6. Федышина П.В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений / П.В. Федышина // Криминалист. – 2015. – № 1. – С. 16–19.
7. Коровинских С. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство / С. Коровинских // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 42–44.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.
9. Устинова Т.Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.Д. Устинова. – Москва, 2005. – 494 с.
10. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть : монография / Г.А. Есаков. – Москва : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019. – 360 с.
11. Аистова Л.А. Незаконное предпринимательство и смежные составы : учебное пособие / Л.А. Аистова. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 124 с.
12. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И.А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2020. – 984 с.
13. Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство : монография / М.Н. Урда ; под науч. ред. Т.Г. Понятовской. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 176 с.

REFERENCES

1. Trainin A.N. Selected works. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 898 p.
2. Kuznetsova N.F.; Kudryavtsev V.N. (ed.). Problems of qualification of crimes. Moscow, Gorodec Publ., 2007. 336 p.
3. Krylova N.E. Material, formal and truncated offenses: the debate with continuation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2017, no. 6, pp. 16–28. (In Russian).
4. Tolmachev O. Illegal entrepreneurship as an alternative formal and material composition of crimes. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 60–61. (In Russian).
5. Esakov G.A. (ed.). Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). 11th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 896 p.
6. Fedyshina P.V. Elements of crime related to endangering of a person in the system of crime definitions. *Criminalist*, 2015, no. 1, pp. 16–19. (In Russian).
7. Korovinskikh S. Criminal liability for illegal business. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2000, no. 4, pp. 42–44. (In Russian).
8. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economy: the author's commentary on the criminal law (section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article by article). Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 673 p.
9. Ustinova T.D. Actual problems of criminal liability for crimes infringing on entrepreneurial activity. *Doct. Diss. Moscow*, 2005. 494 p.
10. Esakov G.A. Economic criminal law: General part. HSE University Publ., 2019. 360 p.
11. Aistova L.A. Illegal entrepreneurship and related corpus delicti. 2nd ed. Saint Petersburg legal institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Publ., 2005. 124 p.
12. Klepitsky I.A. New economic criminal law. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 984 p.
13. Urda M.N.; Ponyatovskaya T.G. (ed.). Problems of application of the norm establishing responsibility for illegal entrepreneurship. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 176 p.
14. Komissarov V. Not every licensed activity is entrepreneurial. *Zakonnost' = Legality*, 2005, no. 11, pp. 21–24. (In Russian).

14. Комиссаров В. Не всякая лицензируемая деятельность – предпринимательская / В. Комиссаров // Законность. – 2005. – № 11. – С. 21–24.
15. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – Москва : Госюриздат, 1955. – 211 с.
16. Жилкин М.Г. Незаконное предпринимательство: вопросы межотраслевой дифференциации и квалификации / М.Г. Жилкин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 3. – С. 79–88.
17. Комиссаров В.С. Является ли безлицензионная нефтедобыча незаконным предпринимательством / В.С. Комиссаров // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 130–134.
15. Durmanov N.D. Stages of committing a crime under Soviet criminal law. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 211 p.
16. Zhilkin M.G. Illegal entrepreneurship: issues of intersectoral differentiation and qualification. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2021, no. 3, pp. 79–88. (In Russian).
17. Komissarov V.S. Is unlicensed oil production an illegal business. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2005, no. 5, pp. 130–134. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанов Павел Павлович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepanov Pavel Pavlovich – Candidate of Sciences (Law), Teaching Assistant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 17.06.2023; принята к публикации 18.06.2023. The article was submitted 13.05.2023; approved after reviewing 17.06.2023; accepted for publication 18.06.2023.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.11

Original article

КОСТРОВА Марина Борисовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: kostrovam@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1244-144X>

KOSTROVA Marina Borisovna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВА- НИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

LEGISLATIVE ERRORS IN THE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW NORM
ON LIABILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF ROAD TRAFFIC AND OPERATION
OF VEHICLES AND THE POSSIBILITY OF USING FOREIGN EXPERIENCE TO CORRECT
THEM. PART ONE

Памяти Владимира Сергеевича Комиссарова
посвящается

Аннотация. Первоначальная редакция уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренной ст. 264 УК РФ, серьезных недостатков не имела. Ее структура и содержание соответствовали (за очень малым исключением) доктринальным правилам криминализации и пенализации, дифференциации уголовной ответственности и наказания, конструирования составов преступлений и построения санкций уголовно-правовых норм. Однако многочисленные изменения и дополнения, внесенные в статью в 2003–2022 гг., породили столь же многочисленные ее дефекты. Цели настоящей публикации: анализ законотворческих ошибок в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и поиск возможных путей их исправления с использованием зарубежного опыта. Исследование проведено с применением комплекса методов: общенаучных (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурного) и частнонаучных (формально-юридического, социологического, сравнительно-правового). Выявлены дефекты российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и законотворческие ошибки, обусловившие их появление. На основе изучения опыта уголовного законодательства зарубежных стран предлагаются варианты их исправления.

Abstract. The initial version of the criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, provided for in Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation had no serious shortcomings. Its structure and content corresponded (with very few exceptions) to the doctrinal rules of criminalization and penalization, differentiation of criminal liability and punishment, construction of corpus delicti and construction of sanctions of criminal law norms. However, the numerous changes and additions made to the article between 2003 and 2022 have created equally numerous defects. The purpose of this publication is to analyze legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles and to search for possible ways to correct them using foreign experience. The study is conducted using a set of methods: general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, system-structural) and specific scientific (formal-legal, sociological, comparative legal). The article reveals the defects of the Russian criminal law norm on liability for violation of the rules of road traffic and operation of vehicles and legislative errors that caused their appearance. Based on the study of the experience of criminal legislation of foreign countries, options for their correction are proposed.

© Кострова М.Б., 2023

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, наказание, уголовно-правовая норма, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, состав преступления, диспозиция, санкция, сравнительно-правовое исследование, сравнительно-правовой метод

Для цитирования: Кострова М.Б. Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть первая / М.Б. Кострова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.11 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 97–106

Keywords: illegal entrepreneurship, corpus delicti, formal corpus delicti, material corpus delicti, incomplete crime, unlicensed activity, consequence of the crime, criminogenic dimension

For citation: Kostrova M.B. Legislative errors in the construction of the Russian criminal law norm on liability for violations of the rules of road traffic and operation of vehicles, and the possibility of using foreign experience to correct them. Part one. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 97–106 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.11.

ВВЕДЕНИЕ

Предусмотренная ст. 264 УК РФ уголовно-правовая норма устанавливает ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. На момент принятия в 1996 г. УК РФ ст. 264 состояла из трех частей и одного примечания, в котором давалось определение понятия «другие механические транспортные средства» («троллейбусы, а также трактора и иные самоходные машины, мотоциклы и иные механические транспортные средства»). В ее диспозициях содержались основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы преступлений, выстроенные четко по логике возрастания степени общественной опасности неосторожного преступления в зависимости от наступивших последствий: тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека либо крупного ущерба (ч. 1), смерти человека (ч. 2), смерти двух или более лиц (ч. 3). Санкции всех трех частей ст. 264, адекватно отражая характер и степень общественной опасности предусмотренных ими деяний, устанавливали основное наказание в виде лишения свободы¹ от 6 месяцев до 2 лет (ч. 1), от 6 месяцев до 5 лет (ч. 2), от 4 до 10 лет (ч. 3) с дополнительным наказанием в виде лишения права

управлять транспортным средством на срок от 6 месяцев до 3 лет (в качестве обязательного по ч. 2, 3 и назначаемого по усмотрению суда по ч. 1).

По прошествии 27 лет, сравнивая норму в ее первоначальной и современной редакциях, можно с уверенностью сказать, что тогда она была сформулирована оптимально (хотя и не без некоторых изъянов²). Ее структура и содержание соответствовали (за очень малым исключением) доктринальным правилам криминализации и пенализации, дифференциации уголовной ответственности и наказания, конструирования составов преступлений и построения санкций уголовно-правовых норм.

Однако многочисленные изменения и дополнения, внесенные в 2003–2022 гг. в уголовно-правовую норму об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, породили столь же многочисленные ее дефекты. Наука уголовного права резко критически отреагировала на их появление, при этом в уголовно-правовой литературе предлагаются разные варианты их устранения.

Не отрицая ценность и полезность данных доктринальных рекомендаций, в настоящей публикации обратимся к зарубежному опыту

¹ Положения об указанных на тот момент в санкции ч. 1 ст. 264 альтернативных основных наказаниях в виде ограничения свободы и ареста планировалось ввести в действие не позднее 2001 г.

² Один из них заключался в несоответствии общей части УК РФ обозначения дополнительного наказания в ст. 264. Этот недостаток был устранен Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ: обозначение дополнительного наказания в санкциях ст. 264 изменено на «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Два других недостатка сохраняются до настоящего времени.

с целью поиска возможных путей его использования для исправления законотворческих ошибок в конструировании уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 264 УК РФ. Таким образом, автором поставлено две цели, первая из которых – анализ законотворческих ошибок в конструировании нормы национального права, – естественно, ограничена национальным уровнем. Вторая цель имеет сравнительно-правовой характер, соответственно, для ее достижения потребовалось проведение сравнительно-правового исследования, в объект которого автор включил сопоставимые с нормой российского УК нормы, содержащиеся в уголовном законодательстве 10 стран ближнего зарубежья. По этой причине объем статьи получился очень большим, в связи с чем она поделена на две части, первая из которых, ограниченная национальным уровнем, публикуется в этом номере журнала, вторая – сравнительно-пра-

вового характера – будет опубликована в следующем (четвертом) номере.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Описанные во введении структура и содержание нормы, предусмотренной ст. 264 УК РФ, за прошедшие 27 лет существенно преобразованы в результате многочисленных изменений и дополнений³, внесенных в нее федеральными законами от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ, от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ, от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ, от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ и от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ. В итоге теперь норма выглядит совершенно по-другому (см. табл.).

Структура и содержание уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 264 УК РФ

Часть ст. 264	Диспозиция	Санкция ⁴
Часть 1	Нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека	наказывается лишением свободы на срок от 2 месяцев до 2 лет...
Часть 2	Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, если оно: а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения; б) сопряжено с оставлением места его совершения; в) совершено лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами	наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет...
Часть 3	Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека	наказывается лишением свободы на срок от 2 месяцев до 5 лет...
Часть 4	Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно: а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения; б) сопряжено с оставлением места его совершения; в) совершено лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами	наказывается лишением свободы на срок от 5 до 12 лет...

³ В статье не упоминаются внесенные в ст. 264 УК РФ изменения и дополнения, имеющие общеотраслевой характер.

⁴ В таблицу не включены все наказания, предусмотренные санкциями ст. 264, поскольку для целей нашего анализа в этом нет необходимости; включенное же в нее наказание в виде лишения свободы служит главным показателем оценки законодателем общественной опасности преступления, а также формальным критерием (наряду с формой вины), определяющим его категорию.

Часть 5	Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц	наказывается лишением свободы на срок от 2 месяцев до 7 лет...
Часть 6	Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, если оно: а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения; б) сопряжено с оставлением места его совершения; в) совершено лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами	наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет...
Примечание 1 – определение понятия «другие механические транспортные средства»: 1) трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также 2) транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право		
Примечание 2 – определение понятия «лицо, находящееся в состоянии опьянения»: 1) лицо, в отношении которого установлен факт употребления им вызывающих алкогольное опьянение веществ или наличия в его организме наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ; 2) лицо, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения		

Только на основании данных, приведенных в таблице, виден целый ряд дефектов российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в ее современном состоянии, равно как достаточно ясны и приведшие к их появлению законодательские ошибки.

Ошибка первая. Из числа криминообразующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, исключено общественно опасное последствие в виде причинения средней тяжести вреда здоровью человека по неосторожности. Это законодательное решение следует признать уголовно-политической ошибкой, причем концептуального и системного характера, поскольку Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности было полностью декриминализовано с исключением его из всего УК (кроме единственной ст. 124). Такой законодательный подход противоречит объявленному нашим же государством приоритету защиты прав человека (что следует из ст. 2 Конституции РФ и ч. 1 ст. 2 УК), важнейшими из которых являются его жизнь и здоровье. Данная уголовно-политическая ошибка становится еще более явственной на фоне того, что в период с 2014 по 2022 г. законодатель трижды осуществил криминализацию деяний, представляющих собой, по сути, деликты создания опасности в сфере безопасности

дорожного движения, дополнив российский УК статьями 264.1, 264.2, 264.3. Не стоит даже обсуждать соотношение общественной опасности этих новых «беспоследственных» преступлений [см. об этом подробнее: 1, с. 76–78] и общественной опасности преступлений, реально причиняющих, пусть и по неосторожности, средней тяжести вред здоровью человека, волей законодателя переведенных в разряд административных правонарушений [см. об этом подробнее: 2, с. 129–130].

Ошибочность решения российского законодателя в части декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в ст. 264 УК можно обосновать, помимо приведенных выше аргументов, обращением к опыту уголовного законодательства зарубежных стран, что будет сделано далее. Вместе с тем, поскольку данная законодательная ошибка носит концептуальный и системный характер, исправлять ее нужно не фрагментарно в отдельно взятой статье, а в УК в целом, для чего необходима «возвратная» криминализация причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности в российском УК. Выдающийся отечественный криминолог и теоретик уголовного права Н.Ф. Кузнецова многократно обращала внимание «на грубую ошибку с декриминализацией реформой 8 декабря 2003 г. неосторожного причинения вреда средней тяжести», справедливо называя ее антиконституционной [3, с. 72; 4, с. 214–215, 219].

Ошибка вторая. Из таблицы виден самый главный дефект уголовно-правовой нормы российского УК, а также обусловившая его главная законодотворческая ошибка: по причине непродуманной «внутристатейной» пенализации и дифференциации наказания в ч. 2–6 ст. 264 УК без адекватной оценки характера и степени общественной опасности предусмотренных ими деяний происходит явное обесценивание жизни человека. Так, деяние, повлекшее смерть двух или более лиц (ч. 5), в санкционном измерении приравнено к деянию, повлекшему причинение тяжкого вреда здоровью одного человека, совершенному при указанных в ч. 2 отягчающих обстоятельствах (за оба – лишение свободы до 7 лет), и даже менее опасно с учетом нижнего предела лишения свободы (2 месяца и 3 года соответственно). А деяние, повлекшее смерть одного человека (ч. 3), еще ниже по уровню общественной опасности, поскольку законодатель оценил его через наказание в виде лишения свободы на срок от 2 месяцев до 5 лет. В то же время деяние, повлекшее смерть одного человека, совершенное при обозначенных в ч. 4 особо отягчающих обстоятельствах, в санкционном измерении (лишение свободы от 5 до 12 лет) по уровню общественной опасности несоизмеримо выше, чем предусмотренное ч. 5, совершенное без этих обстоятельств, но при этом повлекшее смерть двух или более лиц (лишение свободы от 2 месяцев до 7 лет). При этом все эти деяния законодатель признал неосторожными.

Ошибка третья – как продолжение второй: в результате неосторожное преступление, при совершении которого жизнь человека выступает в качестве дополнительного объекта (ч. 6 ст. 264), приравнено к обладающему самой высокой общественной опасностью умышленному преступлению против жизни – убийству (ч. 1 ст. 105). Оба они влекут лишение свободы на срок до 15 лет, а если сравнивать их по нижнему пределу срока лишения свободы, то в ч. 6 ст. 264 он на 2 года выше, чем в ч. 1 ст. 105 УК (!). Хотя сам же законодатель, исходя из положений ст. 15 УК, оценил их в зависимости от характера и степени общественной опасности как тяжкое (ч. 6 ст. 264) и особо тяжкое (ч. 1 ст. 105). Соответственно, предыдущая законодотворческая ошибка сочетается с отсутствием системного подхода к пенализации и дифференциации наказания в российском УК в целом.

Исправить обе эти взаимосвязанные ошиб-

ки российскому законодателю по силам и без заимствования зарубежного опыта, достаточно вспомнить о приоритетности уголовно-правовой охраны жизни человека и овладеть теоретическими основами дифференциации наказания и построения санкций уголовно-правовых норм. Хотя изучить зарубежный опыт полезно с целью исправления четвертой ошибки как предосновы для работы над второй и третьей ошибками.

Четвертая законодотворческая ошибка видится в том, что в погоне за ужесточением уголовной ответственности и наказания водителей – особо злостных нарушителей правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – российским законодателем проигнорирован целый ряд доктринальных правил конструирования диспозиций уголовно-правовых норм. В их числе правила учета системной взаимосвязи норм Общей и Особенной частей УК; конструирования основного, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений; формулирования диспозиций уголовно-правовых норм, имеющих бланкетную форму; языкового выражения уголовно-правовых предписаний. Поэтому на самом деле эта ошибка общего характера не единая, она складывается из множества конкретных ошибок, но в силу общности первопричины (игнорирование доктринальных правил) анализировать их удобнее совместно. По ходу анализа они будут нумероваться, иногда – в зависимости от контекста – в скобках.

1. При конструировании диспозиций ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК и дифференциации наказания за предусмотренные ими деяния на первое место поставлен не главный криминообразующий признак преступления с материальным составом – общественно опасные последствия (тяжкий вред здоровью, смерть одного, двух или более лиц), – адекватно и последовательно отражающий характер и степень общественной опасности запрещенных УК неосторожных деяний, а по сути – отдельные нарушения правил дорожного движения. Так, включенные в п. «а», «б», «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки состава представляют собой нарушения п. 2.7, 2.5 и (или) 2.6, 2.1.1 Правил дорожного движения (далее – ПДД). Вне связи с УК все эти деликты признаются административными правонарушениями, ответственность за которые установлена КоАП РФ в ч. 1, 3 ст. 12.8, ч. 2 ст. 12.27, ч. 1,

2, 4 ст. 12.7. Но весьма сомнительно, что данные деликты – административные правонарушения в области дорожного движения, – будучи так своеобразно криминализированными, способны дать настолько существенное приращение общественной опасности, что могут перевесить тяжесть общественно опасных последствий (однако именно так и получилось – см. описанные выше ошибки пенализации и дифференциации наказания).

Наряду с этим **(2, 3)** законодателем нарушены правила конструирования квалифицированного и особо квалифицированного составов преступлений, подбора и отражения в уголовно-правовой норме квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава преступления.

2. Первое правило состоит в том, что квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки не должны входить в содержание основного состава преступления [см. об этом подробнее: 5]. Включением в п. «а» и «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК нарушений п. 2.7 и 2.1.1 ПДД законодатель игнорирует это правило, поскольку созданная им конструкция означает нарушение любого пункта ПДД, в том числе и п. 2.7 (основной состав), + нарушение п. 2.7 ПДД (квалифицированный или особо квалифицированный состав); нарушение любого пункта ПДД, в том числе и п. 2.1.1 (основной состав), + нарушение п. 2.1.1 ПДД (квалифицированный или особо квалифицированный состав). Изобретение законодателем такой тавтологичной конструкции высвечивает еще одну его ошибку – **(4)** игнорирование правил формулирования диспозиций уголовно-правовых норм, имеющих бланкетную форму, специфика которых заключается в том, что в их содержание включаются нормативные правовые предписания иной отраслевой принадлежности, в нашем случае – транспортного права. И эта тавтологичная конструкция, естественно, не может быть использована в правоприменительных актах, в частности в приговоре, поэтому при вменении данных квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков суд включает их в общий перечень нарушений ПДД, причем по логике развития событий они прописываются первыми. Например: «Саакян ... находясь в состоянии опьянения ... не имея водительского удостоверения на право управления транспортным средством, управляя ... автомобилем ... нарушил требования пунктов 1.3, 1.5, 2.1.1, 2.7, 8.1, 8.12 и

10.1 Правил дорожного движения РФ ... в результате чего ... совершил наезд на пешехода ... причинив ... ей по неосторожности ... тяжкий вред здоровью...» (квалификация по п. «а», «в» ч. 2 ст. 264 УК РФ)⁵; «Шарипов ... в нарушение абз. 1 п. 2.7 ... ПДД ... находясь в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, управляя автомобилем ... в нарушение требований абз. 1 п. 10.3 ПДД РФ ... в нарушение требований абз. 1 п. 10.1 ПДД РФ ... в нарушение абз. 1 п. 8.1 ПДД РФ ... совершил выезд на встречную полосу движения и допустил лобовое столкновение с ... автомобилем ... между нарушениями Шариповым А.П. требований абз. 1 п. 2.7, абз. 1 п. 8.1, абз. 1 п. 10.1, абз. 1 п. 10.3 ПДД РФ и наступлением смерти потерпевшей ... имеется прямая причинно-следственная связь...» (квалификация по п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ)⁶.

3. Второе правило заключается в том, что квалифицирующие (особо квалифицирующие) признаки должны иметь связь с временными рамками преступления, предусмотренные ими обстоятельства должны иметь место до момента окончания преступления [см. об этом подробнее: 5]. Однако третий квалифицирующий (особо квалифицирующий) признак, закрепленный в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК – сопряженность деяния с оставлением места его совершения, представляющий собой нарушение п. 2.5 и (или) 2.6 ПДД, вообще не входит в механизм совершения преступления. Он характеризует постпреступное поведение водителя транспортного средства, которое не находится в причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями, указанными в ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК. Этот теоретический вывод подтверждается результатами анализа судебных решений. Мотивируя квалификацию преступления по п. «б» ч. 2 или 4, или 6 ст. 264 УК, суды сначала описывают все допущенные нарушения ПДД, повлекшие по неосторожности общественно опасные последствия, после чего указывают, например: «После

5 Приговор Головинского районного суда г. Москвы от 29.03.2023 по делу № 1-154/2023 [Электронный ресурс] // Офиц. портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/criminal/details/40681f50-a08a-11ed-9434-fb44395307d8> (дата обращения: 13.06.2023).

6 Приговор Дятьковского городского суда Брянской области от 12.07.2022 по делу № 1-103/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html?id=c45e14de91d1ebffa23ba5d2d1b0203d> (дата обращения: 13.06.2023).

вышеуказанного дорожно-транспортного происшествия водитель автомобиля ... Воронов ... в нарушение п. 2.5 ПДД РФ ... оставил место совершения им данного дорожно-транспортного происшествия и с места происшествия скрылся»⁷. В целом подобная мотивировка может выглядеть, например, так: «...нарушение Свиным А.В. п. 8.12, 10.1 ПДД РФ состоит в прямой причинной связи с наступившими последствиями... После наезда на пешехода Свиной ... скрылся с места дорожно-транспортного происшествия в нарушение требований п. 2.5, 2.6, 7.2 ПДД РФ»⁸.

5. При включении в ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК пунктов «б» и «в» законодателем не учтена особенность конструирования материальных составов преступлений, обязательными признаками которых являются не только действия (бездействие) и общественно опасные последствия, но и причинная связь между ними. Созданные им конструкции ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК включают «особые квалифицирующие признаки, находящиеся в связке с дифференцирующим признаком состава преступления, относящимся к тяжести последствий» (так их называет Н.И. Пикуров). Однако обстоятельства, указанные в п. «б» и «в» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК, не могут выступать в качестве причины, обусловившей наступление последствий, хотя по логике конструирования материального состава преступления таковыми являться должны. Н.И. Пикуров совершенно обоснованно полагает: «...исключена причинная связь с наступившими последствиями такого квалифицирующего признака, как оставление места совершения преступления, поскольку это происходит уже после того, как последствия уже причинены. Не может повлиять на ход причинной связи и факт отсутствия у лица права или лишения права управления транспортными средствами, поскольку это обстоятельство не входит в число признаков объективной стороны преступления, характеризующих действие или бездействие водителя ... по своей природе данное правонарушение ... автоматически не может повышать общественную опасность со-

вершенного водителем преступления, а лишь характеризует отрицательные качества личности лица» [6]. Подтверждением правильности суждений ученого служит правоприменительная практика (см. приведенные приговоры по делам Воронова, Свиной, а также приведенные далее приговоры по делам Цыганова и ФИО1).

6. Законодателем не учтена системная взаимосвязь норм Общей и Особенной частей УК РФ, что проявляется в следующем. При включении в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК признака «сопряженность деяния с оставлением места его совершения», который является инородным «вкраплением» в силу его несвязанности с основным составом, законодателем вольно или невольно сконструировано преступление с двумя формами вины, сочетающее в субъективной стороне неосторожность и умысел. Однако такого сочетания форм вины Общая часть УК не допускает. Согласно ст. 27 преступление с двумя формами вины образуется за счет сочетания только умысла и неосторожности, при этом в целом преступление признается совершенным умышленно. Преступление же, предусмотренное ст. 264 УК, является неосторожным, на что прямо указано во всех ее частях и что следует из общего предписания ч. 2 ст. 24 УК, вместе с тем оставление места его совершения неосторожным быть не может, оно, исходя из его природы, характеризуется умышленной формой вины. Подтверждением этому могут служить выдержки из приговоров⁹: «...Цыгановым также нарушены требования п.п. 2.5 и п.п. 2.6 Правил ... установлено, что Цыганов О.А. после произошедшего ДТП ... оставил место происшествия, участником которого являлся... Таким образом, характер действий Цыганова свидетельствует о том, что умысел подсудимого был направлен на сокрытие преступления»¹⁰; «После произошедшего дорожно-транспортно-

7 Приговор Славского районного суда Калининградской области от 17.06.2022 по делу № 1-25/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_afc9bcd0e510b231b2fac6380e261dd9 (дата обращения: 13.06.2023).

8 Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 12.12.2022 по делу № 1-366/2022 [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_2c66f150e28516976c385fa146ce27bc (дата обращения: 13.06.2023).

9 Приводимые здесь выдержки из приговоров – не единственный вариант решения правоприменителями созданной законодателем проблемы форм вины в составах преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ. Вторым (наиболее распространенным) вариантом является такой: признавая преступление совершенным по неосторожности, суд не акцентирует внимание на форме вины в части оставления места ДТП. Иногда суд прямо указывает на правовую незначимость наличия или отсутствия умысла на оставление места ДТП.

10 Приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области от 22.09.2022 по делу № 1-36/2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Арзамасского городского суда Нижегородской области. URL: https://arzamasskyy-nov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=80239747&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения: 13.06.2023).

го происшествия ФИО1, осознавая, что им было совершено столкновение с автомобилем ... водитель и пассажир которого в результате столкновения пострадали, имея умысел на оставления места дорожно-транспортного происшествия, с целью сокрытия своей причастности к данному факту, в нарушение п.п. 2.5, 2.6 ПДД ... покинул салон своего автомобиля ... после чего скрылся с места дорожно-транспортного происшествия»¹¹.

7. Используемая в п. «б» ч. 2, 4, 6 формулировка «место его совершения» с учетом бланкетного характера диспозиции ст. 264 УК является некорректной, так как в нормативных правовых актах транспортного права используется устоявшаяся специальная терминология: «дорожно-транспортное происшествие» и «место дорожно-транспортного происшествия». К тому же языковая форма выражения признака, закрепленного в п. «б» ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК, – «сопряжено с оставлением места его совершения» – настолько неудачна, что в целом не сочетается с обозначением деяния в основном составе преступления, а ведь именно к нему «привязан» данный признак. Воспроизвести такую терминологию в правоприменительных актах невозможно, поэтому суды и оперируют не ею, а терминами транспортного и административного права (см. приведенные выдержки из приговоров по делам Воронова, Свирина, Цыганова и ФИО1). Согласно п. 1.2 ПДД «дорожно-транспортное происшествие – событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди...», что вполне соответствует сути преступления, предусмотренного ст. 264 УК. Примером межотраслевого согласования терминов служит ст. 12.27 КоАП «Невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием», ч. 2 которой устанавливает административную ответственность за «оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся...».

Описанные четыре (последняя включает в себя на самом деле семь) законотворческие ошибки в конструировании российской уго-

ловно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств не составляют полный их перечень. Можно указать и на следующие: 1) неполнота перечня предметов преступления в ч. 1 ст. 264 УК, который сформулирован казуистическим способом и одновременно не является исчерпывающим; 2) данное в примечании 1 к ст. 264 УК определение понятия «другие механические транспортные средства» имеет такой же недостаток; 3) в примечании 2 к ст. 264 УК в определении понятия «лицо, находящееся в состоянии опьянения» законодатель фактически приравнял водителя, не выполнившего законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, к водителю, действительно находящемуся в состоянии опьянения. Как показал сравнительно-правовой анализ, исправить эти ошибки с использованием зарубежного опыта не получится по причине отсутствия в УК зарубежных стран решений, достойных заимствования, поэтому подробно рассматривать их не будем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законотворческие (или правотворческие, или законодательные) ошибки (или ошибки законодателя) могут быть разными и обуславливаться разными причинами [см., например: 7; 8], тем не менее любая из таких ошибок оказывает существенное негативное влияние на качество законодательства и, как следствие, на его регуляторный эффект. Одним из действенных способов предупреждения, выявления и исправления таких ошибок является учет национальным законодателем позитивного опыта других государств. Неслучайно в проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»¹² в качестве одного из требований к информационному обеспечению подготовки проектов нормативных правовых актов закреплено изучение (преимущественно в сравнительном аспекте) опыта нормативного правового регулирования в соответствующей сфере других стран (п. 3 ч. 2 ст. 28). Хотя, следу-

¹¹ Приговор Шолоховского районного суда Ростовской области от 17.02.2022 по делу № 1-13/2022 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tCJwzrlcT9WK/> (дата обращения: 13.06.2023).

¹² О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2021. 96 с.

ет признать, российский законодатель пока не очень настроен на работу в данном направлении, по крайней мере в сфере уголовного права.

По логике статьи все авторские выводы, основанные на результатах сравнительно-правового исследования, будут изложены в следующей части. Поэтому здесь обозначу только свое видение ее практических результатов, связав это и с темой номера «Грани науки уголовного права», и с личностью Владимира Сергеевича Комиссарова, памяти которого посвящена статья.

Владимир Сергеевич Комиссаров был не только видным ученым и выдающимся организатором науки уголовного права. Многогранность его деятельности высвечивает еще одну грань науки уголовного права – ее нежелание оставаться замкнутой в строгие академические рамки, стремление навести «правопорядок» в законотворческой деятельности и способность противостоять деструктивным процессам, деформирующим национальный УК.

Владимир Сергеевич, являясь одним из участников рабочей группы по разработке УК РФ, и после его принятия в 1996 г. активно защищал его от разрушающего воздействия социально и криминологически необоснованных, антинаучных законотворческих новаций, создающих серьезные препятствия для его эффективного применения. Много времени и сил он посвятил борьбе с волюнтаристскими решениями законотворцев по «ломке» и «перекраиванию» российского УК. Вот неполный перечень действий, характеризующих его работу в данном направлении, а на работу эту он сам себя и назначил: организация конференций, а затем и Российского конгресса уголовного права, нередким итогом которых становилось принятие резолюций, направляемых в органы государственной власти; написание научных статей с острокритическим разбором законодательных ошибок; выступление в СМИ и дача интервью со столь же критичным взглядом на складывающуюся уголовную политику

[см., например: 9; 10]; подготовка замечаний по отдельным законопроектам, в том числе и консолидированными усилиями многих видных ученых страны, которых объединял, конечно же, Комиссаров. И совсем необычный аспект – организация и участие в написании письма шестнадцати профессорами, направленного в адрес Президента РФ, председателей Госдумы и Совета Федерации, с просьбой не принимать законопроект в части исключения из УК конфискации имущества как вида уголовного наказания¹³. При этом вся деятельность В.С. Комиссарова такого рода не носила характер «чистого критиканства». Им и коллегами-соратниками был предложен целый комплекс рекомендаций, направленных не только на предупреждение и исправление ошибок законодателя, но и на «онаучивание» законотворческого процесса в сфере уголовного права. А «онаучивание» законотворческого процесса Владимир Сергеевич представлял себе, прежде всего, как привлечение ученых к научной экспертизе законопроектов и их активное участие в ней, со всех трибун доказывая острую необходимость в том, чтобы законодатели прислушивались к мнению ученых (и практиков, конечно, тоже) [11, с. 112; 10]. Но пока, к сожалению, эта мечта Владимира Сергеевича Комиссарова не осуществилась...

Написав эту статью, через крошечную в масштабе всего российского УК проблему отражающую весь масштаб национального бедствия в виде «антинаучного» уголовного законотворчества, хотелось бы надеяться, что она станет своеобразным «экспертным заключением», дающим нашему законодателю ориентиры в работе над ошибками.

¹³ Голик Ю.В., Землюков С.В., Иванов Н.Г. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Коняхин В.П., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А., Якушин В.А., Яни П.С., Яценко Б.В. Самый гуманный УК в мире [Электронный ресурс] // Известия. 2004. 4 марта. URL: <https://iz.ru/news/287642> (дата обращения: 14.06.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грачева Ю.В. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого / Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // *Lex Russica*. – 2015. – № 4. – С. 71–80.
2. Кострова М.Б. Парадоксы российской уголовной политики усиления ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения / М.Б. Кострова // *Lex Russica*. – 2017. – № 7 (128). – С. 125–138.

REFERENCES

1. Gracheva Y.V., Korobeev A.I., Chuchaev A.I. New type of transportation crime as a modified type of the forgotten old type. *Lex Russica*, 2015, no. 4, pp. 71–80. (In Russian).
2. Kostrova M.B. Paradoxes of Russian criminal policy on enhancing the responsibility of persons having committed a crime while intoxicated. *Lex Russica*, 2017, no. 7 (128), pp. 125–138. (In Russian).

3. Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 67–75.

4. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007. – 336 с.

5. Коробеев А.И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Уголовное право. – 2019. – № 5. – С. 48–58. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126019&cacheid=48F9C42F2A11912F54153863A0155DEA#1zFrFqTMhGyxFTu1> (дата обращения: 13.06.2023).

6. Пикуров Н.И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления / Н.И. Пикуров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 4. – С. 87–92. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=148941&ysclid=lmuwq4154b942576829#pv9tbqTRGDtYoMN1> (дата обращения: 13.06.2023).

7. Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления / А.И. Рарог // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4. – С. 95–103.

8. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М.А. Кауфман // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 92–101.

9. Комиссаров В.С. Тенденции развития уголовного законодательства: нужна новая редакция кодекса. Интервью с В.С. Комиссаровым, доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / В.С. Комиссаров // Законодательство. – 2009. – № 10. – С. 8–9.

10. Комиссаров В.С. Законодательная деятельность в области уголовного права: неблагоприятные тенденции. Интервью с В.С. Комиссаровым, доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / В.С. Комиссаров // Законодательство. – 2012. – № 2. – URL: <http://study.garant.ru/#/document/57856839/paragraph/1:0> (дата обращения: 14.08.2023).

11. Комиссаров В.С. Возможности уголовного права в борьбе с преступностью / В.С. Комиссаров // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 111–112.

3. Kuznetsova N.F. The importance of social danger of acts for their criminalization and decriminalization. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 6, pp. 67–75. (In Russian).

4. Kuznetsova N.F.; Kudryavtseva V.N. (ed.). Problems of qualification of crimes: lectures on the special course «Fundamentals of qualification of crimes». Moscow, Gorodec Publ., 2007. 336 p.

5. Korobeev A.I., Chuchaev A.I. Transport crimes: correction of mistakes or movement in a circle? *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2019, no. 5, pp. 48–58. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=126019&cacheid=48F9C42F2A11912F54153863A0155DEA#1zFrFqTMhGyxFTu1>.

6. Pikurov N.I. The main trends in the development of legislation on liability for transport crimes. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 4, pp. 87–92. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=148941&ysclid=lmuwq4154b942576829#pv9tbqTRGDtYoMN1>.

7. Rarog A.I. Legislator's error: types, reasons, ways of correction. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 4, pp. 95–103. (In Russian).

8. Kaufman M.A. Mistakes in Criminal Law Legislation. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 9, pp. 92–101. (In Russian).

9. Komissarov V.S. Trends in the development of criminal legislation: a new edition of the code is needed. Interview with V.S. Komissarov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Moscow State University. M.V. Lomonosov. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2009, no. 10, pp. 8–9. (In Russian).

10. Komissarov V.S. Legislative activity in the field of criminal law: unfavorable trends. Interview with V.S. Komissarov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Moscow State University. M.V. Lomonosov. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2012, no. 2. Available at: <http://study.garant.ru/#/document/57856839/paragraph/1:0>.

11. Komissarov V.S. Possibilities of criminal law in the fight against crime. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2008, no. 6, pp. 111–112. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострова Марина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostrova Marina Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 22.08.2023; принята к публикации 23.08.2023. The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 22.08.2023; accepted for publication 23.08.2023.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.12
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.12

Original article

ГЛУШКОВА Светлана Игоревна
Гуманитарный университет,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: glsvig@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4926-5507>

GLUSHKOVA Svetlana Igorevna
Liberal Arts University, Yekaterinburg, Russia.

ИСЛЕНТЬЕВ Станислав Олегович
Гуманитарный университет,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: islentyev.stas@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1247-9712>

ISLENTYEV Stanislav Olegovich
Liberal Arts University, Yekaterinburg, Russia.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ М.М. СПЕРАНСКОГО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПОДХОДЫ

POLITICAL AND LEGAL HERITAGE OF M.M. SPERANSKY IN THE PAST AND PRESENT
OF RUSSIA: MAIN IDEAS AND APPROACHES

Аннотация. В статье представлены основные вехи интеллектуальной биографии М.М. Сперанского, а также процесс формирования его политико-правового мировоззрения. Авторами рассматриваются важнейшие реформаторские предложения и концепции, оценивается вклад Сперанского в развитие отечественного конституционализма и теории прав человека. Изучение политико-правовых трудов прогрессивного правоведа представляется актуальным в связи с тенденцией к переосмыслению исторического прошлого России, поиском путей преодоления возникших перед современным российским государством проблем и противоречий. Даже несмотря на то, что многие реформы Сперанского не нашли воплощения в свое время, его прогрессивным взглядам и идеям можно найти применение в процессе преобразования современности. Цель: анализ основных политических и правовых идей М.М. Сперанского, одного из видных теоретиков российского либерализма, на предмет их прогрессивности для своего времени и актуальности для современной России. Методы: применялись три основных метода исследования: исторический, ретроспективный, герменевтический. Использование исторического и герменевтического методов включало в себя изучение основных научных трудов М.М. Сперанского, их целостный

Abstract. The article presents the main milestones of M.M. Speransky's intellectual biography, as well as the process of formation of his political and legal worldview. The authors consider the most important reformatory proposals and concepts, as well as assess Speransky's contribution to the development of Russian constitutionalism and human rights theory. The study of the political and legal works of this progressive legal scholar seems relevant in connection with the trend towards rethinking the historical past of Russia, the search for ways to overcome the problems and contradictions faced by the modern Russian state. Even despite the fact that many of Speransky's reforms were not implemented in their time, his progressive views and ideas may be applied in the transformation of modernity. Purpose: to analyze the main political and legal ideas of M.M. Speransky as one of the most prominent theorists of Russian liberalism in terms of their progressivity for their time and relevance for modern Russia. Methods: the authors use three main methods of research: historical, retrospective, hermeneutic. The use of historical and hermeneutic methods include the study of Speransky's main scientific works, as well as their holistic analysis and interpretation, the study of socio-cultural context of the origin and development of his liberal views in the works of modern researchers. The retrospective

анализ и интерпретацию, изучение социокультурного контекста зарождения и развития его либеральных взглядов по работам современных исследователей. Ретроспективный метод был использован для анализа истоков и развития либерализма в Российской империи начала XIX в. и демонстрации значительного теоретического и практического вклада Сперанского в формирование российского либерализма. Результаты: сделан вывод о том, что многие предложения прогрессивного мыслителя о преобразовании российского государства и права остаются актуальными и находят отражение в ряде конституционных норм.

Ключевые слова: права и свободы личности, парламентаризм, теория разделения властей, история политических и правовых учений, классический либерализм, консервативный либерализм, правительственный либерализм, философия права, конституционализм

Для цитирования: Глушкова С.И. Политико-правовое наследие М.М. Сперанского в прошлом и настоящем России: основные идеи и подходы / С.И. Глушкова, С.О. Ислентьев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 107–119

method is used to analyze the origins and development of liberalism in the Russian Empire in the early 19th century and to demonstrate Speransky's significant theoretical and practical contribution to the formation of Russian liberalism. Results: the study concludes that many proposals by this progressive thinker on the transformation of the Russian state and law remain relevant and are reflected in a number of constitutional norms.

Keywords: individual rights and freedoms, parliamentarism, theory of separation of powers, history of political and legal doctrines, classical liberalism, conservative liberalism, governmental liberalism, philosophy of law, constitutionalism

For citation: Glushkova S.I., Islentyev S.O. Political and legal heritage of M.M. Speransky in the past and present of Russia: main ideas and approaches. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 107–119 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.12.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире потребность в приобщении к историческому опыту приобретает особое значение. Для России, в первой четверти XX в. резко изменившей курс на либерально-демократический путь развития общества и государства и столь же неожиданно вернувшейся на «демократические рельсы» в 90-х годах того же столетия, рассматриваемый процесс представляется крайне необходимым.

Зарождение российского либерализма на рубеже XVIII–XIX вв. было непосредственно связано с активным интересом со стороны интеллигенции, высшего чиновничества и прогрессивного дворянства к достижениям западноевропейской политико-правовой мысли и опыту реформирования политических институтов. Как следствие, в среде обозначенных категорий населения империи складывается соответствующее понимание роли основных либеральных постулатов в процессе развития российского общества.

Тем не менее многие отечественные мыслители отдавали себе отчет в том, что из-за особенностей исторического пути России

бездумное, автоматическое заимствование и усвоение европейского опыта не будет способствовать достижению эффективных результатов. В этих условиях формирование российского либерализма характеризовалось рядом отличий от западноевропейского. В частности, к таковым можно отнести преобладающую роль государства в политико-экономических и правовых отношениях, существование крепостничества, культивацию консервативных ценностей внутри крестьянских общин и дворянства, незначительный вес и роль буржуазии в российском обществе. Соответственно, отечественный либерализм изначально развивался в тесной взаимосвязи с консервативными идеями.

Родоначальником первой системной либеральной доктрины (правительственный либерализм) в российской политико-правовой мысли многими исследователями считается Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – один из видных государственных деятелей Российской империи первой половины XIX в., философ, политический мыслитель, реформатор, правовед, теоретик и практик. В силу многогранности его личности авто-

рами в настоящей статье, в зависимости от контекста, будут использоваться его характеристики как правоведа, мыслителя, государственного деятеля или реформатора.

Сперанский, без преувеличения, занимает особое место в отечественной истории. Это отмечают как российские, так и зарубежные исследователи. В частности, американский историк-россиевед Р. Пайпс в работе «Русская революция» указывает, что самым выдающимся государственным деятелем в истории России является П.А. Столыпин, а единственными его соперниками на этом поприще – М.М. Сперанский и С.Ю. Витте [1, с. 319].

Отечественные ученые тоже отдают должное выдающейся личности М.М. Сперанского. Например, О.М. Беляева выделяет его среди прочих как видного государственного деятеля, реформатора, автора проекта государственного преобразования Российской империи [2, с. 28]. Э.В. Краснов, подобно Р. Пайпсу, ставит его в один ряд с другими видными деятелями той эпохи – Г.Р. Державиным, Н.М. Карамзиным и т. д. – и дает Сперанскому следующую характеристику: «одна из ярчайших и талантливых фигур в отечественной теории государства и права, конституционализме, философии права конца XVIII – начала XIX в.» [3, с. 45]. Разумеется, можно встретить и более сдержанные оценки. В одних работах Сперанский представлен как приближенный императорской персоны [4, с. 4], а в других – как государственный политический деятель и родоначальник конституционности [5, с. 12].

Политико-правовое наследие Сперанского столь объемно и разнообразно, что внимание ученых к данной, безусловно, выдающейся личности не утихает до сих пор. Его богатая событиями биография, отдельные аспекты деятельности и творчества становятся объектом пристального изучения современных исследователей. Например, работы В.А. Томсинова посвящены Сперанскому как реформатору, государственному деятелю и мыслителю [6], а работы С.В. Кодана и Т.М. Баженовой – как правоведа, в них подчеркивается его бесценный личный вклад в дело систематизации российского законодательства [7].

Более того, исследователи до сих пор находят ранее неизвестные работы российского мыслителя. Так, К.П. Краковский недавно опубликовал тексты произведений Сперанского, хранящихся в отделе рукописей Российской

национальной библиотеки. Многие труды Сперанского размещены на сайте Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, причем не только сочинения и переписка реформатора, но и воспоминания о нем, исследования тех или иных аспектов его жизни и деятельности, изобразительные материалы. Также следует отметить подборку документов из фонда «Бумаги М.М. Сперанского» Российского государственного исторического архива. Разумеется, количество архивных учреждений и библиотек, хранящих труды выдающегося российского правоведа, указанным нами списком отнюдь не ограничивается.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ М.М. СПЕРАНСКОГО

Особый интерес для понимания сущности политико-правовых идей представляет интеллектуальная биография Михаила Михайловича. Он родился 1 января 1772 г. в селе Черкутино Владимирской губернии в семье сельского священника. В семилетнем возрасте его направили на обучение в семинарию. Благодаря своим личностным качествам, таким как безмерная тяга к знаниям, трудолюбие и умение показать себя, юный Сперанский наладил полезные связи, которые предоставили ему возможность для дальнейшего самообразования и продвижения.

По достижении 18-летнего возраста Сперанского зачислили в Александро-Невскую семинарию, куда отбирали лишь «надежнейших в благонравии, поведении и учении, и лучшего перед другими понятия». Именно в этот период формируется, как отмечает С.В. Кодан, «золотое перо» Сперанского, то есть стиль его мышления, ясность передачи мысли, язык выражения суждений и аргументации и т. д. [8, с. 462].

По милости прогрессивно настроенных преподавателей учащиеся семинарии могли ознакомиться с идеями французских просветителей Д. Дидро и Вольтера. Следует также отметить, что немалую роль в формировании политико-правовых воззрений молодого семинариста сыграли философские труды известных европейских ученых – Р. Декарта, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка и Г. Лейбница, которые тот изучал в период обучения. Позже Сперанский познакомился с работами классика немецкой философии И. Канта, когда те были переведены на известные ему языки.

И все же неверно утверждать, что политические взгляды Сперанского явились плодом случайного изучения философского наследия российских и западноевропейских мыслителей. Вопросы государственного устройства становились предметом его размышлений как минимум с 19-летнего возраста, подтверждением чего может служить речь, произнесенная будущим реформатором 8 октября 1791 г. Некоторые исследователи полагают, что это был первый яркий проблеск политической мысли Сперанского. Уже тогда он интересовался социально-политическими проблемами общества и хорошо понимал их, рассуждал о важности свободы личности. В первых философских сочинениях реформатора «О силе, основе и естестве», «Досуги за сентябрь 1795 года» обличались деспотизм и произвол, высмеивались тезисы о том, что только дворянин в своих поступках руководствуется честью и долгом, звучали призывы уважать гражданские права и достоинство русского человека.

Следующей важной вехой в развитии мировоззрения М.М. Сперанского, а также его профессиональной карьеры стало знакомство и сближение с князем А.Б. Куракиным, к которому Сперанский поступил на частную службу в качестве секретаря. В доме Куракина Михаил Михайлович близко знакомится с гувернером Брюкнером, обладавшим широким кругозором и увлекавшимся учением Вольтера. Комната гувернера стала своего рода дискуссионным клубом, где молодые люди активно обсуждали волновавшие их идеи и проблемы. Предположительно, в этот период окончательно складывается общественно-политическое мировоззрение Сперанского, которое впоследствии серьезно скажется на его обширных реформаторских планах.

После восшествия на престол император Павел I принимает решение назначить князя Куракина на должность генерал-прокурора. Будучи на хорошем счету у своего покровителя, Сперанский также получает отличную возможность продвижения по карьерной лестнице. С 1796 г. и до последних дней своей жизни он посвящает всего себя государственной службе.

При новом императоре, Александре I, способности М.М. Сперанского привлекли внимание ближайших друзей и сподвижников государя – членов Негласного комитета, в частности В.П. Кочубея, который славился ис-

кусством находить себе компетентных сотрудников. С 1802 г. Михаил Михайлович становится не только исполнительным подчиненным в Министерстве внутренних дел, но и близким другом и единомышленником графа Кочубея в планируемых либеральных преобразованиях. Последний поддерживал Сперанского на протяжении многих лет его реформаторской деятельности и во многом поспособствовал тому, чтобы обратить внимание императора на выдающиеся таланты своего протеже.

Однако по-настоящему поворотным в судьбе будущего российского реформатора был 1806 год, когда часто болевший В.П. Кочубей с докладами к императору стал посылать Сперанского. Сперанский быстро становится одним из ближайших сподвижников Александра I. Пик его дальнейшей карьеры – назначение в 1810 г. на должность госсекретаря Государственного совета Российской империи. В этот период Сперанский фактически становится самым влиятельным сановником в стране и вторым человеком в государстве.

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.М. СПЕРАНСКОГО

Вплоть до 1812 г. продолжалась плодотворная законотворческая деятельность Михаила Михайловича. Он предлагал императору довольно смелые по меркам своего времени проекты государственных реформ: принятие конституции, закрепление и обеспечение неотъемлемых прав личности, дарование подданным избирательных прав, создание Государственного совета, учреждение Государственной думы, выборность органов власти, реализация принципа разделения властей и др. В своих сочинениях и записках Сперанский регулярно ссылался на европейских авторов: французских просветителей, английских философов и правоведов, именитых мыслителей своей эпохи, пытаясь тем самым использовать их концепции в качестве теоретического фундамента для собственных реформ.

Размышляя о необходимости принятия конституции, М.М. Сперанский писал, что живые силы государства могут проявляться в двух противоположных друг другу формах: либо в единении друг с другом, либо по отдельности, распределяясь среди множества личностей. Проявление первой формы зако-

номерно приводит к усилению политических привилегий властных структур, в то время как проявление второй формы способствует поддержанию прав личности. Сперанский полагал, что «если бы права государственной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое» [9, с. 147].

Рабство, о котором писал Сперанский, подразделялось им на политическое и гражданское, а также на исключительно политическое. Первый тип считался наихудшим, поскольку не давал подданным возможности пользоваться государственной властью, не предоставлял «свободы располагать лицом их и собственностью в связи их с другими» [9, с. 147]. Рабство политическое рассматривалось как более мягкое в силу того, что ограничивало лишь в пользовании государственной властью. Соответственно, подданные лишались прав политических, но при этом за ними сохранялись права гражданские. Наличие последних позволяло правоведам говорить о существовании частноправовых отношений в государстве, а значит и свободы, хоть она и была ограниченной. Тем не менее даже такая свобода, по мнению реформатора, не имела прочных гарантий, что закономерно вело к ее повсеместному нарушению: «хотя права гражданские и могут существовать без прав политических, но бытие их в сем положении не может быть твердо» [9, с. 148].

В целях защиты гражданской свободы от любых возможных посягательств со стороны государства Сперанский предлагал принять конституцию, которая закрепляла бы за подданными их права «в виде первоначальных гражданских последствий, возникающих из прав политических» [9, с. 148]. Именно в издании основных законов он видел надлежащую гарантию гражданской свободы. Указанное требование красной нитью проходило через многие труды российского мыслителя и лежало в основе его плана государственных преобразований.

Во многом отношение Сперанского к конституции схоже с представлениями одного из видных деятелей французского Просвещения, Ш.Л. Монтескье, который считал, что правовое государство невозможно без конституции

[10, с. 154]. Данный тезис нашел отражение в тексте одного из важнейших источников права того времени – Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Российский реформатор, в свою очередь, интерпретировал его похожим образом, утверждая, что правление законное невозможно без Уложения. И хотя оно рассматривалось им только как часть конституции, содержало общие законы о взаимных правах подданных по отношению друг к другу и имуществу.

Государственная власть, в соответствии с идеями Сперанского, должна строиться на неких постоянных началах, а правительству, как органу, непосредственно реализующему властные полномочия, необходимо осуществлять свою деятельность, опираясь на прочную конституционно-правовую основу. Это позволило бы ограничить власть конституционно-правовыми пределами и предписаниями закона. При этом Сперанский, не являвшийся сторонником радикальных преобразований, неоднократно подчеркивал, что во избежание общественных потрясений решение по установлению в стране конституционного строя должно исходить только от императора. Здесь прослеживается влияние идей известного английского гуманиста и философа Ф. Бэкона, утверждавшего, что время – самый большой новатор. Сперанский отмечал, что государство должно соответствовать духу времени, и возлагал на главу государства обязанность по наблюдению за развитием общественного духа и приспособлению к нему политических систем государства. Это могло бы создать предпосылки для возникновения в России конституционного строя в силу «благодетельного вдохновения верховной власти», а не по причине «воспаления страстей и крайности обстоятельств» [11, с. 74].

Следующий комплекс идей российского мыслителя прямо вытекал из идеи конституционализма. Связан он непосредственно с утверждением Сперанского о том, что для подчинения власти коренным законам, не подлежащим изменениям, необходимо ее разделение. В своих работах правовед указывал на то, что «нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении» [9, с. 164]. Исходя из данной позиции, Сперан-

ский предлагал в основу государственного устройства Российской империи включить принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Особое внимание мы уделим законодательной ветви власти, поскольку именно в ее рамках Сперанским предлагались наиболее важные для страны преобразования.

Как известно, концепция парламентаризма в российской либеральной доктрине имела в основе своей европоцентристские корни. Один из ведущих исследователей российского либерализма, В.В. Леонтович, в свое время отмечал, что «идеологически и практически русский либерализм был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне» [11, с. 3]. Западные либеральные идеи оказывали немалое влияние на общественно-политическую мысль России еще с XVIII в., но в этот период проявлялось оно лишь в трансляции, как справедливо подчеркивает А.В. Матюхин, философского пафоса европейских концепций прав и вольностей, религиозной терпимости, равенства перед законом и судом, а также ограничения абсолютизма [12, с. 226]. Представителями российского либерализма идея парламента как законодательного или законосовещательного органа рассматривалась в контексте западноевропейской теории разделения властей и, следовательно, ассоциировалась с законодательной ветвью власти, осуществляющей функции народного представительства. В похожем виде рассматриваемая концепция отражена и в проекте Сперанского, который предполагал, что законодательную власть надлежит осуществлять двум парламентским институтам: Государственной думе и Государственному совету.

Полномочия законодательной ветви власти передавались избираемой населением Государственной думе. Она имела возможность предлагать поправки или дополнения в текст внесенных на обсуждение законопроектов, которые впоследствии утверждались императором. При этом избирательное право, позволяющее выдвигать свою кандидатуру или голосовать за того или иного кандидата, не являлось всеобщим, а предоставлялось лишь определенным категориям населения, то есть было ограниченным.

Теоретически, подобная система могла служить достаточной гарантией от произвола

правительства и способствовать возникновению подлинной ответственности министров. При этом никакой новый закон не мог быть издан без его рассмотрения в Государственной думе. А в случае, если закон отвергался большинством, то он не мог быть признан действительным и не подлежал утверждению императором.

Верхней палатой созданного российского парламента должен был стать Государственный совет. Он представлял, по замыслу Сперанского, в виде законосовещательного органа, координирующего законодательную деятельность в стране. Состав его формировался самим императором, который по совместительству являлся председателем данного органа (или лицо, им назначенное), как правило, путем удовлетворения ходатайств чиновников высшего ранга о назначении той или иной кандидатуры.

Полномочия Государственного совета определялись достаточно конкретно, что сильно отличало его от ранее действовавших совещательных органов. Все они закреплялись в п. 29 Манифеста об образовании Государственного совета, утвержденного 1 января 1810 г.¹ Весь функционал рассматриваемого органа можно с определенной долей условности поделить на 3 категории: совещательные, контрольные и судебные функции. Следует тем не менее отметить, что реализация некоторых из этих групп полномочий (контрольных и судебных), по современным меркам, выглядит сильно урезанной. Например, проведение контрольных мероприятий в отношении подотчетных субъектов выражалось только в заслушивании докладов данных органов, а также их должностных лиц, но без вмешательства в непосредственную деятельность. Судебный же функционал сводился к даче заключений по гражданским и уголовным делам, которые затем утверждались монархом.

Несмотря на тот факт, что этот орган в сущности своей являлся законосовещательным, трактовка некоторых положений указанного акта может говорить о наличии своего рода обязывающей силы в решениях большинства Государственного совета, хоть и довольно не-

1 Образование Государственного совета : Манифест от 01.01.1810. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3070/> (дата обращения: 01.12.2022).

значительной. Об этом позволяет судить п. 73, где указывается: «Вняв мнению Государственного совета, постановляем или учреждаем...»². Формулировка данной нормы свидетельствует о том, что в полномочия императора входит подтверждение только тех законопроектов, которые одобрены большинством общего собрания. Дополнительным подтверждением этого тезиса могут служить положения п. 54 и 55, в которых предусматривалось, что если кто-либо из Государственного совета не соглашался с общим заключением, то он мог приложить собственное особое мнение к журналу. Однако в случае, если император признавал мнение меньшинства достойным своего внимания, оно могло быть повторно представлено Совету для последующего рассмотрения.

Для Государственного совета, несмотря на его официальный статус верхней палаты российского парламента, Сперанский готовил особую роль в системе государственного управления. Он должен был стать учреждением, основная задача которого – обеспечение тесного сотрудничества органов публичной власти.

В этом ключе представляются интересными взгляды современных исследователей на природу Государственного совета. В частности, Е.С. Алпаткина, исследовавшая преемственность и различия в правовом статусе Госсоветов Российской империи и Российской Федерации, подчеркивает, что принципы, положенные Сперанским в основу обозначенного органа, практически не изменились [13, с. 56]. Следовательно, можно считать справедливым утверждение, что современный Государственный Совет фактически осуществляет свою деятельность на тех основополагающих началах, которые были заложены выдающимся российским реформатором в начале XIX в.

Для обеих палат новообразованного парламента Сперанским предусматривалась возможность осуществления контроля за всей системой исполнительной власти путем требований отчетов, публичной критики деятельности министерств или привлечения провинившихся чиновников к установленной законом ответственности. Реформатор отмечал, что сословию законодательному следует строить свою работу так, «чтобы оно не могло совершить своих положений без державной

власти, но, чтобы мнение его было свободно и выражало мнение народное» [9, с. 165].

Посредством идей конституционализма в проекте государственных преобразований М.М. Сперанского обеспечивается связь парламентаризма как концепции и учреждения, реализующего теорию разделения властей, с другой конституционной идеей – закрепления и гарантированности основных прав и свобод личности [14, с. 47].

Будучи ярким противником любых ограничений человеческой свободы, Сперанский выступал за предоставление каждому человеку возможности и права на самостоятельный выбор поступков и действий. Во многом испытав влияние европейских и американских либеральных идей, а также ряда западных правовых документов, успевших получить общественную практику, российский реформатор первым в отечественной истории выработал достаточно целостный подход к анализу проблематики прав и свобод личности.

Личность оценивалась Сперанским как субъект, совмещающий в себе индивидуальное и общественное начала. Индивидуальное начало ориентировалось в первую очередь на реализацию собственных естественных и неотчуждаемых прав. Общественное же начало непосредственно связывалось с возникновением института государства, в котором «личность остается главным движущим началом, но не действует исключительно, где она соотнобразяется с личностью других, где лицо не сливается с другими в союз общения, но где есть союз взаимопомощи» [15, с. 349].

За государством же закреплялась роль своего рода регулятора, который смог бы обеспечить гармонизацию индивидуальных волей и обозначить рамки социального, культурного, экономического и политического сожителства людей. Таковой функционал, как следствие, требовал формализации определенных морально-нравственных норм к условиям социальной действительности [16]. В этом ключе представляется интересным мнение В.В. Леонтовича, который отмечал, что у Сперанского «объединяются два момента: идеальная цель православного государства, а именно направлять народ к нравственному добру, и основной принцип либерализма, то есть поставить государство на службу защиты личной свободы и частной собственности

² Там же.

сти» [11, с. 91–92]. Безопасность и неприкосновенность личности, а также ее имущества составляют, по мнению Сперанского, общую суть гражданских прав и свобод, которые понимались как «независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных» [9, с. 83]. Это позволяет сделать вывод о том, что политико-правовая концепция российского реформатора носила либерально-консервативный характер.

Категория гражданских (личных) прав тесно связывалась Сперанским с принципом верховенства закона, в соответствии с которым только законом и судом определяется, может ли быть наказан человек. К разряду гражданских (личных) свобод также относился вопрос несения личной службы, подразумевающий, что подданный должен проходить службу только в определенных законом случаях, но не по воле иных лиц. Свобода вещественная же у него соотносится с основополагающим либеральным принципом – неизбежностью права частной собственности, содержание которого у Сперанского сводилось к праву подданных свободно распоряжаться своим имуществом и обязанности платить соответствующие подати только в установленных законом случаях или при добровольно взятых на себя обязательствах.

Несмотря на то что именно Сперанским впервые был предложен план реализации либерального принципа равенства всех перед законом, он допускал определенную дифференциацию гражданских прав для представителей различных сословий. Избирательный характер этих прав во многом объяснялся объективными различиями в образовании или доходах подданных. Реформатор считал, что «если допустить равенство во вступлении в службу и всех без различия подчинить одной очереди, тогда высшие звания наполнятся людьми, воспитанием к ним не подготовленными» [9, с. 181].

Этими обстоятельствами Сперанский обосновывал разделение общества на состояния: «из различия прав гражданских, общих или особенных, возникает различие состояний, различие, которое по самой необходимости допустить должно» [9, с. 181]. Правовед понимал, что такое разделение не вполне справедливо, приводил в пример страны Европы и США, где подобное разделение в правах не допускалось. Но при этом он добавлял, что в условиях рос-

сийской действительности перенять опыт этих стран на данном этапе развития общества и государства фактически невозможно.

Иным основанием для разделения состояний Сперанский считал политические права и свободы. Благодаря таковым подданный имел возможность принимать участие в деятельности государственной власти и ее органов, которые определяли права избрания и представления. Владеющий собственностью человек, как считалось, может лучше распорядиться предоставленными ему политическими правами. С другой стороны, наделение таковыми каждого человека закономерно привело бы к тому, что «...все избирательные силы народа перейдут в руки тех самых, кто наименее в доброте сих выборов имеют участие и наименее способны к правильному их усмотрению» [9, с. 185]. Также важно отметить, что право представления Сперанский считал более важным, нежели право избрания, а потому и минимальный доход для его реализации предполагался более высоким.

Все изложенное позволяет говорить о разделении Сперанским основных прав личности на три категории: права гражданские (общие и частные), а также политические. За указанной дифференциацией следует выделение им трех сословий (состояний): дворянства, людей среднего состояния и рабочего народа. Реформатор достаточно подробно указывал перечень прав и ограничений, предусмотренных для каждой категории населения.

Понимая всю важность социальной мобильности для эффективного общественного развития, Сперанский отстаивал в своих проектах реформ возможность облегчения межсословных перемещений среди российских подданных. Очевидно, что такого рода социальная структура общества попросту не могла бы сосуществовать с институтом крепостного права, в связи с чем требовалась его постепенная ликвидация.

Во многом предложения подобных нововведений и стали причиной последующей опалы Михаила Михайловича. За свои взгляды и попытки практической реализации некоторых западных идей он считался в высших кругах Российской империи «профранцузским советчиком», которого следовало бы убрать для успокоения общественного мнения. Наиболее же хлесткая критика в адрес Сперанского шла от известного историка и философа Н.М. Карам-

зина, который, настоятельно убеждая императора отказаться от предложений реформатора по преобразованию российского государства, указывал: «Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет, для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного уложения, чтобы торжественно перед лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже 6-ю или 7-ю экс-адвокатами и экс-якобинцами?» [17, с. 63].

Справедливы ли были высказанные обвинения? Пожалуй, лишь отчасти. С одной стороны, в политических и правовых текстах М.М. Сперанского того периода действительно прослеживались определенные тенденции, которых впоследствии станут придерживаться многие российские либеральные мыслители. В частности, речь идет о признании общности исторического процесса в Западной Европе и России, в силу чего предполагалось, что демократические преобразования в Российской империи будут гораздо успешнее при внимательном и последовательном заимствовании западного политико-правового опыта, стандартов и институтов. Тем не менее Сперанский прекрасно понимал, что слепое копирование достижений европейских стран не приведет к желаемым преобразованиям. Он подчеркивал в своей записке «Размышления о государственном устройстве империи», что «заимствование опыта других государств не изменит ситуации в стране, но приведет к знанию таких понятий как права, законы, преимущества, свободы» [18, с. 212]. Российской почве, по мнению реформатора, требовались постепенные вкрапления передовых аспектов правовой системы и политической культуры, которые успели сформироваться в западноевропейских государствах за прошедшие века. Умело и вовремя произведенные, они позволили бы России стать намного ближе к современным странам.

При этом заимствование европейского политико-правового опыта воспринималось Сперанским не как самоцель, но скорее как средство для достижения иной, более важной цели – соединить присущие российскому менталитету традиции и нововведения, чтобы дать России возможность развиваться на основе ее собственного потенциала. «Одно из главных правил лиц управляющих должно быть знать свой народ, знать время... Теории редко

полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий» [9, с. 76].

Из этого следует, что реформы Сперанского представляли собой не столько попытку критического заимствования и приложения западных политико-правовых концепций к российской действительности, сколько важный для отечественной истории прецедент особого подхода к реформированию. Он выступал, с одной стороны, за уважение к исторически сложившимся особенностям общества и государства, неповторимому темпу их развития, с другой стороны, был сторонником подкрепленной тщательным анализом и богатой эрудицией решительности в преобразовании объективно устаревших государственно-правовых институтов и политических практик.

Как следствие, реформы Сперанского, безусловно, прогрессивные для своего времени, можно считать достаточно умеренными, в чем-то даже очень консервативными. Свидетельством этого служит одна из записок реформатора – «Порядок и его следствия в государстве», в которой он высказал мысль о том, что реформы необходимы в первую очередь для сохранения государственного строя и недопущения его революционного слома, нежели ради прогресса как такового.

В сущности, социально-политические взгляды Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского были не столь уж различны. На многие вопросы эти две выдающиеся личности смотрели одинаково. Но против Сперанского сыграл тот факт, что содержание разработанных им проектов реформ оставалось практически неизвестным русскому обществу довольно длительное время. Первая публикация «Введения к Уложению государственных законов» вместе с рядом других документов из-за властных запретов и цензуры впервые стала доступна широкой общественности лишь в 1905 г. [7, с. 464]. Данное обстоятельство не позволило передовым слоям российского общества выступить в поддержку реформ и защитить от недоброжелателей самого реформатора. Данной точки зрения также придерживается В.А. Томсинов, отмечая, что «он, придававший в писанных на бумаге произведениях огромное значение при проведении реформ общественному мнению, когда дело дошло до самой практики осуществления их, совершенно исключил «дух народный» из числа своих

союзников. Он не сделал ни малейшей попытки ознакомить со своими проектами реформ русское общество, показать своим соотечественникам истинные цели и смысл своей деятельности... Отброшенное им в сторону как ненужный хлам общественное мнение было взято на вооружение его врагами и использовано против него самого» [19, с. 189]. Более того, даже наиболее прогрессивные представители дворянского сословия, которые впоследствии будут известны как декабристы, о политических проектах Сперанского смогли узнать лишь благодаря знакомству с его подчиненными, братьями Тургеневыми, в архивах которых хранились рукописи реформатора.

По указанной причине судили о Сперанском зачастую на основании слухов, которые представляли его исключительно как прозападного либерала, пытавшегося подогнать государственное устройство Российской империи под европейские образцы и не принимавшего во внимание русских традиций, народного духа и особых российских реалий. Некоторые исследователи считают, что Н.М. Карамзин этим слухам охотно верил и на их основании строил свою критику. Вероятно, того же мнения придерживался и сам Сперанский, который в письме А.А. Столыпину писал: «Пусть Карамзин меня бранит сколько угодно, а я хвалить «Историю» его не перестану. Разность между нами та, что он бранит меня, не зная, а я хвалю его с основанием» [20, стлб. 434].

В конце концов император, чувствуя серьезное сопротивление со стороны высшего чиновничества и дворянства, все же прислушался к критикам Сперанского и был вынужден снять его со всех должностей и отправить в почетную ссылку. Впрочем, спустя несколько лет, когда политическая обстановка стабилизировалась, Александр I, не забывший о своем выдающемся подчиненном, принял решение вернуть его на государственную службу. Активная деятельность Сперанского на должностях гражданского губернатора Пензенской губернии и генерал-губернатора Сибири в 1816–1821 гг. не осталась незамеченной в столице, и в 1821 г. он получил указание императора явиться в Санкт-Петербург. Былого влияния при дворе Сперанский вернуть так и не смог, но все же продолжал оставаться видной фигурой в системе высшего государствен-

ного управления Российской империи и доверенным лицом российских императоров.

После смерти Александра I в 1825 г. Сперанским был подготовлен Манифест о вступлении Николая I на престол. Уже на следующий год тот поручил Сперанскому возглавить кодификацию законодательства Российской империи и создал для этого соответствующее учреждение – Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Благодаря скрупулезной работе правоведа и его подчиненных были подготовлены два epochальных для истории российской юриспруденции документа: 45 томов «Полного собрания законов Российской Империи» и 15 томов «Свода законов Российской Империи». Таковыми их можно считать по двум основным причинам. Во-первых, следует отметить трудоемкость процесса составления подобного рода нормативных актов. Как указывает Ф.М. Дмитриев, вопрос о составлении полного систематического законодательства стоял на повестке у представителей государственной власти еще со времен Петра I, но успехов в этом деле добиться все не удавалось. Сперанский и его подчиненные смогли менее чем за 10 лет реализовать то, что не получалось ни у кого другого до них на протяжении целого столетия! Во-вторых, вклад, который внесли рассматриваемые нормативные акты (и, соответственно, их составитель) в развитие отечественной юриспруденции, сложно переоценить. Они фактически обеспечили устойчивую систему законодательства Российской империи, положили начало созданию отечественной юридической техники, позволили оценить возможности последующего развития отечественного законодательства и т. д. [21, с. 94].

Кроме того, проявлением высочайшего доверия к именитому правоведа со стороны монаршей особы может служить назначение Сперанского духовным наставником и преподавателем юридических наук наследника престола Александра Николаевича. Представляется очевидным, что масштабные реформы будущего императора Александра II были проведены в том числе под влиянием учителя. Об этом позволяет, в частности, говорить содержание их юридических бесед, отраженное в соответствующей записке, копия которой содержится в фонде К.Г. Репинского в Отделе рукописей Российской

национальной библиотеки. С 1838 г. и вплоть до своей смерти в 1839 г. М.М. Сперанский пребывал в должности председателя департамента законов Государственного совета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Богатая интеллектуальная биография Сперанского позволяет по праву отнести его к числу родоначальников российского либерализма. Более того, именно он является основоположником традиции осмысленного политического заимствования западноевропейского опыта и приложения его к российской действительности, которая в том или ином виде будет свойственна дальнейшему развитию отечественного либерализма, в том числе и в XXI в. Научные труды и проекты реформ именитого мыслителя способствовали формированию в российской политической теории концепции консервативного либерализма, окончательно оформившейся во второй половине XIX в.

М.М. Сперанского справедливо считают прогрессивным мыслителем и общественно-политическим деятелем Российской империи, отстаивавшим такие либеральные и демократические идеи, как необходимость разделения властей, закрепления и обеспечения прав и свобод личности, привлечения населения к управлению страной и т. д.

Несмотря на это, проведенные на основе указанных идей реформы были реализованы лишь во второстепенных мелочах, в то время как главные их положения остались на бумаге и достаточно долгое время были неизвестны обществу. Серьезным препятствием на пути воплощения проекта реформ были исторические обстоятельства: разразившиеся в Европе наполеоновские войны, нежелание подавляющей части населения страны (в особенности дворянского сословия) внедрить в государственную внутреннюю политику либеральные идеи. Как верно отмечает А.В. Семенов, предлагаемые Сперанским «общие права ограничивали крепостное право, существующее в то время в России. Первое из этих положений дает крепостным людям право суда и, отбирая его у помещиков, ставит их наравне со всеми перед законом. Второе положение ликвидирует право отдавать в службу без очереди. Помещики не признали ограничение их влияния над своими крепостными. Таким об-

разом, идея о наделении народа российско-го общими гражданскими правами в начале XIX века была несвоевременной» [22, с. 277]. Все сказанное во многом объясняет крайне негативную реакцию на большинство реформаторских проектов Сперанского.

Однако активная политическая деятельность Сперанского в начале XIX в. позволила создать теоретическую основу для дальнейшего развития концепции прав человека в российской либеральной мысли, а также иных непосредственно связанных с ней конституционных идей, которые не утратили значимости и в XXI в. Многие из проблем, которые Сперанский пытался решить, до сих пор являются предметом дискуссии между юристами и политологами. В частности, речь идет о необходимости соответствия государства духу времени, адаптации принципа разделения властей к текущим реалиям, создании системы обособленных и независимых друг от друга органов власти, организации деятельности и правовом статусе Государственного совета, а также многом другом. Нынешняя Конституция РФ и новые поправки к ней, внесенные в середине 2020 г., отражают многие из описанных аспектов творчества М.М. Сперанского. Так, С.Н. Бабурин полагает, что поправки, внесенные в Конституцию, потенциально способны исправить часть так называемых «неудобств» (причин необходимости реформ), которые Сперанский выделял в своих сочинениях (недостаток легитимности – «политического основания», планирования, доброй организации, а также смешение начал законодательных и исполнительных), сохранившихся в современном конституционализме. Также им отмечаются следующие схожие моменты: роль главы государства по отношению к трем ветвям власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ), осознание исторических, национальных и культурных особенностей российского общества (ч. 2 и 3 ст. 67.1 Конституции РФ) [23, с. 15–16]. Кроме того, положениями п. 5 ст. 83 Конституции РФ закрепляется статус Государственного Совета – государственного органа, концепция которого впервые была разработана именно Сперанским. Все изложенное позволяет сделать вывод о высокой практической значимости работ этого выдающегося российского мыслителя для современной России и необходимости обращаться к его политико-правовому наследию.

Список источников

1. Пайпс Р. Русская революция : в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917 : монография / Р. Пайпс. – Москва : Захаров, 2005. – 480 с.
2. Беляева О.М. Проект государственных реформ М.М. Сперанского / О.М. Беляева // История государства и права. – 2018. – № 3. – С. 28–33.
3. Краснов Э.В. Принцип разделения властей в трудах М.М. Сперанского / Э.В. Краснов // История государства и права. – 2019. – № 8. – С. 45–50.
4. Коновалова Л.Г. Зарождение идеи парламентаризма в России на рубеже XVIII–XIX веков / Л.Г. Коновалова // История государства и права. – 2019. – № 12. – С. 3–9.
5. Лебедев И.М. Исторические условия и предпосылки формирования конституционно-правовой концепции М.М. Сперанского / И.М. Лебедев, А.М. Мезавцов // История государства и права. – 2017. – № 2. – С. 11–14.
6. Томсинов В.А. М.М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований [Электронный ресурс]. – URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения: 06.12.2022).
7. Баженова Т.М. Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) / Т.М. Баженова, С.В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3 (60). – С. 110–119.
8. Кодан С.В. Творческое наследие М.М. Сперанского в издательских и исследовательских практиках (источниковедческий обзор) / С.В. Кодан // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 461–470.
9. Сперанский М.М. Проекты и записки / М.М. Сперанский. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1961. – 245 с.
10. Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме : монография / С.И. Глушкова. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2001. – 466 с.
11. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914 : монография / В.В. Леонтович. – Москва : Русский путь, 1995. – 550 с.
12. Матюхин А.В. Идея парламента в русской либеральной мысли XIX века / А.В. Матюхин // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3. – С. 225–237.
13. Алпаткина Е.С. Государственный Совет Российской Федерации: мифы и реальность / Е.С. Алпаткина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 55–60.
14. Овсепян Ж.И. Историческая связь парламентаризма с идеями конституции и основных прав и свобод человека / Ж.И. Овсепян // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2 (99). – С. 46–57.
15. Сперанский М.М. Понятие добра и пользы / М.М. Сперанский // Катетов И.В. Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель. – Казань : Типография Императорского университета, 1889. – С. 346–349.
16. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/speranskij_m/speranskij_rukovodstvo.html (дата обращения: 15.12.2022).
17. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России: монография / Н.М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991. – 127 с.
18. Курмаз А.И. Основопологающие идеи Сперанского о государственном устройстве Российской империи / А.И. Курмаз // Власть закона. – 2010. – № 2. – С. 211–215.

References

1. Pipes R. Russian Revolution. Moscow, Zakharov Publ., 2005. Vol. 1. 480 p.
2. Belyaeva O.M. The project of M.M. Speransky's government reforms. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and Law*, 2018, no. 3, pp. 28–33. (In Russian).
3. Krasnov E.V. The principle of separation of powers in the works by M.M. Speranskiy. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2019, no. 8, pp. 45–50. (In Russian).
4. Konovalova L.G. The origination of the idea of parliamentarism in Russia at the turn of the 19th century. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2019, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).
5. Lebedev I.M., Mezavtsov A.M. Historical conditions and prerequisites for the formation of the constitutional and legal concept of M.M. Speranskii. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2017, no. 2, pp. 11–14. (In Russian).
6. Tomsinov V.A. M.M. Speransky on the technology of government reforms. Available at: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf.
7. Bajenova T.M., Kodan S.V. Complete set of laws of the Russian empire (on the 175-anniversary of publication). *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2008, no. 3 (60), pp. 110–119. (In Russian).
8. Kodan S.V. The creative heritage of M.M. Speransky in publishing and research practices (source study review). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2022, no. 3, pp. 461–470. (In Russian).
9. Speransky M.M. Projects and notes. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 245 p.
10. Glushkova S.I. The problem of the legal ideal in Russian liberalism. Humanitarian University Publ., 2001. 466 p.
11. Leontovich V.V. History of liberalism in Russia 1762–1914. Moscow, Russkij put' Publ., 1995. 550 p.
12. Matiukhin A.V. The idea of parliament in Russian liberal thought of the XIX century. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2021, no. 3, pp. 225–237. (In Russian).
13. Alpatkina E.S. The State Council of the Russian Federation: myths and reality. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2021, no. 5, pp. 55–60. (In Russian).
14. Hovsepyan Zh.I. The historical connection of parliamentarism with the ideas of the constitution and fundamental human rights and freedoms. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2014, no. 2 (99), pp. 46–57. (In Russian).
15. Speransky M.M. The concept of good and benefit. *Katetov I.V. Count M.M. Speransky as a religious thinker*. Kazan, Imperial University Publ., 1889, pp. 346–349. (In Russian).
16. Speransky M.M. Guide to knowledge of laws. Available at: http://dugward.ru/library/speranskij_m/speranskij_rukovodstvo.html.
17. Karamzin N.M. Note on ancient and new Russia. Moscow, Nauka Publ., 1991. 127 p.
18. Kurmaz A.I. Speransky's fundamental ideas on the state structure of the Russian Empire. *Vlast' zakona = The rule of law*, 2010, no. 2, pp. 211–215. (In Russian).

19. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М. Сперанского / В.А. Томсинов. – 5-е изд., обновл. и доп. – Москва : Зерцало-М, 2013. – 476 с.

20. Письма Сперанского к А.А. Столыпину // Русский архив. – 1871. – Вып. 3. – Стлб. 431–484.

21. Кодан С.В. М.М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи / С.В. Кодан // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 4 (8). – С. 89–95.

22. Семенов А.В. Проекты М.М. Сперанского – политическая мечта или политические провиденции / А.В. Семенов // П.А. Столыпин: традиции реформирования России : сборник статей международной научной конференции / отв. ред. Д.Ф. Аяцков. – Саратов, 2012. – С. 271–283.

23. Бабурин С.Н. Смысл и формы совершенствования государственного права России: М.М. Сперанский и современный конституционализм / С.Н. Бабурин // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М.М. Сперанского / под ред. Е.Е. Тонкова и В.Ю. Туралина. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – С. 14–20.

19. Tomsinov V.A. The luminary of the Russian bureaucracy: a historical portrait of M.M. Speransky. 5th ed. Moscow, Zercalo-M Publ., 2013. 476 p.

20. Letters from Speransky to A.A. Stolypin. *Russkij arhiv = Russian Archive*, 1871, iss. 3 col. 431–484. (In Russian).

21. Kodan S.V. M.M. Speransky and the creation of Law Codes of the Russian Empire. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2010, no. 4 (8), pp. 89–95. (In Russian).

22. Semenov A.V. Projects of M.M. Speransky – political dream or political providences. *Ayatskov D.F. (ed.). P.A. Stolypin: traditions of reforming Russia. Collection of articles of an international scientific conference*. Saratov, 2012, pp. 271–283. (In Russian).

23. Baburin S.N. The meaning and forms of improving state law in Russia: M.M. Speransky and modern constitutionalism. *Tonkova E.E., Turanina V.Yu. (eds.). Current problems of state and legal reforms in Russia: history and modernity. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of the birth of the outstanding statesman, reformer and scientist M.M. Speransky*. Belgorod State University Publ., 2022, pp. 14–20. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой прав человека;

Ислентьев Станислав Олегович – аспирант кафедры прав человека.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Glushkova Svetlana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Human Rights;

Islyentyev Stanislav Olegovich – Postgraduate Student of the Department of Human Rights.

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 22.08.2023. The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 22.08.2023.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 502.34
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.13

Original article

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: marina.arochka@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7940-1020>

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

КУРБАНОВ Дени Абасович
Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия;
e-mail: kurbanov.d.1957@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2899-4978>

KURBANOV Deni Abasovich
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

САМИГУЛЛИН Рафис Минниханович
Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия;
e-mail: tekwin@mail.ru

SAMIGULLIN Rafis Minnikhanovich
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ГЕОПАРКОВ В РОССИИ

TO THE ISSUE OF NORMATIVE REGULATION OF THE LEGAL REGIME OF GEOPARKS IN RUSSIA

Аннотация. Актуальной проблемой современно-го российского законодательства, по мнению значительной части специалистов по правовой охране природных ресурсов, остается отсутствие адекватного правового регулирования отношений по управлению и использованию геопарков. Отсутствие единого правового механизма осуществления хозяйственной деятельности, использования и охраны комплексных объектов геологического наследия не только создает правовую неопределенность (что в значительной степени является проблемой практического порядка), но и негативно сказывается на эволюции природоресурсного законодательства. Цель: анализ современных научных исследований и концептуальных положений о понятии, признаках, характеристиках геологических объектов, формулирование научно обоснованных выводов и предложений в целях правовой регламентации отношений по управлению и использованию геопарков. Методы: эмпирические, теоретические, частнонаучные. Результаты: сформулированы предложения для разработки нормативного правового акта, регулирующего отношения в области правовой охраны, управления и использования геопарков.

Abstract. According to a significant part of experts in the legal protection of natural resources, the lack of adequate legal regulation of relations on the management and use of geoparks remains a pressing problem of modern Russian legislation. The lack of a unified legal mechanism for the implementation of economic activities, use and protection of complex geological heritage sites not only creates legal uncertainty (which is largely a practical problem), but also has a negative impact on the evolution of natural resource legislation. Purpose: to analyze modern scientific research and conceptual provisions on the concept, features, characteristics of geological objects, to formulate scientifically based conclusions and proposals for the legal regulation of relations on the management and use of geoparks. Methods: empirical, theoretical, specific scientific methods. Results: the study makes it possible to formulate proposals for the development of a normative legal act regulating relations in the field of legal protection, management and use of geoparks.

Ключевые слова: геопарк, особо охраняемая территория, правовой режим, законодательство, правовая охрана

Для цитирования: Арутюнян М.С. К вопросу о нормативном закреплении правового режима геопарков в России / М.С. Арутюнян, Д.А. Курбанов, Р.М. Самигуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 120–130

Keywords: geopark, specially protected area, legal regime, legislation, legal protection

For citation: Arutyunyan M.S., Kurbanov D.A., Samigullin R.M. To the issue of normative regulation of the legal regime of geoparks in Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 120–130 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.13.

ВВЕДЕНИЕ

Значительные геополитические преобразования последних лет, экономическая и финансовая ситуация оказывают весомое влияние на смену формации туристической и экскурсионной инфраструктуры России. Наблюдается значительное преобладание внутригосударственных и региональных направлений в сфере отдыха и рекреации. В связи с этим определенный интерес проявляется к изучению геонаследия и проблеме обеспечения доступности и комфортности инфраструктуры для заинтересованных в таком виде туризма лиц.

Геотуризм не является формой массового туризма и поэтому создает возможность устойчивого развития отдельных территорий, глобально не угрожая ценностям окружающей среды. В этой связи особого внимания заслуживает концепция геопарков, относительно новая и требующая внимания как с позиции научной разработки, так и в аспекте правового регулирования возникающих в данной сфере отношений.

ГЕОПАРК: ПОНЯТИЕ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Повышение активности субъектов Российской Федерации по созданию на своих территориях геопарков вызывает необходимость концептуального осмысления сущности данного вида объектов и создания унифицированного механизма правового регулирования возникающих в этой сфере отношений. При этом в России до сих пор не выработано легальное определение геопарка, что создает проблемы правовой регламентации их деятельности, которая, несмотря на достаточно длительное существование научного интереса к проблеме рецепции международного опыта правового регулирования геопарков,

тоже законодательно не урегулирована на федеральном уровне [1, с. 5–6]. Отсутствие нормативной правовой основы является причиной принятия правовых актов органами власти субъектов Российской Федерации, которые зачастую ориентированы на конкретный геопарк и не могут применяться в качестве акта общего правового действия даже в пределах этого субъекта. Указанное, впрочем, нисколько не умаляет ценность таких законодательных инициатив [2, с. 15]. Более того, они являются единственно возможным в существующих условиях средством легализации и закрепления особого правового статуса территорий, правовая охрана, использование и управление которой позволяют называть этот объект геопарком.

Пункт 2 ст. 2 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»¹ (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ) содержит исчерпывающий перечень объектов, которые в соответствии с данным законом могут выступать объектами особой правовой охраны. Отсутствие в данной норме упоминания геопарков позволяет установить режим особой правовой охраны в отношении геологических компонентов природы только при условии их включения в состав иных предусмотренных данным нормативным правовым актом объектов. Однако в таком случае геокomпонент будет подчинен режиму правовой охраны этой особо охраняемой природной территории, что не всегда соответствует целям и задачам геопарков. В частности, установление запретов на осуществление хозяйственной и иной деятельности, типичных для большинства особо

¹ Об особо охраняемых природных территориях : Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 № 77-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102034651> (дата обращения: 12.07.2022).

охраняемых природных территорий, не позволит использовать геопарки для туристических и иных целей.

Геопарк является следствием георазнообразия парадигмы, объединяющей ее компоненты во взаимосвязанную сеть, направленную на сохранение и использование природного и культурного наследия. Концепция геопарка возникла в Европе в конце 1980-х годов как следствие движения ProGEO, чьи усилия направлены на привлечение внимания к неотложным проблемам геологической защиты природных объектов. Далее эта идея была поддержана ЮНЕСКО. С самого начала режим геопарка обеспечивал такой подход, чтобы геологическое значение района могло быть сохранено и популяризировано для науки, образования и культуры через развитие ответственного туризма. Несомненно, опыт правовой регламентации исследуемой сферы отношений приобретает особую ценность в аспекте формирования нормативной правовой базы в России [3, с. 29].

В 2004 г. 17 европейских и 8 китайских геопарков объединились, чтобы сформировать Глобальную сеть геопарков для обмена и сотрудничества в области сохранения геологического наследия.

17 ноября 2015 г. 195 государств – членов ЮНЕСКО ратифицировали создание нового лейбла «Глобальные геопарки ЮНЕСКО» на 38-й Генеральной конференции Организации. Это свидетельствует о признании правительствами важности целостного управления выдающимися геологическими объектами и ландшафтами. В настоящее время насчитывается 195 глобальных геопарков ЮНЕСКО в 48 странах².

ЮНЕСКО было выработано определение глобального геопарка – это единые географические области, в которых объекты и ландшафты международного геологического значения управляются с помощью целостной концепции защиты, образования и устойчивого развития³.

Неотъемлемой ценностью концепции геопарка является устойчивое местное развитие.

Этот аспект освещает ее основные цели, вытекающие из обязательства включать местное население в деятельность геопарка. ЮНЕСКО перечисляет десять основных направлений для глобального геопарка. При этом акцент делается на образовании, которое фокусируется на поиске действенных подходов к обучению с целью распространения экологических и социальных ценностей.

Концепция геопарка динамична и в то же время сложна в силу своего конструктивного характера, позволяет адаптироваться к различным реалиям, например, с учетом формы управления: государственные и частные. На веб-сайте глобальных геопарков ЮНЕСКО можно проверить различные формы организации и управления геопарками. Например, в 2007 г. был обнародован испанский закон о природном наследии и биоразнообразии, который придает юридический статус понятию «геопарк» – это место, представляющее геологический интерес или георазнообразие, дающее автономным сообществам компетенцию по управлению и защите этих территорий [4, с. 332].

Необходимым условием развития геопарков является правильное пространственное планирование, управление и подготовка соответствующей инфраструктуры. Таким образом, геопарки можно рассматривать как функциональные зоны – пространственные структуры, состоящие из функционально связанных территорий с едиными целями развития.

Поскольку геопарки эффективно способствуют охране и продвижению геонаследия, обеспечивают образование в области наук о Земле и смежных областях и способствуют развитию устойчивого туризма, они должны функционально поддерживаться законодательством на национальном уровне.

Действующее законодательство Российской Федерации не определяет правовой режим геопарков и не содержит указание на существование такой категории особо охраняемой природной территории. В то же время п. 3 ст. 2 Федерального закона № 33-ФЗ предоставляет возможность устанавливать «иные», не указанные в данном правовом акте, категории особо охраняемых природных территорий актами субъектов Российской Федерации. Таким образом, допускается издание законов, признающих особое значение геопарков и от-

² Список глобальных геопарков и региональных сетей ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/en/igpp/geoparks#full-list-of-unesco-global-geoparks> (дата обращения: 11.07.2023).

³ Глобальные геопарки ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/en/igpp/geoparks/about?hub=67817> (дата обращения: 11.07.2023).

несение их к числу особо охраняемых территорий на региональном и местном уровнях. Буквальное толкование данной нормы позволяет судить о том, что особая правовая охрана таких территорий устанавливается исключительно в интересах муниципальных образований или субъектов Российской Федерации, на территориях которых расположены геопарки. Очевидно, однако, что имеющиеся в России геопарки ценны не только для нашего государства, некоторые имеют мировое значение. Так, решением Совета по глобальным геопаркам ЮНЕСКО от 1 сентября 2019 г. геопарк «Янган-Тау», расположенный на территории Республики Башкортостан, включен в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО. Примечательно, что на сегодняшний день это единственный объект Российской Федерации, включенный в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО, в то время как, например, Китай представлен более чем 40 геопарками, Испания – 15, Италия – 11.

Геологические особенности и уникальность территории Южного Урала, во многом предопределили возможность создания такой особой территории [5, с. 4–5], однако географические и геологические ресурсы России способны обеспечить более широкое представительство в Глобальной сети при наличии соответствующего намерения и решении ряда организационных вопросов [6, с. 77]. Указанное, по нашему мнению, подтверждает необходимость разработки нормативных правовых актов, регулирующих вопросы установления правового режима, управления и использования территорий, включающих в себя объекты, имеющие особую геологическую, биологическую, экологическую ценность, представляющие научный, образовательный, культурный, исторический и туристский интерес на федеральном уровне [7, с. 32].

В целях совершенствования правового регулирования и концептуальной разработки института геопарка в России предлагаем изучить опыт становления и деятельности геопарка «Янган-Тау», существующее нормативное правовое обеспечение его деятельности.

«ЯНГАН-ТАУ»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ, ПРАВОВОЙ РЕЖИМ

Глобальный геопарк ЮНЕСКО «Янган-Тау» с правовой точки зрения представляется

комплексным многоаспектным явлением. На базе Акционерного общества Санаторий «Янган-Тау» в 2019 г. была зарегистрирована Автономная некоммерческая организация «Центр науки, просвещения, экологии, культуры и туризма «Геопарк Янган-Тау»»⁴. Учредителями организации являются Государственный комитет Республики Башкортостан по туризму, Акционерное общество Санаторий «Янган-Тау», Салаватский муниципальный район Республики Башкортостан. В качестве основного вида экономической деятельности в учредительных документах указана деятельность по предоставлению туристических информационных услуг⁵. Таким образом, можно констатировать, что основные цели, декларируемые международными организациями для геопарков, в России достигаются посредством функционирования некоммерческой организации. В рамках деятельности Центра сегодня реализуется программа по созданию учебно-научной базы, объединяются усилия местных жителей, в том числе предпринимателей, для реализации культурных, просветительских проектов. С точки зрения определения правового режима территории имеются некоторые неясности. Парк объединяет более 20 самостоятельных объектов, обладающих в соответствии с законом Российской Федерации статусом особо охраняемой территории (памятники природы), три из которых имеют международное, а 10 – национальное значение. При этом особый эколого-правовой статус на всю территорию парка не распространяется.

В целях устранения правовой неопределенности, нормативного закрепления правового режима такой категории охраняемой территории, как геопарк, 22 сентября 2022 г. Государственным Собранием – Курултем Республики Башкортостан был принят Закон Республики Башкортостан «О геопарках в Республике Башкортостан» (далее – Закон РБ о геопарках). В обоснование необходимости принятия данного акта было указано, что он разработан в целях законодательного регулирования деятельности геопарков в Республике Башкортостан в соответствии с поручением Попечительского

⁴ Офиц. сайт геопарка «Янган-Тау» [Электронный ресурс]. URL: <https://geopark-yangantau.ru/> (дата обращения: 11.07.2023).

⁵ Rusprofile [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/11818394> (дата обращения: 11.07.2023).

совета по геопаркам в Республике Башкортостан от 10 декабря 2020 г. № 1-3-750-7/2020.

Проект Закона РБ о геопарках закрепляет понятие «геопарк», регламентирует порядок создания геопарков в Республике Башкортостан и утверждения их границ, определяет основные задачи и направления деятельности по развитию геопарков в Республике Башкортостан, а также предусматривает осуществление государственной поддержки развития геопарков в Республике Башкортостан и управления ими. В общей сложности в Закон РБ о геопарках включено 9 статей, содержание которых, по нашему мнению, не способно в полной мере охватить все требующие правового регулирования сферы отношений, возникающих в связи с созданием, управлением и использованием территорий геопарков. Например, ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» содержит определение только понятия «геопарк», который в соответствии с данной нормой является территорией, включающей в себя объекты, имеющие особую геологическую, биологическую, экологическую ценность, представляющую научный, образовательный, культурный, исторический и туристский интерес. Данная характеристика представляется несколько поверхностной. Кроме того, обращает на себя внимание общая лаконичность данной статьи, так как иные понятия, используемые в Законе РБ о геопарках, используются в значениях, определенных законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Башкортостан.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ГЕОПАРКАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Раздел 1. Общие положения. По аналогии с базовыми нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в области правовой охраны компонентов природы, считаем, что закон Российской Федерации, регулирующий правовой режим геопарков, должен открывать раздел, содержащий общие положения. В числе таковых предлагаем прежде всего определить круг нормативных правовых актов, регулирующих отношения, составляющие предмет правового регулирования, и порядок их применения; механизм разграничения полномочий между органами исполнительной

власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в области создания и функционирования геопарков; порядок разработки положений о геопарках и концепции их охраны и устойчивого развития; возможность участия граждан и организаций, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, в создании, охране и использовании геопарков; применяемые в законе понятия и их определения; субъекты и объекты правовой охраны; принципы правового регулирования отношений, возникающих в связи с созданием, управлением и использованием геопарков; особенности регулирования земельных, градостроительных и иных отношений в пределах территориальных границ геопарков.

Закрепляя круг источников правового регулирования отношений в области охраны, управления и использования геопарков, целесообразно установить, что законодательство России о геопарках основано на положениях Конституции РФ и состоит из данного закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, включая гражданское законодательство, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Возникающие при использовании геопарков отношения по поводу земельных, водных, лесных и иных ресурсов регулируются соответствующими нормативными правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов.

Полагаем, что геопарки, исходя из значимости и возможности хозяйственного использования, могут быть федерального, регионального или местного значения. Соответствующие органы исполнительной власти принимают решение о создании геопарков, зонировании их территорий, обеспечивают финансирование расходов в соответствии с Бюджетным кодексом РФ и иными нормативными правовыми актами.

Исполнительные органы государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации обладают следующими полномочиями в отношении созданных на основании их решений геопарков:

1) подготовка и принятие нормативных правовых актов в области охраны, управления и использования геопарков, объектов геологического наследия, создания особо охраняемых природных территорий;

2) учет и мониторинг геопарков, объектов геологического, иного природного и культурного наследия в порядке, установленном уполномоченным Правительством РФ органом исполнительной власти;

3) создание механизма охраны, контроля и регулирования использования объектов геологического, иного природного и культурного наследия территорий геопарков;

4) организация международного, всероссийского и межрегионального сотрудничества в области охраны и рационального использования геологического, иного природного и культурного наследия, развития геопарков;

5) реализация единой научно-технической и образовательной политики, организация и финансирование образовательных программ, фундаментальных и прикладных научных исследований в области изучения, охраны и использования объектов геологического, иного природного и культурного наследия;

6) информационное обеспечение в области охраны и рационального использования объектов геологического, иного природного и культурного наследия.

Полномочия федеральных органов исполнительной власти в области создания, управления и использования геопарков могут передаваться для осуществления органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в порядке, установленном Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Органы местного самоуправления наделяются отдельными полномочиями в области охраны, управления и использования геопарков в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶.

Полагаем, регулирование земельных и градостроительных отношений в населенных пунктах, расположенных на земельных участках, на которых созданы геопарки, должны регулироваться комплексно. Так, населенные пункты могут находиться на территориях геопарков как полностью, так и частично, без изъятия расположенных на них земельных участков и иной недвижимости у правообладателей, если это не противоречит режиму геопарков. Такие населенные пункты или их части включаются в состав функциональных зон геопарков, режим которых допускает осуществление хозяйственной деятельности. оборот земельных участков на территориях населенных пунктов, включенных в состав геопарков, не ограничивается. Использование земельных участков на территориях населенных пунктов, включенных в состав геопарков, должно осуществляться с учетом режима охраны геопарков. Градостроительный регламент применительно к территории такого населенного пункта устанавливается в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности. Положением о геопарке могут устанавливаться особые требования к градостроительному регламенту.

Правовое регулирование отношений в области охраны, управления и использования геопарков, по нашему мнению, может основываться на следующих принципах:

1) приоритет охраны геопарков перед использованием их ресурсов и объектов;

2) обеспечение правовой охраны, устойчивого существования и развития территорий геопарков, сохранение геологического и природного наследия в границах территорий геопарков;

3) охрана, управление и использование ресурсов геопарков на основе целостной концепции их образования, защиты и устойчивого развития;

4) использование геологического наследия геопарков в целях обеспечения устойчивого потребления ресурсов, снижения негативных последствий изменения климата и сокращения рисков, связанных с опасными природными явлениями;

5) использование геологического и природного наследия в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, способами и формами, обеспечивающими их сохранение;

6) повышение инвестиционной привлекательности территорий геопарков, развитие партнерских отношений между геопарками и хозяйствующими субъектами в целях обеспечения устойчивого сохранения и использования ресурсов геопарка;

⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. от 29.05.2023 № 184-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083574> (дата обращения: 11.07.2023).

7) зонирование территорий геопарков в целях обеспечения баланса охраны и использования ресурсов геопарков;

8) обеспечение возможности участия граждан и организаций в подготовке и принятии решений, касающихся охраны и использования геопарков, геологического и природного наследия, в порядке и формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

9) учет интересов лиц, проживающих на территориях геопарков;

10) платность пользования услугами в сфере рекреационной и туристической деятельности на территориях геопарков;

11) осуществление комплексных научных исследований и мониторинг в области геологического, иного природного и культурного наследия на территориях геопарков.

Полагаем, что при закреплении понятия «геопарк» его следует рассматривать как территорию (в том числе объединяющую несколько земельных участков), границы которой определены, описаны и зарегистрированы в установленном порядке, на которой управление геологическими объектами, ландшафтами, а также иными объектами природного и культурного наследия местного, регионального и международного значения и их использование осуществляется на основе целостной концепции охраны и устойчивого развития. Правовой режим особо охраняемых природных территорий, достопримечательных мест, объектов культурного и природного наследия и иных подлежащих особой правовой охране объектов, находящихся в границах территории геопарка и созданных в установленном законодательством порядке, регулируется соответствующими правовыми актами. Управление геопарком на основании решения о создании, принимаемого исполнительным органом власти субъекта Российской Федерации, осуществляется некоммерческой организацией любой организационно-правовой формы, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, в состав учредителей которой входят в том числе органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и (или) органы местного самоуправления данной территории.

В связи с установлением в отношении геопарков особой правовой охраны считаем, что

целесообразно легализовать понятие «особо охраняемый геологический объект», то есть объект, отнесенный к особо охраняемым природным территориям в порядке, установленном законодательством Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, в связи с тем, что он имеет особое геологическое, научное, образовательное, культурное, эстетическое, санаторно-оздоровительное и иное значение.

Полагаем, требует легализации и понятие «геологическое наследие» – элемент природного наследия, представляющий отдельный или совокупность доступных для непосредственного изучения геологических объектов, обладающих ценностью с точки зрения истории, археологии, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры, нуждающийся в охране. Отметим, что некоторые аспекты накопленного зарубежного опыта правового регулирования отношений по охране объектов природного наследия выступают предметом научного изучения [8, с. 15].

Предлагаем установить в законодательстве следующую цель создания геопарков: сохранение природы и ее особых геологических компонентов, культурных традиций, развитие территории на принципах устойчивого и гармоничного сосуществования общества и природы, развитие туризма, популяризация геологии и науки в целом.

Среди задач создания, управления и использования геопарков могут быть указаны:

1) реализация комплекса мероприятий, направленных на сохранение объектов геологического, природного и культурного наследия, в рамках реализации программ комплексного развития территорий геопарков;

2) привлечение граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц к деятельности по сохранению, развитию и популяризации геологического, иного природного и культурного наследия территорий геопарков;

3) сотрудничество с научными и образовательными организациями в целях проведения на территориях геопарков научных исследований, в том числе в области наук о Земле;

4) организация и проведение образовательных, просветительских, культурных мероприятий с целью распространения информации о геологическом, экологическом, культурном наследии территории геопарка;

5) разработка механизмов рационального использования природных ресурсов, в том числе с применением инновационных методов и технологий.

Сферу правового регулирования закона должны составлять две группы отношений: по созданию, управлению и использованию территорий геопарков с учетом необходимости обеспечения условий для сохранения геологического наследия и охраны геологических объектов, объектов природного и культурного наследия; имущественные и личные неимущественные отношения, связанные с оказанием услуг в сфере организации рекреационной, туристической и экскурсионной деятельности.

Раздел 2. Создание, управление и использование геопарков. Нормы данного раздела закона должны регулировать отношения в области создания и использования ресурсов геопарков, а также управления ими. Здесь следует закрепить: цели и задачи геопарков как объектов особой правовой охраны; порядок создания, включая учет, и упразднения геопарков; режим особой правовой охраны территории геопарков и его зонирование; виды деятельности, осуществляемые в пределах территорий геопарков; полномочия органа управления геопарком (юридического лица) и порядок их осуществления, включая механизм взаимодействия с гражданами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, реализующими товары, выполняющими работы и оказывающими услуги в сфере научной, культурной, туристической и иной деятельности; особенности финансирования деятельности геопарков.

Создание, управление и использование геопарков должно осуществляться в порядке, установленном Правительством РФ. В то же время исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий должны иметь возможность принимать правовые акты, определяющие порядок создания, управления и использования геопарков, что позволит применять более индивидуальный подход на конкретной территории с учетом ее ценности, компонентного состава, возможности вовлечения в хозяйственный оборот.

Исходя из значимости ресурсов, целесообразно предусмотреть различные виды геопар-

ков: федерального значения, создание которых должно осуществляться на основании решения Правительства РФ, принимаемого по представлению уполномоченного Правительством РФ федерального органа исполнительной власти; регионального значения, образуемых на основании решения исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации; местного значения, учреждаемых на основании решения исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации по представлению органов местного самоуправления. Полагаем, что такие решения следует принимать по результатам изучения и оценки научно и финансово обоснованных предложений, а также разработки проектов положений о конкретном геопарке.

В целях установления комплексного режима использования территории геопарков целесообразно осуществлять ее зонирование. Данный подход отмечен рядом исследователей [9, с. 3]. С учетом особенностей геопарков в пределах их территорий возможно установление следующих видов зон:

1) заповедная зона, предназначенная для сохранения геологических объектов и природной среды в естественном состоянии, в границах которой запрещается осуществление любой экономической деятельности;

2) зона особой охраны, установленная в целях сохранения геологических объектов и природной среды в естественном состоянии, в границах которой допускается проведение экскурсий, посещение в целях туризма;

3) рекреационная зона, предназначенная для осуществления рекреационной деятельности, развития физической культуры и спорта, размещения объектов туристской индустрии, музеев и информационных центров;

4) зона охраны объектов природного и культурного наследия, предназначенная для обеспечения сохранения данных объектов, в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности;

5) зона хозяйственного назначения, в границах которой допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования геопарка и жизнедеятельности граждан, проживающих в границах его территории;

6) зона традиционного экстенсивного природопользования, предназначенная для

обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, в границах которой допускается осуществление традиционной хозяйственной деятельности и связанных с ней видов неистощительного природопользования.

На территориях геопарков целесообразно установить запрет на осуществление любой деятельности, которая может причинить вред природным комплексам и объектам растительного и животного мира, культурно-историческим объектам и которая противоречит целям и задачам геопарков. В границах геопарков могут быть запрещены или ограничены виды деятельности, влекущие за собой снижение экологической, эстетической, культурной и рекреационной ценности их территорий. В целях сохранения геологических объектов, находящихся на территориях геопарков, их использование может быть ограничено, приостановлено или запрещено. Конкретные особенности, зонирование и режим каждого геопарка, как нами было отмечено, должно определяться положением.

Раздел 3. Охрана геопарков. Ответственность за нарушение законодательства о геопарках. В данный раздел следует включить нормы, устанавливающие механизм государственного и муниципального контроля в области охраны и использования геопарков; закрепить права должностных лиц органов и учреждений, осуществляющих государственный контроль (надзор) в области охраны и использования геопарков; определить формы и виды ответственности за нарушение законодательства о геопарках, основание, условия и порядок применения санкций; порядок и формы рассмотрения и разрешения споров, возникающих в связи с созданием, охраной и использованием геопарков.

Государственный и муниципальный контроль в области охраны, управления и использования геопарков осуществляются посредством:

1) федерального государственного контроля (надзора) в области охраны, управления и использования геопарков, осуществляемого в соответствии с положением, утвержденным Правительством РФ:

– федеральными государственными бюджетными учреждениями – в отношении управляемых ими геопарков федерального значения;

– федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ, – в геопарках федерального значения;

2) регионального государственного контроля (надзора) в области охраны, управления и использования геопарков, осуществляемого в соответствии с положениями, утверждаемыми высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации:

– государственными бюджетными учреждениями – в отношении управляемых ими геопарков регионального значения и их охранных зон;

– уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации – в геопарках регионального значения и в границах их охранных зон, которые не находятся под управлением государственных бюджетных учреждений;

3) муниципального контроля в области охраны, управления и использования геопарков, осуществляемого уполномоченными органами местного самоуправления в соответствии с положениями, утверждаемыми представительными органами муниципальных образований.

Законодательством Российской Федерации устанавливается ответственность за нарушение режима геопарков и охранных зон геопарков. Вред, причиненный природным объектам и комплексам в границах особо охраняемых природных территорий, подлежит возмещению в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера ущерба, а при их отсутствии – по фактическим затратам на их восстановление.

Раздел 4. Заключительные положения. В данном разделе следует урегулировать порядок вступления закона в силу, возможные изменения иных нормативных правовых актов в связи с принятием данного закона, предусмотреть механизм вступления закона в силу и необходимость внесения дополнений в КоАП РФ, УК РФ, иные нормативные правовые акты Российской Федерации и ее субъектов.

В целях обеспечения возможности осуществлять на территориях геопарков экономическую деятельность полагаем, что по аналогии с иными особо охраняемыми природ-

ными территориями, такими как природные заповедники, национальные парки, природные парки, природные заказники, дендрологические парки и ботанические сады, Федеральному агентству по техническому регулированию и метрологии следует ввести в общероссийский классификатор видов экономической деятельности код 91.04.7 – Деятельность геопарков.

Эта группировка видов деятельности, по нашему мнению, должна включать:

- осуществление охраны территорий геопарков с учетом наличия в их границах особо охраняемых природных объектов, в том числе объектов геологического наследия, в целях их сохранения и поддержания;
- организацию и проведение научных исследований, сотрудничество с научными и образовательными организациями в целях проведения исследований в области наук о Земле и других сферах;
- содействие в подготовке научных кадров и специалистов в области охраны окружающей среды;
- осуществление государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды);
- сохранение ископаемых объектов;
- сохранение и восстановление ценных водных объектов и экологических систем;
- сохранение ценных объектов и комплексов неживой природы;

- сохранение историко-культурных объектов;
- экологическое просвещение;
- создание условий для регулируемого туризма и отдыха (в том числе массового), сохранение рекреационных ресурсов;
- разработку и внедрение научных методов охраны природы и экологического просвещения;
- разработку и внедрение эффективных методов охраны природы и поддержание экологического баланса в условиях рекреационного использования территорий геопарков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что существующий научный интерес к проблеме законодательного закрепления правового режима геопарков может быть разрешен посредством принятия на федеральном уровне соответствующего нормативного правового акта. Это создаст не только правовую определенность, но и единый механизм правовой охраны, управления и использования данных компонентов природы. Надеемся, предложения и рекомендации, сформулированные в настоящем исследовании, будут полезны как для юридической науки, так и для законотворческой деятельности.

Список источников

1. Корф Е.Д. Геопарк как платформа эффективного взаимодействия общества и природы / Е.Д. Корф // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. – 2015. – № 4 (2). – С. 5–9.
2. Арутюнян М.С. К вопросу об определении правового режима геопарков в законодательстве России / М.С. Арутюнян, О.Ю. Хисматуллин // Устойчивое развитие территорий: теория и практика : материалы II Международной научно-практической конференции. – Сибай, 2021. – С. 15–16.
3. Злотникова Т.В. Международный и региональный опыт развития геопарков как правовая основа изменения экологического законодательства / Т.В. Злотникова. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.4.2> // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 4 (66). – С. 28–46.
4. Fornaro A. Fernande. Geoparks: from conception to the teaching of Geosciences / A. Fornaro, M. Alexandre // Terrae Didactica. – 2018. – Vol. 14, № 3. – P. 330–338.

REFERENCES

1. Korf E.D. Geopark: the path to the interaction of society and nature. *Nauka i turizm: strategii vzaimodejstviya = Science and Tourism: Interaction Strategies*, 2015. – no. 4 (2), pp. 5–9. (In Russian).
2. Harutyunyan M.S., Khismatullin O.Yu. On the issue of determining the legal regime of geoparks in the legislation of Russia. *Sustainable development of territories: theory and practice. Materials of the II International Scientific and Practical Conference*. Sibay, 2021, pp. 15–16. (In Russian).
3. Zlotnikova T.V. International and regional experience in the development of geoparks as a legal framework for changing environmental legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 4 (66), pp. 28–46. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2021.4.2>.
4. Fornaro A., Alexandre M. Fernande. Geoparks: from conception to the teaching of Geosciences. *Terrae Didactica*, 2018, vol. 14, no. 3. pp. 330–338. (In Russian).

5. Ковалев С.Г. Геопарки как основа неиндустриального развития территорий / С.Г. Ковалев // Геологический вестник. – 2019. – № 3. – С. 3–11.

6. Фархутдинов И.М. Перспективы создания геопарка ЮНЕСКО в Республике Башкортостан / И.М. Фархутдинов, Л.Н. Белан, А.М. Фархутдинов, Р.А. Исмагилов, Е.А. Богдан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2018. – Т. 28, № 3 (91). – С. 75–81.

7. Лунева Е.В. Организация геопарков в России и особенности их правового режима / Е.В. Лунева // Lex Russica. – 2021. – № 9. – С. 32–34.

8. Табаринцева-Романова К.М. Особенности защиты культурного наследия в итальянских регионах со специальным статутом / К.М. Табаринцева-Романова, М.А. Бажина // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 5. – С. 14–21. – Режим доступа: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRUZH.2019.No_5.pdf (дата обращения: 11.07.2022).

9. Шагапова Р.А. территориальное зонирование как инструмент правового режима геопарков / Р.А. Шагапова // Экологическое право. – 2021. – № 4. – С. 3–7.

5. Kovalev S.G. Geoparks as the basis of non-industrial development of territories. *Geologicheskii vestnik* = *Geological Bulletin*, 2019, no. 3, pp. 3–11. (In Russian).

6. Farkhutdinov I.M., Belan L.N., Farkhutdinov A.M., Ismagilov R.A., Bogdan E.A. Prospects for organisation of the UNESCO geopark in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* = *The Herald of the ASRB*, 2018, vol. 28, no. 3 (91), pp. 75–81. (In Russian).

7. Luneva E.V. Organization of geoparks in Russia and peculiarities of their legal regime. *Lex Russica*, 2021, no. 9, pp. 32–34. (In Russian).

8. Tabarintseva-Romanova K., Bazhina M. Cultural heritage protection features in the Italian regions with a special statute. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu»* = *Electronic Supplement to «Russian Juridical Journal»*, 2019, no. 5, pp. 14–21. Available at: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/eRUZH.2019.No_5.pdf.

9. Shagapova R.A. Territorial zoning as an instrument of the legal regime of geoparks. *Ekologicheskoe pravo* = *Environmental Law*, 2021, no. 4, pp. 3–7. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнян Марина Самвеловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Институт права;

Курбанов Дени Абасович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин;

Самигуллин Рафис Минниханович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления в органах внутренних дел.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arutyunyan Marina Samvelovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law;

Kurbanov Deni Abasovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines;

Samigullin Rafis Minnikhanovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Management in the Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 29.06.2023; одобрена после рецензирования 31.07.2023; принята к публикации 31.07.2023. The article was submitted 29.06.2023; approved after reviewing 31.07.2023; accepted for publication 31.07.2023.

Научная статья
УДК 349.6
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.14

Original article

РУСИН Сергей Николаевич
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
e-mail: snr1959@mail.ru

RUSIN Sergey Nikolaevich
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

ENVIRONMENTAL POLICY FORMATION IN THE CONTEXT
OF CONTEMPORARY CHALLENGES

Аннотация. В условиях меняющегося мира экологическая политика, прежде всего государственная экологическая политика, претерпевает существенные изменения, обусловленные появлением новых или актуализацией ранее существовавших вызовов. Автор статьи понимает государственную экологическую политику как социально-правовое явление, включающее в себя и систему идей, взглядов, концепций по достижению устойчивого развития, находящую выражение в политико-правовых документах, и практическую деятельность субъектов реализации политики. Методы исследования: эмпирические методы описания, сравнения, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Обосновывается вывод о том, что изменение политики осуществляется путем изменения взглядов субъектов политики, последующего выражения этих взглядов в политико-правовых документах, придающих им официальную форму, и практической деятельностью субъектов реализации политики. К современным вызовам экологической политике могут быть отнесены экономические и политические санкции, примененные к России, экономические проблемы, обусловленные в том числе этими санкциями, изменение климата, цифровая трансформация всех сфер жизни современного общества. Указанные вызовы осмысливаются субъектами формирования политики, реакция на них выражается в планировании и реализации адекватных политических, экономических, правовых мер. Вместе с тем не все аспекты современных вызовов осмыслены в научно-теоретическом плане, а значит, и реагирование на них пока не находит отражение в документах и практической деятельности государства.

Ключевые слова: экологическая политика, система взглядов, деятельность, современные вызовы, санкции, экономические проблемы, изменение климата, цифровая трансформация

Abstract. In a changing world, environmental policy, particularly state environmental policy, is undergoing significant changes due to the emergence of new or the mainstreaming of pre-existing challenges. The author of the article understands the state environmental policy as a socio-legal phenomenon, including a system of ideas, views, concepts on achieving sustainable development, expressed in political and legal documents, and policy implementers' practical activities. Research methods: empirical methods of description, comparison, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. The conclusion is substantiated that policy change is carried out by changing the views of policy actors, the subsequent expression of these views in the political and legal documents that formalize them and policy implementers' practical activities. The economic and political sanctions imposed on Russia, economic problems caused by these sanctions, climate change, digital transformation of all spheres of modern society may be included in the current challenges to environmental policy. These challenges are understood by policy makers, their response to them is reflected in the planning and implementation of adequate political, economic and legal measures. At the same time, not all aspects of contemporary challenges are understood in scientific and theoretical terms, and, therefore, the response to them is not yet reflected in the documents and practical activities of the state.

Keywords: environmental policy, system of views, activities, contemporary challenges, sanctions, economic problems, climate change, digital transformation

Финансирование. Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Русин С.Н. Формирование экологической политики в условиях современных вызовов / С.Н. Русин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.14 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 131–140

Financing. The article is prepared with the informational support of the reference legal system «KonsultantPlus».

For citation: Rusin S.N. Environmental policy formation in the context of contemporary challenges. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 131–140 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.14.

ВВЕДЕНИЕ

Политика, рассматриваемая как социальное явление, испытывает воздействие меняющегося мира, реагирует на современные вызовы. Она имеет двуединую сущность, так как является и системой идей, взглядов, концепций субъектов политики, которые, становясь официальными, находят выражение в политико-правовых документах и в законодательстве, и деятельностью этих субъектов, направленной на реализацию политических решений. Поэтому формирование политики осуществляется под воздействием изменяющихся условий (вызовов), влияющих сначала на систему взглядов субъектов (акторов) и только потом находящих отражение в политических и юридических документах.

Может быть выделено несколько видов экологической политики: государственная, ведомственная, региональная, муниципальная, корпоративная, общественная, единая и др. Очевидно, что каждая из перечисленных, а также иные возможные экологические политики будут отличаться и по своей сущности, и по формам выражения. Также очевидным является приоритет государственной экологической политики перед иными политиками, обусловленный ролью и возможностями государства влиять на общественно-политические процессы вообще и на процессы, опосредующие взаимодействие общества и природы, в частности [1, с. 10].

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В силу сложности и наличия многообразных подходов к пониманию политики вообще и экологической политики в частности российский законодатель не счел нужным дать легальное определение экологической поли-

тики. Такая попытка предпринята в Модельном законе об экологической безопасности, принятом в 2003 г. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. В нем предлагается понимать экологическую политику как систему мер на международном и национальном уровнях, направленную на реализацию стратегии устойчивого экологически безопасного социально-экономического развития общества.

Научно-теоретическое понимание экологической политики разрабатывалось представителями различных направлений научных знаний: философами, социологами, политологами, юристами. В эколого-правовых исследованиях чаще всего под ней понимается деятельность государства, направленная на достижение экологически значимых целей.

Так, А.К. Голиченковым государственная экологическая политика понимается как деятельность государства для достижения стратегической цели – сохранения природных систем, поддержания их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны [2, с. 59]. Это определение поддерживается и другими авторами (О.Л. Дубовик [3, с. 6], М.В. Пчельников [4, с. 5–6] и др.), которые в понимании экологической политики делают акцент либо на «деятельности», либо на «решениях и действиях», либо на «способах и средствах» и т. д.

Более широкое понимание экологической политики, включающее в ее содержание как фактическую деятельность государства в экологической сфере, так и систему концепций, идей, принципов, представлений о целях и задачах деятельности государства в сфере взаимодействия общества и природы, используемых правовых и лежащих вне сфе-

ры права способов и средств сформулировано М.И. Васильевой [5, с. 8], Р.Х. Гиззатуллиным [6, с. 132–133], Н.Г. Нарышевой [7, с. 35] и др.

Очевидно, что экологическая политика не может представлять собой, например, лишь систему концепций, идей и т. д., поскольку любая концепция требует практического воплощения, что невозможно без фактического осуществления деятельности. С другой стороны, экологическая политика не может ограничиваться пониманием лишь как совокупности различного рода средств и мер, используемых при ее реализации, поскольку они при всей своей важности в своей сути являются не более чем необходимым инструментарием для решения соответствующих задач и достижения поставленных целей [8, с. 167].

Однако эти определения не отражают все важнейшие стороны экологической политики. Необходимо, чтобы определение содержало указание на место определяемого понятия – экологической политики – в общей политике государства, взаимосвязи с иными «политиками», характеризовало ее как систему идей (взглядов, концепций), как отношение между социальными группами (процесс коммуникации), как деятельность субъектов формирования и реализации политики.

Наиболее полным будет представление о государственной экологической политике как о части государственной политики, стратегическая цель которой – достижение устойчивого развития – объединяет ее с социальной, экономической и иными политиками. Социальное содержание государственной экологической политики включает совокупность идей, взглядов, концепций по достижению стратегической цели. Официальное их признание осуществляется путем закрепления в нормативных правовых и политико-правовых документах органов государственной власти и влечет обязанность государства реализовывать их в своей деятельности. Государственная экологическая политика объединяет в себе природоохранную, природоресурсную политики и политику в сфере обеспечения экологической безопасности, осуществляется на федеральном, региональном и ведомственном уровнях. На ее основе формируются муниципальная, корпоративная, общественная экологические политики. Содержание, цели и задачи государственной экологической по-

литики, формы, способы и механизмы их достижения, закрепленные в законодательстве, приобретают правовой характер и реализуются в процессе правового регулирования.

Формами выражения государственной экологической политики являются доктрины, концепции, если они становятся идеями, взглядами субъектов (акторов) политики (Российская Федерация и государственные органы в лице федеральных органов государственной власти и государственных органов субъектов Российской Федерации), а также нормативные правовые и политико-правовые акты [9, с. 225].

Главное место в системе таких актов занимает Конституция РФ, в которой находит выражение политика вообще и экологическая политика в частности. Она содержит не только нормы-цели и нормы-принципы, задачи государства, ветвей его власти, компетенцию федеральных и иных органов законодательной и исполнительной власти в области природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, но и основные направления и способы претворения их в жизнь, базовые положения экономического строя и отраслей законодательства. В Конституции РФ закреплены значение и место экологии в экономическом и социальном развитии страны, роль Правительства РФ (ст. 9, 36, ч. 2 ст. 41, ст. 42, п. «е» ст. 71, п. «в» ст. 114). Эти конституционные нормы-принципы, основополагающие для формирования экологической политики, развиты в Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» и в Федеральном законе «Об экологической экспертизе», а также в подзаконных актах. Социальное предназначение природных ресурсов как основы существования общества, как то, что необходимо для удовлетворения не только материальных, но и иных потребностей человека и без чего вообще невозможна жизнь и деятельность людей, заложенные в Конституции РФ (ст. 9), образуют политико-правовую основу экологической политики, создают ее базис, играют роль экологического императива, который не может быть проигнорирован при ее формировании, а также изменении сущности и содержания.

Содержание политики должно выводиться также из принципов использования природных ресурсов и охраны окружающей сре-

ды, содержащихся в федеральных законах «Об охране окружающей среды», «Об экологической экспертизе», «Об охране атмосферного воздуха», «Об отходах производства и потребления», в Земельном, Лесном, Водном кодексах и др. [10, с. 20]. Сформулированные в них принципы экологического права включают в свое содержание и принципы государственной экологической политики. Это имеет место если не вполне по форме (если такие принципы официально сформулированы), то по духу и правовому смыслу [11, с. 20]. С другой стороны, на основе и с учетом принципов государственной экологической политики формируется само экологическое законодательство.

Экологическая политика выражена в большой группе политико-правовых актов: Экологической доктрине Российской Федерации, Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., Государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, Национальном плане действий по охране окружающей среды, Планах действий Правительства России в области охраны окружающей среды и природопользования, Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Именно в этих документах в концентрированном виде изложены цели, направления, задачи и принципы государственной экологической политики, которые выражают ее содержание. Причем единого подхода к их перечню и формулировкам нет.

В качестве базового документа можно рассмотреть Экологическую доктрину Российской Федерации (далее – Доктрина), которая определила цели, направления, задачи и принципы проведения в Российской Федерации единой государственной политики в области экологии на долгосрочный период. Стратегической целью государственной политики в области экологии является сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций для устойчивого развития общества, повышения качества жизни, улучшения здоровья населения

и демографической ситуации, обеспечения экологической безопасности страны.

Задачами единой экологической политики являются: сохранение и восстановление природных систем, их биологического разнообразия и способности к саморегуляции как необходимого условия существования человеческого общества; обеспечение рационального природопользования и равноправного доступа к природным ресурсам ныне живущих и будущих поколений людей; обеспечение благоприятного состояния окружающей среды как необходимого условия улучшения качества жизни и здоровья населения.

Доктрина установила, что государственная политика в области экологии базируется на следующих основных принципах: устойчивое развитие, предусматривающее равное внимание к его экономической, социальной и экологической составляющим, и признание невозможности развития человеческого общества при деградации природы; приоритетность для общества жизнеобеспечивающих функций биосферы по отношению к прямому использованию ее ресурсов; справедливое распределение доходов от использования природных ресурсов и доступа к ним; предотвращение негативных экологических последствий в результате хозяйственной деятельности, учет отдаленных экологических последствий; отказ от хозяйственных и иных проектов, связанных с воздействием на природные системы, если их последствия непредсказуемы для окружающей среды; природопользование на платной основе и возмещение населению и окружающей среде ущерба, нанесенного в результате нарушения законодательства об охране окружающей среды; открытость экологической информации; участие гражданского общества, органов самоуправления и деловых кругов в подготовке, обсуждении, принятии и реализации решений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования, осуществления экологического контроля.

В соответствии с Доктриной основными направлениями государственной политики в области экологии являются: обеспечение устойчивого природопользования; снижение загрязнения окружающей среды и ресурсосбережение; сохранение и восстановление природной среды. Отдельно в Доктрине определе-

ны приоритетные направления деятельности по обеспечению экологической безопасности Российской Федерации, к которым отнесены: обеспечение безопасности при осуществлении потенциально опасных видов деятельности и при чрезвычайных ситуациях; экологические приоритеты в здравоохранении; предотвращение и снижение экологических последствий чрезвычайных ситуаций; предотвращение терроризма, создающего опасность для окружающей среды; контроль за использованием и распространением чужеродных видов и генетически измененных организмов.

Исторический подход к сравнению документов, принятых в 2002 г. (Экологическая доктрина Российской Федерации), 2008 г. (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.), 2012 г. (Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.), 2017 г. (Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.) позволяет проследить эволюцию развития государственного подхода к пониманию экологической политики и уточнению ее содержания. В самом общем виде процесс можно охарактеризовать как неупорядоченный. И цели, и задачи экологической политики, сформулированные в анализируемых документах, имеют два недостатка: во-первых, они повторяют друг друга, во-вторых, отсутствует их развитие в зависимости от вида, формы и целевой направленности документа. Следует заметить, что в ответ на новые вызовы сформулированные ранее цели и задачи должны уточняться.

Соответственно, современные вызовы сначала осознаются субъектами экологической политики, они формируют свое внутреннее отношение к ним, выражаемое в системе взглядов, и только потом указанные субъекты, используя законные механизмы, обеспечивают закрепление основных положений экологической политики в политически и юридически значимых документах. Юридическая наука, задачей которой является разработка правовых механизмов формирования и реализации экологической политики, естественно, может опираться только на официально выраженные взгляды. Конституция РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды»,

Доктрина, Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., иные нормативные правовые и политико-правовые документы во многом адекватно отражают современные условия (вызовы) и направлены на достижение целей политики, которые были сформулированы выше.

Очевидно, что современные вызовы (группы вызовов) охарактеризованы в названных и иных документах. Исходя из субъективной оценки их совокупности, считаю возможным выделить в качестве таких вызовов, во-первых, экономические и политические санкции, примененные к России частью стран, во-вторых, экономические проблемы, обусловленные, в том числе упомянутыми санкциями, в-третьих, изменение климата, в-четвертых, цифровую трансформацию всех сфер жизни современного общества. Экологическая политика, естественно, должна обеспечивать адекватное реагирование на указанные вызовы. Их содержание многообразно, поэтому остановлюсь только на некоторых.

ОТРАЖЕНИЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВЫЗОВОВ, СВЯЗАННЫХ С ВВЕДЕНИЕМ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ САНКЦИЙ

Прежде всего, хотел бы обратить внимание на природоресурсную составляющую, так как санкции имеют целью снизить ресурсный потенциал России, в том числе путем оспаривания права России на природные ресурсы. В этой связи важнейшее значение имеет право на суверенное использование ресурсов континентального шельфа. Россия в августе 2015 г. направила в ООН (Комиссия по границам континентального шельфа) заявку на расширение границ своего континентального шельфа в Арктике. В современных политических условиях сложно ожидать положительного для нас решения, тем более что и другие страны (Дания) также выражают подобное стремление. Достижение желаемого результата требует скоординированного применения чисто политических, военно-политических, экономических мер поддержки нашей заявки. Документы стратегического планирования (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., Стратегия развития Арктической

зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.) характеризуют основные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике: попытки пересмотреть базовые положения международных договоров, дискредитация и воспрепятствование осуществлению Российской Федерацией законной хозяйственной или иной деятельности в Арктике. В них отмечается рост конфликтного потенциала в регионе. Мерами реагирования на эти вызовы указываются обеспечение необходимого военного присутствия России в Арктике, сохранение взаимодействия с арктическими государствами, что, отмечу, становится делать все труднее. Например, 8 июня 2022 г. Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия и Швеция приняли решение возобновить работу Арктического совета, но без российского участия¹.

Санкционные меры против России принимаются и по иным направлениям. 22 марта 2022 г. государства – члены Евromетстата² решили ограничить доступ России и Беларуси к спутниковым данным. Организация также прекратила сотрудничество с Росгидрометом по обмену данными и обучению. Решения приняты «в соответствии с санкциями, введенными государствами-членами и международными партнерами»³. Доступ к метеоданным для России ограничили также Метеорологическая служба Великобритании и Европейский центр среднесрочных прогнозов погоды. В этих условиях Россия вынуждена корректировать свою политику в области экологического мониторинга и метеорологического обеспечения. Одной из мер стала разработка федеральной государственной информационной системы государственного экологического мониторинга ФГИС «Экомониторинг». В ответ на решение европейских стран глава Минприроды А. Козлов на коллегии Росгидромета напомнил, что у России есть на орбите

своя группировка метеоспутников, а с февраля 2021 г. работает «Арктика-М»⁴. Государственной программой «Охрана окружающей среды» и Федеральной научно-технической программой в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг.⁵ предусматривается разработка системы климатического и экологического мониторинга территории России, ключевых районов Мирового океана, приморских территорий и прибрежных акваторий.

Приведенные, а также иные санкции со стороны отдельных государств и международных организаций создают риски разрушения системы международного сотрудничества в экологической сфере. Высшее политическое руководство России занимает позицию, направленную на сохранение международного сотрудничества по всем направлениям, в том числе в области охраны окружающей среды. Она однозначно выражена как в политико-правовых, так и в национальных нормативных правовых актах. Вместе с тем изменяющаяся обстановка может привести к свертыванию такого сотрудничества с отдельными странами (группами стран), что обусловит и соответствующие изменения в экологической политике.

Эколого-правовая наука делает попытки осмыслить парадигму развития экологической политики в условиях санкций. Н.Г. Жаворонкова и Ю.Г. Шпаковский полагают, что в настоящее время необходимо не сворачивание международных экологических проектов и программ, а их интенсификация. По сути, пишут они, требуется перезапуск многих значимых экологических проектов международного уровня с более активных, радикальных, содержательно новых позиций. Учитывая, что гло-

1 Страны Арктического совета возобновляют работу организации без России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14860061> (дата обращения: 19.11.2022).

2 Европейская организация спутниковой метеорологии.

3 В Минприроды заявили, что отказ ЕС от обмена метеоданными поможет России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2022/623d824a9a79474e613eae1d?ysclid=ldlletnl5o93091439> (дата обращения: 14.01.2023).

4 Арктика-М № 1 – гидрометеорологический спутник, запущенный на орбиту 28 февраля 2021 г. Это первый из двух аппаратов, которые будут работать на высокоэллиптической орбите типа «Молния». Такая орбита позволит им в непрерывном режиме осуществлять обзор северных территорий Российской Федерации и Арктики, чего нельзя сделать, используя имеющиеся геостационарные спутники.

5 Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 годы : постановление Правительства РФ от 08.02.2022 № 133 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 8, ст. 1151.

бальные экологические проекты, как правило, имеют гуманистическую направленность, высокий уровень «научности» и креативности, то именно они и смогут стать локомотивом нормализации, а может быть, и дальнейшего лидерства нашей страны в эколого-экономическом соревновании вопреки санкциям [12, с. 168].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Эта группа вызовов имеет системный, постоянный характер. Однако в условиях санкций против России многие из них обостряются, возникают новые. В самом общем плане можно отнести к таким вызовам: сокращение доступа к кредитованию экологических программ западными финансовыми институтами, ограничение (прекращение) доступа к передовым экологически безопасным технологиям, стремление национального бизнеса сократить экономические издержки за счет отказа или перенесения сроков внедрения таких технологий. Экспертам более-менее очевидно, что прежде всего пострадают технологии очистки выбросов, утилизации отходов, безотходные и малоотходные процессы во многих отраслях, контрольно-измерительная аппаратура, использующая импортные системы [12, с. 164]. В условиях санкций возможен негативный характер изменения экологической политики, когда в ответ на них и для того, чтобы избежать их влияния, государство, находящееся под санкциями, принимает меры для формирования стратегий выживания. Они, в свою очередь, снижают экономическое давление санкций, чаще всего за счет ускоренного ухудшения состояния окружающей среды⁶. На начало 2023 г. каких-либо существенных изменений в этом направлении на федеральном уровне не принято. Государство реализует политику по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций. Такие меры имеют как общий, так и отраслевой характер. Например, отдельно определены меры поддержки промышленных предприятий, IT-отрасли, аграриев и др.

⁶ Аким М.Э. Недоступные наилучшие технологии: как санкции повлияют на экологическую политику России и окружающую среду [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5667375?ysclid=ljrisglwvn336032171> (дата обращения: 14.01.2023).

Экология как отдельная сфера деятельности, для которой устанавливаются меры поддержки, не выделяется.

Вместе с тем принимаются и отдельные решения, связанные с отказом от ранее существовавших планов экологического развития, снижающие экологические требования. Например, Правительство РФ утвердило регламент, который допускает производство автомобилей класса «Евро-0». Решение должно было действовать до 1 февраля 2023 г. 31 мая 2023 г., но его действие продлено до 1 февраля 2024 г. Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 71-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» перенесено окончание эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ на два года – с конца 2024 г. на 31 декабря 2026 г., на два года переносится и создание систем автоматического контроля предприятиями I категории, получившими комплексные экологические разрешения до 15 марта 2022 г. Выразим надежду, что это частные случаи, не свидетельствующие об отходе от генерального направления экологической политики, и государство намерено продолжать реализацию намеченных проектов, несмотря на санкционное давление. Об этом может говорить, например, принятие закона о проведении эксперимента на Сахалине по достижению углеродной нейтральности региона⁷. Также с 2023 г. введена обязательная отчетность по выбросам парниковых газов для крупных эмитентов. Кроме того, Правительство РФ начало работу над созданием единой системы мониторинга климатически активных веществ (метан, гидрофторуглероды и др.). На нее планируется потратить около 1,8 млрд руб.

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА КАК ВЫЗОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Изменение климата является одним из самых актуальных и, одновременно, спорных с позиции научной обоснованности вызовов. В настоящее время Россия строит свою политику в парадигме превалирующего мирового подхода к оценке причин такого из-

⁷ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10, ст. 1391.

менения, признавая основной из них деятельность человека и выбросы парниковых газов в атмосферу Земли. Государственная политика в этой сфере основывается на положениях Климатической доктрины РФ, Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., других документах. Одними из последних являются Указ Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» и принятое в его исполнение постановление Правительства РФ от 8 февраля 2022 г. № 133, которым утверждена Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг. Задача программы – обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов путем проведения исследований источников эмиссии и поглотителей парниковых газов.

Вместе с тем на уровне формирования взглядов и концепций политических акторов прослеживается рост критического подхода к теории изменения климата за счет выбросов парниковых газов. Президент РФ на съезде РСПП 17 декабря 2021 г. заявил, что имеет место нечестная конкурентная борьба под видом борьбы с климатическими изменениями. О спорности теории антропогенных причин глобального изменения климата он упоминал и в других своих публичных выступлениях, например, на встрече с участниками молодежного форума «Экосистема. Заповедный край», состоявшегося на Камчатке 5 сентября 2022 г. Основой таких оценок являются исследования многих ученых, в том числе российских, которые отказываются однозначно увязывать изменения климата с ростом выбросов парниковых газов, указывая лишь на то, что эти выбросы растут одновременно с ростом средней температуры воздуха на планете. Можно предположить, что меняющиеся оценки этого явления субъектами экологической политики выльются в изменение официально выраженной политики.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Еще одним современным вызовом, на который должна найти ответ экологическая политика, является цифровая трансформация, под которой понимается процесс информатизации, касающийся всех сфер жизни современного общества, в том числе экологической.

Современная оценка состояния дел и задачи в области информатизации экологической сферы содержатся в распоряжении Правительства РФ от 8 декабря 2021 г. № 3496-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования»⁸. Политическая, социальная и экономическая оценка «цифровой зрелости» отрасли экологии первоначально была дана в проекте Стратегии цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования (следует заметить, что понятие «цифровая зрелость» определено лишь некоторыми ведомственными актами применительно к соответствующим отраслям. Н.М. Заславская, например, определяет «цифровую зрелость» государственного экологического управления как готовность государственного управления в области охраны окружающей среды к цифровой трансформации – нормативное, программное, техническое обеспечение, подготовка кадров и др. [13, с. 96]). Разработчики проекта Стратегии отмечали, что современное состояние цифровизации отрасли характеризуется сбором и оборотом информации на бумажных носителях и в нестандартизированных цифровых форматах; широким использованием бумажных носителей информации в рамках оказания государственных услуг; отсутствием единых прозрачных бизнес-процессов осуществления функций органами государственной власти; отсутствием механизмов развития и внедрения в производство отечественного отраслевого программного обеспечения и информационных технологий сбора, обработки и анализа информации о природных ресурсах, единых платформенных решений и другими схожими проблемами. Замечу, что такое положение дел оказывает прямое влияние на информационную систему государственного экологического контроля.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2021. № 51, ст. 8889.

На основании этих выводов распоряжением Правительства РФ № 3496-р предусматривается использование технологии искусственного интеллекта в рамках развития отрасли экологии и природопользования для анализа информации мониторинга (государственная наблюдательная сеть, дистанционное зондирование Земли, беспилотный летательный аппарат), комплексного гидрометеорологического и экологического прогнозирования опасных метеорологических явлений, пожарной опасности в лесах, автоматизации принятия решений в режиме реального времени (включая создание методов и моделей), детекции и идентификации объектов животного и растительного мира в сложной окружающей среде. Приложениями к распоряжению определяются проекты и показатели цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования. В развитие положений указанного распоряжения Минприроды России утверждена Ведомственная программа цифровой трансформации на 2022–2024 гг.⁹, а также ведомственная программа цифровой трансформации Росприроднадзора на 2021–2023 гг., включающая в себя меры по цифровой обработке данных об объектах государственного экологического контроля, автоматизированное принятие решений о проведении контрольных (надзорных) мероприятий, составление актов по результатам их проведения и др.

Это направление государственной политики все более рельефно находит отражение в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». Федеральный закон от 9 марта 2021 г.

⁹ Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации на 2022–2024 годы : Приказ Минприроды России от 17.06.2022 № 416 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 39-ФЗ дополнил его специальной статьей 4.3. «Информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)», а также определением экологической информации (ст. 1). Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 446-ФЗ внес изменения, устанавливающие порядок межведомственного информационного взаимодействия, в том числе с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, при передаче сведений об отдельных производственных объектах I и II классов опасности. В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. содержится специальный раздел «Информационно-аналитическое обеспечение охраны окружающей среды», не упоминающий, правда, информационные технологии. Вместе с тем следует заметить, что политическое провозглашение некоторых целей и задач цифровой трансформации экологической сферы (например, обеспечение качественных изменений в бизнес-процессах и (или) способах осуществления экономической деятельности (бизнес-моделях)) совершенно недостаточно для их внедрения в жизнь общества. И здесь решающее значение должно приобретать право, призванное создавать действенные правовые механизмы реализации экологической политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что на большинство современных вызовов государственная экологическая политика как система целей, задач и способов их реализации, закрепленная в нормативных правовых актах, старается давать адекватные ответы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснова И.О. Конституционные основы государственной экологической политики : монография / И.О. Краснова. – Москва : Норма, 2022. – 92 с.
2. Голиченков А.К. Экологическое право России: словарь юридических терминов : учебное пособие для вузов / А.К. Голиченков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Городец, 2012. – 489 с.
3. Дубовик О.Л. Экологическая политика Российской Федерации: основные направления / О.Л. Дубовик // Труды Института государства и права РАН. – 2007. – № 5. – С. 4–18.
4. Пчельников М.В. Экологическая правовая политика Российской Федерации: институционально-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / М.В. Пчельников. – Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.

REFERENCES

1. Krasnova I.O. Constitutional foundations of the state environmental policy. Moscow, Norma Publ., 2022. 92 p.
2. Golichenkov A.K. Environmental law of Russia. 2nd ed. Moscow, Gorodec Publ., 2012. 489 p.
3. Dubovik O.L. Environmental policy of the Russian Federation: main directions. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2007, no. 5, pp. 4–18. (In Russian).
4. Pchel'nikov M.V. Environmental legal policy of the Russian Federation: Institutional and legal analysis. Cand. Diss. Thesis. Rostov-on-Don, 2009. 27 p.

5. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды / М.И. Васильева // Экологическое право. – 2007. – № 2. – С. 8–19.
6. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Р.Х. Гиззатуллин. – Москва, 2014. – 442 с.
7. Нарышева Н.Г. Государственная политика и правовое регулирование земельных отношений / Н.Г. Нарышева // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 35–41.
8. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации : монография / Р.Х. Гиззатуллин ; под ред. М.М. Бринчука. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 311 с.
9. Русин С.Н. Экологическая политика: формирование и реализация посредством права / С.Н. Русин // Актуальные проблемы государственной экологической политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Р.Х. Гиззатуллин. – Уфа, 2017. – С. 220–228.
10. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права : монография / С.А. Боголюбов. – Москва : ИНФРА-М, 2015. – 320 с.
11. Бринчук М.М. Принципы экологического права : монография / М.М. Бринчук. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 208 с.
12. Жаворонкова Н.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях влияния внешних экономических санкций / Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 8. – С. 157–169.
13. Заславская Н.М. Правовые основы государственного экологического управления в цифровом обществе: термины и определения / Н.М. Заславская // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2022. – № 2. – С. 83–99.
5. Vasilyeva M.I. Conceptual issues of improving environmental policy and legislation on environmental protection. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, 2007, no. 2, pp. 8–19. (In Russian).
6. Gizzatullin R.Kh. Ecological function of the state: theory and practice of implementation. *Doct. Diss.* Moscow, 2014. 442 p.
7. Narysheva N.G. State policy and legal regulation of land relations. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, 2016, no. 3, pp. 35–41. (In Russian).
8. Gizzatullin R.Kh.; Brinchuk M.M. (ed.). Ecological function of the state: theory and practice of implementation. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 311 p.
9. Rusin S.N. Environmental policy: formation and implementation through law. *Gizzatullin R.H. (ed.). Actual problems of state environmental policy. Collection of materials of the International scientific and practical conference*. Ufa, 2017, pp. 220–228. (In Russian).
10. Bogolyubov S.A. Implementation of environmental policy through law. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 320 p.
11. Brinchuk M.M. Principles of environmental law. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. 208 p.
12. Zhavoronkova N.G., Shpakovskiy Yu.G. Legal support of environmental safety under the influence of external economic sanctions. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 8, pp. 157–169. (In Russian).
13. Zaslavskaya N.M. Legal basis of state environmental management in a digital society: terms and definitions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law*, 2022, no. 2, pp. 83–99. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русин Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rusin Sergey Nikolaevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 25.05.2023; одобрена после рецензирования 25.06.2023; принята к публикации 26.06.2023. The article was submitted 25.05.2023; approved after reviewing 25.06.2023; accepted for publication 26.06.2023.

Научная статья
УДК 342.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.15

Original article

РЫЛЬСКАЯ Надежда Сергеевна
Челябинский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации, Челябинск, Россия;
e-mail: rylskaya_ns@mail.ru

RYLSKAYA Nadezhda Sergeevna
Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration, Chelyabinsk, Russia.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

SOME ISSUES OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN
FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Аннотация. Вопросы о сущности государства и его форме не теряют своей актуальности на протяжении длительного времени. Отдельного внимания заслуживает исследование одного из элементов формы государства – административно-территориального устройства, особенно новых субъектов, которые вошли в состав России в 2022 г., а также причин такого вхождения, историко-правовых особенностей становления новых территорий в качестве новых административно-территориальных единиц, интеграции в российскую правовую систему. Цель: анализ административно-территориального устройства новых субъектов России и их интеграция в российскую правовую систему путем исследования формы государственного устройства советских и постсоветских республик и его влияния на последующее становление территорий. Методы: общеполитический, исторический, системный, правовой, описательный. Результаты: исследование позволило выявить взаимосвязь становления и развития новых регионов на базе постсоветского пространства и, как следствие, их успешную интеграцию в российскую правовую систему на современном этапе. С одной стороны, присоединение в 2022 г. бывших союзных территорий является следствием агрессивной политики Украины, проводимой в отношении населения. С другой стороны, возможность быстрой интеграции бывших союзных территорий как в административно-территориальной, так и в правовой плоскости, по мнению автора, обусловлено особенностями их исторического развития в советский и постсоветский период.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство, государство, органы государственной власти, советское право, славянская правовая семья

Abstract. The issues about the essence of the state and its form have not lost their relevance for a long time. Special attention should be paid to the study of one of the elements of the form of the state – administrative-territorial structure, especially of the new constituent entities that became part of Russia in 2022, as well as the reasons for such entry, historical and legal features of the formation of new territories as new administrative-territorial units, their integration into the Russian legal system. Purpose: to analyze the administrative-territorial structure of the new constituent entities of Russia and their integration into the Russian legal system by studying the form of the state structure of the Soviet and post-Soviet republics and its impact on the subsequent formation of territories. Methods: general philosophical, historical, systemic, legal, descriptive methods. Results: the research reveals the relationship between the formation and development of new regions on the basis of the post-Soviet space and, as a result, their successful integration into the Russian legal system at the present stage. On the one hand, the reunification of the former union territories in 2022 is a result of Ukraine's aggressive policy towards the population. On the other hand, the possibility of rapid integration of the former union territories both in administrative-territorial and legal terms, in the author's opinion, is due to the peculiarities of their historical development in the Soviet and post-Soviet period.

Keywords: administrative-territorial structure, state, state authorities, Soviet law, Slavic legal family

Для цитирования: Рыльская Н.С. Некоторые вопросы административно-территориального устройства Российской Федерации на современном этапе / Н.С. Рыльская. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.15 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 141–148

For citation: Rylskaya N.S. Some issues of the administrative-territorial structure of the Russian Federation at the present stage. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 141–148 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.15.

ВВЕДЕНИЕ

Среди значительного объема вопросов, касающихся государства, в научной среде традиционно первостепенное значение уделяется проблемам, связанным с формой государственного устройства. Форма выражает сущность государства. Под сущностью понимается выявление интересов населения, воли людей на принятие решений, связанных с дальнейшим государственным устройством, а под содержанием – то, в какой административно-территориальной форме государство существует, как и через какие органы реализуется государственная власть, а также форма правления.

Общеизвестно, что элементы формы государства постоянно изменяются, что связано со сменой политического режима либо формой правления, но чаще всего изменения связаны с административно-территориальным устройством. При этом, несмотря на то что форма государства не является статичной, без понимания ее значимости в развитии государства и обязательного правового закрепления каждого из элементов формы на уровне высших законов страны, по мнению автора, невозможно существование полноценного государства. Даже в учении Платона и Аристотеля государство не было отделимо от его формы. Иной подход был в советский период, когда внимание уделяли не самой форме, а развившейся в ней содержательной части, где форма имела значение только в момент ее определения; по мере развития форма теряла свое первоначальное значение, уступая место развившимся из нее действиям [1, с. 180–181].

На современном этапе форма государства неразрывно связана с государственной властью и традиционно состоит из трех обязательных элементов: формы государственного устройства, формы правления и политического режима.

Предметом настоящего исследования, с одной стороны, являются особенности фор-

мы государственного устройства советского периода, в том числе особенности формы государственного устройства союзных республик, которые, по мнению автора, повлияли на быстрое и успешное вхождение в состав России в 2022 г. новых субъектов, с другой стороны, особенности становления и развития постсоветского государства на Украине и отделение части ее территории.

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ РОССИИ

В результате начавшихся в 2022 г. военных действий народы, проживающие на южных территориях Украины, граничащих с Россией, 30 сентября 2022 г. подписали договоры о присоединении к Российской Федерации в качестве новых регионов – Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), Херсонской и Запорожской областей¹. Основопологающим фактором для вхождения в состав России стало волеизъявление граждан, проживающих на указанных территориях, а также историческая общность народов, возможность сохранения социальных, языковых, культурных основ в пределах территории, определенных границами субъекта, установление государственной

¹ Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта от 30.09.2022 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43 ; Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта от 30.09.2022 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43 ; Договор между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43 ; Договор между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43.

границы. Таким образом, данные договоры содержат конституционные нормы-принципы и свидетельствуют о территориальной организации при вхождении в состав государства.

Данный подход соотносится с научными исследованиями позднего советского периода. Так, В.А. Ржевский под пространственным суверенитетом государства понимал территорию, связанную со всеми сторонами его организации и деятельности, в пределах которой складывались все без исключения юридические отношения, поэтому их регулирование осуществлялось с учетом воздействия территориального фактора [2, с. 5, 6]. По мнению А.Б. Венгерова, государство – это территориальная организация, специфическая черта которой состоит «в объединении населения определенной территории с последующим разделением последней на административно-территориальные единицы. Другими словами, эта черта заключается в строгом ограничении государством своей территории. На эту территорию распространяется власть, правовые нормы государства, то есть его юрисдикция» [3, с. 79].

В рамках заключенных договоров интерес представляет особая правовая конструкция, связанная с переходным периодом и последовательной организацией административно-территориального устройства, формированием органов публичной власти, основанных на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, на вновь вошедших в состав России территориях субъектов при наличии действующих органов власти, созданных в рамках ранее действующего законодательства другого государства. Рассмотрим подробнее указанную правовую конструкцию в рамках историко-правового подхода.

Вхождение и выход Украины из состава СССР. Особенности государственного устройства союзных республик в советский период

После введения в 1939 г. советских войск в Западную Украину последняя на основе волеизъявления населения присоединилась к Союзу. В 1940 г. к территориям Западной Украины присоединились три украинских уезда, Северная Буковина и Бессарабия, то есть почти все украинские земли объединились

в рамках Советской Украины. В связи с указанными административно-территориальными изменениями произошло изменение правового статуса Украины и, как следствие, централизация власти, перераспределение влияния и управления в сфере промышленности в пользу Союзных наркоматов, централизация и коллективизация сельского хозяйства.

В рамках нового политического устройства на Украине четко устанавливаются и облекаются в правовую форму органы государственной и местной власти, правовая природа которых исходит из общесоюзной модели устройства государственных органов. Так, на уровне общесоюзной законодательной власти главенствующее место займет Верховный Совет СССР, который станет единственным законодательным органом Союза. В республике аналогичную функцию возьмет на себя Верховный Совет Украины.

По мнению В.Д. Гончаренко, монополия на законодательство у Верховных Советов привела к ограничению демократии, так как теперь съезды Советов не являлись контрольным органом [4, с. 55]. По мнению Т.П. Коржихиной, высшие органы государственной власти – Советы – на съездах проявляли «митинговую демократию», имели низкую компетентность, не рассматривали закон с позиции юридической техники и нормы права, вырабатывая его, а склонялись к простому одобрению решений партии [5, с. 17–18].

На уровне исполнительной власти продолжит работу Совет Народных Комиссаров СССР, из полномочий которого исключена законодательная функция. В союзных республиках в исполнительную ветвь власти войдут союзно-республиканские органы отраслевого управления, структура которых будет схожа со структурой общесоюзных органов. На местном уровне функцию исполнительной власти будут реализовывать сформированные местные Советы (сельсоветы и колхозы).

Во главе судебной ветви власти находился Верховный Суд СССР – высший судебный орган, осуществляющий надзор за судебной деятельностью всех судебных органов союзных республик. Происходит централизация судебной системы, управление судами возлагается на Народный комиссариат юстиции СССР и союзных республик. Правосудие могло осуществляться только судами.

Вследствие формирования на присоединенных союзных территориях органов государственной власти, схожих с общесоюзными органами государственной власти, и разделения власти на три самостоятельные ветви происходит развитие правовой системы и становление советского права, которое развивается на союзных территориях противоречиво. Несмотря на то что формируются самостоятельные отрасли конституционного, финансового, гражданского, хозяйственного, семейного, трудового, колхозного, уголовного права, уголовного процесса, принимаются меры к укреплению законности и правопорядка, усиливается роль принудительных мер в трудовом, колхозном и семейном праве, параллельно формируются благоприятные условия для массовых беззаконий.

После вхождения в состав СССР Украина продолжает развиваться в социалистической правовой системе, принципиально отличающейся от романо-германской и иных правовых систем, имеющей только ей присущие особенности и признаки, такие как ярко выраженный классовый характер (воплощает в законах интересы классов, стоящих у власти; узко устанавливает и отождествляет право и закон, исходящий исключительно от государства; приоритетное значение отдается на практике не законам, а ведомственным актам; законы носят императивный характер; прецедент не является источником права; судебные органы при независимости судей являются лишь исполнителями права; право не разделяется на публичное и частное; провозглашается приоритет государственных интересов над личными).

По мнению Р. Давида, впервые выделившего социалистическое право в качестве самостоятельной правовой семьи, «пересечь границу социалистической страны – это значит попасть в новый мир с другой постановкой проблем, в мир, где такие понятия, как демократия, выборы, парламент, федерализм, профсоюзы ... приобретают часто другой смысл» [6, с. 162–163].

С момента вхождения в состав СССР на Украине, как и в других союзных республиках, будут происходить значительные изменения в системе становления и развития органов власти, права, существенное влияние на политическое устройство внутри республики ока-

жет всесоюзное расширение экономических и политических прав союзных территорий.

Указанные события приведут в октябре 1990 г. к провозглашению «борьбы за независимость Украины» на съезде украинского народного фронта «Рух» и последующему заключению двухстороннего соглашения между Россией и Украиной, по которому признавался суверенитет стран. 8 декабря 1991 г. Украина вышла из состава СССР, а 21 декабря 1991 г. вошла в состав СНГ.

Таким образом, Украина, входившая в состав СССР на протяжении более 50 лет, создавая, перенимая и развивавшая советскую модель органов государственной власти, основанную на принципах советского права, продолжит свое развитие как самостоятельное государство на постсоветском пространстве.

Государственно-правовые последствия выхода Украины из состава СССР. Предпосылки выхода из состава Украины части ее территорий

Длительное нахождение Украины в составе СССР наложило отпечаток на последующее развитие государства. Значительное влияние на формирование последующего государственного устройства, по мнению автора, оказало искажение марксистской доктрины о социалистическом государстве, попытка развития которого реализовывалась в СССР. В итоге вновь созданное государство вместо поступательного развития демократического общества и перехода от жесткой централизации власти к новой модели государственного устройства, основанной на приоритете прав и свобод человека и гражданина, создания органов власти на принципе разделения властей и самостоятельного местного самоуправления по аналогии с развитием российского государства после принятия Конституции 1993 г. фактически усилило и ужесточило политический режим, схожий с политическим режимом и механизмом государственного устройства в начале образования СССР.

По мнению К. Маркса, «все перевороты усовершенствовали старую государственную машину и вместо того, чтобы сломать ее, партии, которые сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как

главную добычу при своей победе» [7, с. 206]. По мнению В.И. Ленина, «революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал, управляя при помощи новой машины» [8, с. 114–115].

Таким образом, по мнению К. Маркса и В.И. Ленина, новое государство, проходя этапы перехода от капитализма к социализму до этапа развития общенародного государства, должно прийти к созданию нового развитого социалистического общества с «подлинной» демократией.

По мнению автора, предпосылками к выходу из состава Украины являются исчезновение советского права и, как следствие, выход из советской правовой семьи, формирование смешанной системы права, частично основанной на нормах советского права, частично – на нормах права, присущих англосаксонской правовой семье. Проблема «исчезновения» советской правовой семьи из групп правовых систем мира после распада СССР повлекла на уровне государства утрату технико-юридических признаков правовых актов, их систематизации и классификации. Данная специфика утраты основ советского права характерна практически для всех постсоветских государств.

По мнению Ю.А. Тихомирова, «произошла резкая и даже поспешная перемена в оценках социалистического права. Фактическое его исчезновение дало повод считать данную систему не более чем историческим памятником» [9, с. 125].

Также одной из предпосылок выхода отдельных территорий из состава Украины, по мнению автора, можно назвать недовольство русского населения, принудительно, без учета его волеизъявления, включенного Советами в состав Украинской ССР. При этом на русское население в составе единого государства СССР распространялись нормы общесоюзного законодательства и союзное законодательство практически не влекло нарушения их прав, а после распада СССР, с «исчезновением» правового регулирования, установленного советским правом, правовое и фактическое положение русского населения стало меняться в худшую сторону, что не могло не вызывать обоснованного недовольства граждан. В результате указанных предпосылок в 2014 г.

начинается постепенный процесс отделения территорий Донецкой и Луганской областей от Украины, где население не было согласно с проводимой политикой государства и стремилось создать независимые территории с иной формой государственного устройства и иным правовым укладом.

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НЕЗАВИСИМЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДОНЕЦКА, ЛУГАНСКА

7 апреля 2014 г. в Донецке создается Республика народный совет, объявивший о суверенитете ДНР, а 27 апреля 2014 г. в Луганске на митинге провозглашается ЛНР. Провозглашенные республики принимают решение о проведении референдумов о самоопределении. Происходит формирование новых органов публичной власти.

В теории государства и права наличие суверенитета является одним из существенных признаков государства. Так, по мнению И.Н. Барциц, территория государства прочно связана с суверенитетом государства [10, с. 5–10]. Следовательно, принятие высшими органами властных решений, имеющих высшую юридическую силу на всей территории государства, и устанавливающими границы такой территории определяют государственный суверенитет.

Таким образом, начиная с 2014 г. на указанных территориях в большей или меньшей степени определяется конкретная территория будущего субъекта, формируются органы публичной власти, схожие по структуре и порядку формирования с органами публичной власти Российской Федерации. Указанное свидетельствует о том, что, несмотря на фактическую утрату постсоветской Украиной основ советского права, на отдельных ее территориях продолжала развиваться славянская правовая семья, для которой присуща не столько форма права, а важна связь народа с государством, опора на традиции местного самоуправления и коллективизм правосознания.

ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Рассмотрим на примере положений одного из международных договоров новых субъектов Российской Федерации, как будет инте-

гироваться российская правовая система в установленный договором переходный период с существующими органами государственной власти ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, формирование которых было начато в постсоветский период, изменено в период государственного переворота в 2014 г. населением самостоятельно, учитывая, что произошедшие изменения соответствуют характеру и сущности славянской правовой семьи.

Как следует из постановления Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 38-П, со дня принятия в Российскую Федерацию Запорожской области и образования в составе Российской Федерации нового субъекта и до 1 января 2026 г. действует переходный период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции Запорожской области в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации, а также вопросы исполнения воинской обязанности и несения военной службы на территории Запорожской области². Аналогичные положения содержатся в международных договорах ДНР, ЛНР, Херсонской области, признанных Конституционным Судом РФ соответствующими Конституции РФ.

С момента вхождения в состав России новых субъектов, согласно переходному периоду, до 1 июня 2023 г. должны быть созданы территориальные подразделения органов исполнительной власти, учреждены органы прокуратуры и суда. В течение 6 месяцев должны быть определены границы муниципальных образований и образованы городские и муниципальные округа. Формирование органов представительной и законодательной власти должно состояться через год – во второе воскресенье сентября. При этом до момента формирования указанных органов продолжают работу ранее созданные органы власти. После завершения всех предусмотренных действующим законодательством переходных процедур в течение

10 дней Президентом РФ временно исполняющие обязанности глав регионов будут назначены в установленном порядке.

Реализуя указанные положения, в ДНР в декабре 2022 г. принята Конституция, Закон «Об административно-территориальном устройстве Донецкой Народной Республики», согласно которому установлены виды административно-территориальных единиц, полномочия государственных органов власти и права представительных органов власти муниципальных образований в сфере административно-территориального устройства. Образованы на территории Республики 12 городских и 18 муниципальных округов.

В ЛНР 14 марта 2023 г. был принят Закон «Об административно-территориальном устройстве Луганской Народной Республики», которым образовано 11 городских округов и 17 муниципальных округов, установлены их границы в пределах административно-территориальных единиц, входящих в их состав. Административно-территориальное деление ЛНР должно быть приведено в соответствие с административно-территориальным устройством Луганской области Украины по состоянию на май 2014 г.

Временно исполняющим обязанности главы ЛНР были изданы указы «Об упразднении исполнительных органов государственной власти Луганской Народной Республики», «Об упразднении администрации главы Луганской Народной Республики». Согласно этим указам ликвидация должна быть завершена не позднее 1 июня 2023 г. Также подлежат ликвидации 3 министерства, Народная милиция ЛНР, квартирно-эксплуатационное управление ЛНР, которые подчиняются главе республики. Имущество указанных органов государственной власти переходит в федеральную собственность и закрепляется за территориальными органами федеральных органов исполнительной власти на территории ЛНР. Указанную работу поручено провести соответствующей комиссии. Подлежат упразднению 13 министерств, 5 государственных комитетов, 7 иных органов государственной власти, руководит которыми Правительство республики.

На территории Запорожской области Указом временно исполняющего обязанности губернатора области от 3 марта 2023 г. № 21-у

² По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта : постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 38-П [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.10.2022).

утверждены три города областного значения (Мелитополь, Бердянск, Энергодар) и 13 районов, центром региона официально становится Мелитополь. Формирование Правительства Запорожской области относится к полномочиям временно исполняющего обязанности губернатора Запорожской области. До избрания законодательного (представительного) органа Запорожской области в установленном порядке нормативно-правовое регулирование вправе осуществлять временно исполняющий обязанности губернатора Запорожской области путем принятия нормативных правовых актов. До 1 марта 2023 г. планируется учредить территориальные органы Фонда пенсионного и социального страхования РФ, а также территориальные фонды обязательного медицинского страхования.

Аналогичный процесс формирования органов государственной власти происходит на территории Херсонской области. Указом временно исполняющего обязанности губернатора области от 24 января 2023 г. «О системе и структуре исполнительных органов Херсонской области» военно-гражданская администрация переименована в областную администрацию; ее возглавил губернатор. В структуру органов исполнительной власти включены министерства, службы, управления и иные ведомства. Структура херсонских органов власти приводится в соответствие с Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В состав административно-территориального устройства Херсонской области планируется включить 2 городских и 18 муниципальных округов.

Формирование Правительства Херсонской области возложено на временно исполняющего обязанности губернатора Херсонской области. До избрания законодательного (представительного) органа Херсонской области в установленном порядке нормативно-пра-

вовое регулирование вправе осуществлять временно исполняющий обязанности губернатора Запорожской области путем принятия нормативных правовых актов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе изменения политической ситуации на Украине в 2022 г. произошло изменение административно-территориального устройства России за счет включения в ее состав четырех новых субъектов, а также изменение административно-территориального устройства постсоветской Украины. В результате изменилось административно-территориальное устройство бывших территорий Украины.

С момента формирования органов государственной власти, установления административно-территориального деления и развития советского права форма государства не смогла избежать последующего изменения в связи с выходом ряда союзных республик из состава СССР. Именно наличие самой такой государственно-правовой конструкции организации власти и права в советский период в будущем станет фундаментальной основой для части территорий славянской правовой семьи на Украине для успешной интеграции в российскую правовую семью.

В процессе формирования новых территорий в 2022 г. форма государственного устройства на отдельных территориях России претерпевала и будет претерпевать в переходный период значительные изменения всех трех элементов формы государства до момента полного их формирования, но поскольку, по мнению автора, в рамках настоящего исследования установлена взаимосвязь становления и развития новых регионов на базе советской и постсоветской государственно-правовой конструкции, произойдет успешная и быстрая интеграция в российскую правовую систему новых субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Проблемы теории государства и права : учебное пособие / под ред. М.Н. Марченко. – Москва : Юрист, 2005. – 656 с.
2. Ржевский В.А. Территориальная организация Советского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / В.А. Ржевский. – Саратов, 1964. – 144 с.

REFERENCES

1. M.N. Marchenko (ed.). Problems of theory of state and law. Moscow, Yurist Publ., 2005. 656 p.
2. Rzhevsky V.A. Territorial organization of the Soviet state. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 1964. 144 p.

3. Венгеров А.Б. Теория государства и права / А.Б. Венгеров. – Москва, 2000. – 528 с.
4. Гончаренко В.Д. Всеукраинский съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов – верховный орган власти УССР в 1917–1937 гг. / В.Д. Гончаренко. – Киев, 1990. – 62 с.
5. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина. – Москва, 1994. – 418 с.
6. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / Р. Давид. – Москва, 1967. – 496 с.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1957. – Т. 8. – 705 с.
8. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1969. – Т. 33. – 433 с.
9. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Норма, 1996. – 432 с.
10. Барциц И.Н. Категория «суверенитет» в правовой теории и практике Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.Н. Барциц. – Москва, 1995. – 180 с.
3. Vengerov A.B. Theory of state and law. Moscow, 2000. 528 p.
4. Goncharenko V.D. The All-Ukrainian Congress of Workers, Peasants and Red Army Deputies was the supreme authority of the Ukrainian SSR in 1917–1937. Kyiv, 1990. 62 p.
5. Korzhikhina T.P. The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991. Moscow, 1994. 418 p.
6. David R. Basic legal systems of our time (comparative law). Moscow, 1967. 496 p.
7. Marx K. Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. Vol. 8. 705 p.
8. Lenin V.I. State and revolution. Lenin V.I. Full composition of writings. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1969. Vol. 33. 433 p.
9. Tikhomirov Yu.A. Course of comparative law. Moscow, Norma Publ., 1996. 432 p.
10. Bartsits I.N. Category «sovereignty» in legal theory and practice of the Russian Federation. Cand. Diss. Moscow, 1995. 180 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыльская Надежда Сергеевна – преподаватель кафедры публичного права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rylskaya Nadezhda Sergeevna – Lecturer of the Department of Public Law.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 27.08.2023; принята к публикации 28.08.2023.
The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 27.08.2023; accepted for publication 28.08.2023.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья

УДК

DOI 10.33184/pravgos-2023.3.16

Original article

БАЙМОЛДИНА Зауреш Хамитовна
Академия правосудия при Верховном Суде
Республики Казахстан,
Астана, Республика Казахстан;
e-mail: bkhamit20@mail.ru

BAIMOLDINA Zauresh Khamitovna
Academy of Justice under the Supreme Court
of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Republic of Kazakhstan.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: НОВЕЛЛЫ И ТЕНДЕНЦИИ

CIVIL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: INNOVATIONS AND TRENDS

Аннотация. В статье рассматриваются существенные изменения, произошедшие в гражданском судопроизводстве Республики Казахстан в течение последних трех лет, раскрываются их причины. Цель исследования: показать тенденции модернизации судебного производства по гражданским делам, обусловленные экономическими, социальными и политическими изменениями в обществе. Методы исследования: аналитический, системный, формально-юридический, сравнительного анализа, научных обобщений. Опираясь на эти методы, дается краткая характеристика следующих новелл: выделение дел по спорам, возникающим из публично-правовых отношений, из числа гражданских дел и становление административно-процессуального права; введение институтов «образцового решения», экстерриториальной подсудности дел и досудебного протокола; закрепление справедливого рассмотрения и разрешения гражданских дел как одной из задач гражданского судопроизводства; расширение компетенции специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних; урегулирование процессуальных прав и обязанностей представителя по поручению; исключение полномочия суда апелляционной инстанции по направлению дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение и разрешение. Результаты: обосновывается, что категория «справедливость» является приоритетом в дальнейшем совершенствовании гражданского процессуального права Республики Казахстан, которая будет иметь определяющее значение для содержания отдельных институтов данной отрасли права.

Abstract. The article discusses the significant changes that have occurred in civil proceedings of the Republic of Kazakhstan over the past 3 years, and reveals their reasons. Purpose: to show trends in the modernization of civil court proceedings due to economic, social and political changes in society. Research methods: analytical, systematic, formal-legal, comparative analysis, scientific generalizations. On the basis of these methods, the following innovations are briefly described: the separation of cases arising from public law relations, from civil cases and the establishment of administrative procedural law; the introduction of institutions of «exemplary decision», extraterritorial jurisdiction of cases and pre-trial protocol; the consolidation of fair consideration and resolution of civil cases as a task of civil proceedings; the expansion of the competence of specialized inter-district juvenile courts; the regulation of procedural rights and duties of a representative on behalf; the exclusion of the power of the court of appeal to refer the case to the court of first instance for a new review and resolution. Results: it is substantiated that the category of «justice» is a priority in the further improvement of the civil procedural law of the Republic of Kazakhstan, which will be decisive for the content of certain institutes of this branch of law.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, справедливое правосудие, пересмотр отдельных традиционных институтов гражданского процессуального права, совершенствование гражданского процессуального права

Для цитирования: Баймолдина З.Х. Гражданское судопроизводство в Республике Казахстан: новеллы и тенденции / З.Х. Баймолдина. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.16 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 149–155

Keywords: civil proceedings, administrative proceedings, fair justice, revision of certain traditional institutions of civil procedure law, improvement of civil procedure law

For citation: Baimoldina Z.Kh. Civil proceedings in the Republic of Kazakhstan: innovations and trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 149–155 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.16.

ВВЕДЕНИЕ

В Казахстане проводится модернизация всех форм судопроизводства, для того чтобы оно содержательно отвечало истинному значению правосудия, соответствовало категории справедливости. Цель модернизации заключается в обеспечении эффективной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций. Иными словами, внесены поправки в законодательные акты, регулирующие порядок рассмотрения и разрешения гражданских, административных, уголовных дел и дел об административных правонарушениях. Работа в этом направлении продолжается.

О НАПРАВЛЕНИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

За прошедшие три с небольшим года ГПК РК¹ претерпел ряд существенных изменений и дополнений. Среди них в первую очередь необходимо отметить **исключение из сферы гражданского судопроизводства дел по спорам, возникающим из публично-правовых отношений**. 29 июня 2020 г. принят Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – АППК)², который придал импульс новому

этапу реформ, направленных на обеспечение прав граждан и организаций. Ранее вопросы судебной защиты прав граждан, организаций от неправомерных актов и действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц разрешались в рамках гражданского судопроизводства, несмотря на наличие существенной разницы в природе спора о праве и субъектах правовых отношений. Тогда действовало правило: судам подведомственны дела особого искового производства, возникающие из публично-правовых отношений в сфере государственного управления, категории которых предусмотрены ГПК РК. Теперь же, с момента введения в действие АППК, то есть с 1 июля 2021 г., эти дела исключены из числа гражданских дел³.

Часть 1 ст. 102 АППК, регулирующая вопросы подсудности административных дел, предусматривает, что административное судопроизводство осуществляется специализированными районными и приравненными к ним административными судами. По заявлению истца дела, отнесенные к подсудности специализированного районного и приравненного к нему административного суда, могут рассматриваться судом по месту жительства истца, за исключением дел, подсудных специализированным районным и приравненным к ним административным судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров. Из этого следует, что административные суды, осу-

1 Гражданский процессуальный кодекс РК от 31.10.2015 № 377-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 08.04.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 24.04.2023).

2 Административный процедурно-процессуальный кодекс РК от 29.06.2020 № 350-VI ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 19.04.2023) // Ведомости Парламента РК. 2020. № 13, ст. 66 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350> (дата обращения: 24.04.2023). До принятия АППК вопросы понимания административного судопроизводства и способов его внедрения в казахстанскую практику обсуждались более десяти лет.

3 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам административного процедурно-процессуального законодательства Республики Казахстан : Закон РК от 29.06.2020 № 351-VI ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000351> (дата обращения: 24.04.2023). Поправки в ГПК РК внесены законом, введенным в действие с 01.07.2023.

ществляющие правосудие по делам по спорам, возникающим из публично-правовых отношений, входят в систему судебной власти и занимают в ней обособленное место, функционируя наряду с другими судами районного уровня.

Изложенное дает основание для утверждения о возникновении в Республике Казахстан новой отрасли права – административно-процессуальной как системы правовых норм, регулирующих порядок судопроизводства по делам по спорам, вытекающим из публичных правоотношений.

Приняв АППК, законодатель решил теоретический спор, связанный с интегративным подходом к пониманию административно-судебной юрисдикции, согласно которому ее предмет составляют два вида дел: административные дела и дела об административных правонарушениях. Позиция законодателя заключается в том, что судопроизводство по административным делам и судопроизводство по делам об административных правонарушениях – различные виды отправления правосудия, поскольку предметом судебной деятельности являются неодинаковые виды юрисдикционных дел, обусловленные разными видами административно-правового конфликта: административно-правовой спор и административное правонарушение.

В Казахстане действует КоАП РК⁴, который устанавливает порядок судопроизводства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, АППК регулирует порядок судопроизводства по административным делам, то есть судебного процесса по решению вопроса о правомерности административного акта, действия (бездействия) административного органа, должностного лица. КоАП РК же устанавливает порядок судопроизводства по делам об административных правонарушениях, то есть судебного процесса по решению вопроса об административной ответственности граждан и юридических лиц.

Работа по совершенствованию судебного производства по гражданским делам продолжалась одновременно и по другим направлениям. 12 февраля 2021 г. Президент Казахстана провел совещание по вопросам модернизации

судебной системы. Он отметил, что государство продолжает модернизацию судебной системы и проводимые реформы должны обеспечить справедливое правосудие⁵. По итогам проведенной в течение двух лет работы 20 декабря 2021 г. был принят Закон РК № 84-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров»⁶.

Среди существенных новелл ГПК РК следует отметить введение следующих институтов: «образцовое решение», экстерриториальная подсудность; досудебный протокол. Наряду с этим пересмотрены отдельные традиционные институты ГПК РК, в частности унифицированы средства обращения в суд первой инстанции, исключено заочное производство, в компетенцию нотариата переданы некоторые требования, по которым выносились судебные приказы.

Рассмотрим отдельно указанные новеллы.

«ОБРАЗЦОВОЕ РЕШЕНИЕ»

Этот термин не употребляется в ГПК РК, однако используется в судебной практике. Суть данного института сводится к следующему: вышестоящему по уровню суду предоставляется право с согласия сторон истребовать, принять к своему производству одно из однородных дел, рассмотреть и вынести по нему решение по правилам суда первой инстанции, которое судами в дальнейшем будет использовано в качестве образцового решения. Речь идет об обеспечении единообразного толкования норм права нижестоящими судами в целях исключения вынесения разных судебных актов по схожим делам. Таким образом, цель введения нового института – обеспечение единообразия в применении норм права. Фактически усиливается роль судов вышестояще-

⁵ Глава государства провел совещание по вопросам модернизации судебной системы 12.02.2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-modernizacii-sudebnoy-sistemy (дата обращения: 24.04.2023).

⁶ Эділет : інформаційно-правова система нормативних правових актів Республіки Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000084/history> (дата обращения: 25.04.2023).

⁴ Кодекс РК об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 01.04.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 24.04.2023).

го уровня в формировании единой судебной практики. Нередко в суде первой инстанции имеется множество однотипных, однородных дел, к примеру, по искам абонентов к операторам связи по поводу неправильных начислений; по спорам, связанным с деятельностью ломбардов, микрофинансовых организаций; по спорам, связанным с завезенными из стран ЕАЭС автомобилями. Вынесение судами по таким делам разных решений вызывает обоснованную критику, поэтому для формирования единообразной практики введено так называемое «образцовое решение». К настоящему времени вынесено 8 «образцовых решений»: в 2022 г. – 7 решений; в первом квартале 2023 г. – 1 решение.

Применение правовых позиций суда вышестоящего уровня рассматривается как диспозитивная возможность. Суд первой инстанции вправе ссылаться на правовые позиции, изложенные в «образцовом решении», при рассмотрении однородных дел⁷. «Образцовое решение» не предполагает перехода на прецедентную систему права, поскольку таковым не является в силу отсутствия жесткой привязанности – судья вправе не учитывать решение суда вышестоящего уровня, в то же время позволяет суду принимать во внимание правовые позиции вышестоящего по уровню суда по схожим делам. К тому же «образцовое решение» дает возможность участникам гражданских правоотношений сделать анализ наиболее вероятной позиции суда по возникшему спору о праве и скорректировать свои действия, включая отказ от обращения в суд.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОДСУДНОСТЬ

Нормы ГПК РК об экстерриториальной подсудности введены в действие с 1 августа 2022 г. По состоянию на 21 апреля 2023 г. путем применения данной подсудности судами рассмотрено 461 гражданское дело. Суть состоит в том, что для рассмотрения дел IT-программа

отбирает менее загруженный суд независимо от его территориального расположения, но с учетом специализации. Иными словами, возможна ситуация, когда истец и ответчик находятся в одном регионе, а суд – в другом. Для этого необходимо согласие сторон. Распределение дел между судьями всех судов первой инстанции производится посредством информационной системы АРД. Система случайным методом определяет суд и судью, который будет рассматривать дело. Правосудие, как правило, отправляется в онлайн-режиме, то есть речь идет об электронном правосудии. Сейчас более 95 % судебных заседаний по гражданским делам проходят в онлайн-формате.

Преимущества экстерриториальной подсудности заключаются в следующем: 1) экономия времени и ресурсов как для судов, так и для участников процесса. Фактически даже после пандемии в Казахстане преобладает письменный процесс в режиме онлайн; 2) устранение коррупционных рисков и сомнений в беспристрастности местного суда. Нередко одна из сторон судебного процесса выражает недоверие к решению суда, особенно по спорам с местными госорганами. Кстати, в российской процессуальной науке имеются предложения о введении экстерриториальной подсудности гражданских дел именно для исключения коррупции в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. При этом указывается, что для преодоления коррупции достаточно деперсонифицировать информацию о составе суда [1]; 3) обеспечение равномерной нагрузки на судей, справедливое распределение дел. Одна из главных особенностей регионов заключается в разной плотности населения. В некоторых судах нагрузка на одного судью достигает 700 дел в год, в то время как другие суды рассматривают в 7 и более раз меньше дел. Основная нагрузка ложится на судей судов в крупных городах.

ДОСУДЕБНЫЙ ПРОТОКОЛ

С принятием 31 октября 2015 г. ГПК РК в судопроизводстве появились зачатки института раскрытия доказательств. Теперь ГПК РК предусматривает составление досудебного протокола при решении вопроса о принятии иска к производству суда. Новые нормы, регулирующие вопросы досудебного протокола,

⁷ Данный вывод вытекает из содержания ст. 226 ГПК РК, согласно которой: 1) суд вправе ссылаться на правовые позиции суда вышестоящей инстанции, изложенные в решении при рассмотрении однородных дел в соответствии с подсудностью, предусмотренной ст. 27-1 и 28-1 ГПК РК (п. 5-1); 2) суд в случае невозможности выполнения положений, изложенных в постановлении суда апелляционной или кассационной инстанции, при новом рассмотрении дела должен привести мотивы их невыполнения (п. 5-2).

направлены на то, чтобы с помощью этого документа стороны, оценив свои возможности, могли прийти к примирению или отказаться от возбуждения дела. В случае составления досудебного протокола принятие иска осуществляется в течение 15 рабочих дней со дня его поступления. Увеличение срока принятия искового заявления до 15 рабочих дней установлено для обеспечения раскрытия доказательств в досудебном порядке.

Необходимо отметить осторожный подход законодателя: ГПК РК предусматривает право взаимно раскрыть и представить доказательства, отраженные в досудебном протоколе (абз. 2 ч. 1 ст. 174). Иными словами, нет обязанности сторон по составлению судебного протокола, поэтому ГПК РК не устанавливает гражданско-процессуальных санкций за несовершенство сторонами данного действия. В то же время следует отметить, что судья при подготовке дела к судебному разбирательству обязывает стороны представить документы и доказательства, отраженные в досудебном протоколе, в случае если при принятии иска в досудебном протоколе взаимно были раскрыты и представлены доказательства (подп. 15 ст. 165 ГПК РК). Следовательно, ответственность может наступить для стороны, не исполнившей данное требование судьи, поскольку такое бездействие признается неуважением к суду.

Следующая группа существенных поправок в действующее законодательство, в том числе в ГПК РК, связана реализацией Послания Президента страны народу Казахстана от 16 марта 2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации»⁸, где особое внимание уделено защите фундаментальных прав граждан. Политическая установка на трансформацию общества была реализована путем проведения 5 июня 2022 г. республиканского референдума о внесении изменений и дополнений в Конституцию Казахстана, по итогам которого 77,18 % граждан от количества проголосовавших поддержали внесение поправок. Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» вступил в силу 8 июня того же года⁹.

8 Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 25.04.2023).

9 Официальное сообщение об итогах республиканского референдума опубликовано в газетах «Егемен Қазақстан» от 08.06.2022, «Казахстанская правда» от 08.06.2022.

В целом конституционные поправки направлены на глубокую трансформацию политической системы страны, обновление экономических, социальных и культурных отношений, то есть на создание новой модели общества через преодоление тех негативных явлений, которые у нас имеются. Ряд из них направлен на обеспечение верховенства закона и усиление защиты конституционных прав и свобод граждан посредством создания новых мощных институтов и механизмов. В конечном итоге они станут рычагом для справедливой и ответственной работы всех органов государственной власти, включая суды.

Соответствующие этим конституционным положениям поправки внесены в ГПК РК. Так, в целях наиболее полной реализации политических установок¹⁰ и новых положений Конституции был принят Закон РК от 27 марта 2023 г. № 216-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процессуального законодательства и реформирования судебной системы»¹¹. Важно обратить внимание на следующие новшества гражданского судопроизводства, внесенные данным законом.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

Внесено дополнение в ст. 4 ГПК РК, согласно которому одной из задач гражданского судопроизводства теперь является не только обеспечение полного и своевременного, но и справедливого рассмотрения и разрешения дела. Судопроизводство – это механизм формализации правосудия, поэтому правосудие и судопроизводство выступают как правовые явления, отражающие единство содержания и формы. Исходя из этого, можно утверждать, что нормы процессуального права должны обеспечивать правосудность. В связи с этим система норм о гражданском судопроизводстве подлежит оценке с позиций обеспече-

10 В частности, 19 мая 2022 г. на встрече с представителями отечественного бизнеса Президент страны К.К. Токаев акцентировал внимание на приоритетности открытого и справедливого правосудия (см.: Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-provel-vstrechu-s-predstaviteliyami-otechestvennogo-biznesa-1945733> (дата обращения: 25.04.2023)).

11 Эділет : інформаційно-правова система нормативних правових актів Республіки Казахстан [Електронний ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000216/history> (дата обращения: 26.04.2023).

ния и достижения справедливости. Поэтому необходимо определить сопряженную со справедливостью комбинацию принципов судопроизводства, на которых должны быть построены все его отдельные институты и нормы. Судопроизводство содержательно должно отвечать истинному значению правосудия, соответствовать категории справедливости [2, с. 7]. Указанное, как нам представляется, является приоритетом в дальнейшем совершенствовании гражданского процессуального права.

**ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМ
МЕЖРАЙОННЫМ СУДАМ ПО ДЕЛАМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(ДАЛЕЕ – ЮВЕНАЛЬНЫЙ СУД).**

Компетенция данных судов расширена. Нормы ГПК РК об этом введены в действие с 1 сентября 2023 г. Цель – обеспечить объективное, всестороннее и справедливое рассмотрение дел, связанных с правами и законными интересами несовершеннолетних. Часть 3 ст. 27 ГПК РК, в которой перечисляются дела, подсудные ювенальным судам, дополнена. В частности, к компетенции этих судов отнесены дела о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей; о разделе имущества (при наличии несовершеннолетних детей); об определении порядка общения близких родственников с ребенком, проживающим отдельно от них; о признании усыновления (удочерения) недействительным; о защите наследственных прав несовершеннолетних; о возвращении незаконно перемещенного в Казахстан или удерживаемого в Казахстане ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного договора, ратифицированного Республикой Казахстан. Более того, ГПК РК установила правило о том, что ювенальные суды рассматривают и разрешают гражданские дела по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних (абз. 2 ч. 3 ст. 27). В дальнейшем, как сказал Председатель Верховного Суда РК А.А. Мергалиев, целесообразно «создание отдельного суда, который будет полностью разрешать все споры, связанные с семьей»¹².

¹² Правосудие Казахстана: в контексте преобразований [Электронный ресурс]. URL: <https://kazpravda.kz/n/pravosudie-kazahstana-v-kontekste-preobrazovaniy/> (дата обращения: 26.04.2023).

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПО ПОРУЧЕНИЮ

ГПК РК дополнен нормой о том, что представитель по поручению обладает процессуальными правами и несет процессуальные обязанности лица, интересы которого он представляет, в пределах предоставленных ему полномочий (ч. 4 ст. 60). Ранее ГПК РК не регламентировал процессуальные обязанности представителей по поручению, включая профессиональных (адвокатов и юридических консультантов), поэтому отсутствовали основания для привлечения их к ответственности в случаях злоупотребления процессуальными правами. Теперь на них возложены обязанности, предусмотренные ГПК РК для лиц, участвующих в деле, в том числе к ним могут быть применены последствия в случае неисполнения этих обязанностей. К тому же возложение на представителя по поручению обязанностей лица, интересы которого он представляет, позволит культивировать соответствующую этику на судебных процессах и в обществе. В целом такая практика имеется во многих странах.

Помимо этого, на представителя возложены следующие обязанности: 1) в иске, предъявляемом и подписанном представителем, должна содержаться ссылка на норму закона, на которой основываются требования (ч. 2 ст. 148 ГПК РК); 2) в отзыве на иск, представляемом и подписанном представителем, должна содержаться ссылка на доказательства и норму закона, обосновывающие возражения (абз. 2 ч. 4 ст. 166 ГПК РК). Указанное обусловлено тем, что в судебных процессах принимают участие профессиональные представители, обладающие необходимыми правовыми знаниями.

**ПОЛНОМОЧИЯ СУДА
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ**

Новеллы, касающиеся апелляционного производства, введены в действие с 1 июля 2023 г. С этого момента суд апелляционной инстанции не имеет полномочий по направлению дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение и разрешение. Данные процессуальные нормы направлены на исключение волокиты по гражданскому делу, обеспечение принципов процессуальной экономии и повышение качества судебных актов. В целом они станут гарантией реализации справедливого отправления правосудия.

При этом порядок рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции будет зависеть от оснований к отмене или изменению решения суда первой инстанции, которые установлены вышестоящей инстанцией. В случаях, когда решение подлежит отмене в любом случае, то есть когда речь идет о безусловных основаниях к отмене решения – существенных процессуальных нарушениях, указанных в ч. 4 ст. 427 ГПК РК, – суд апелляционной инстанции будет рассматривать и разрешать дело по правилам суда первой инстанции. Фактически в этих случаях суд вышестоящей инстанции будет иметь возможность для полноценного вторичного рассмотрения и разрешения дела по существу, действуя как суд первой инстанции. Во всех остальных случаях изменения или отмены решения суда первой инстанции будут применяться правила рассмотрения дела, установленные для порядка апелляционного производства. Специфика, в частности, заключается в ограничении возможности по представлению доказательств. Согласно ч. 2 ст. 413 ГПК РК суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также представленные в соответствии с ч. 2 ст. 404 ГПК РК доказательства в пределах заявленного иска. Часть 2 ст. 404 ГПК РК предусматривает, что ссылка на новые доказательства, которые не были представлены в суд первой инстанции, допускается,

если жалоба, ходатайство прокурора содержат обоснование невозможности их представления в суд первой инстанции, в том числе если лицо не было привлечено к участию в деле в суде первой инстанции, а также если в суде первой инстанции заявлялось ходатайство об их исследовании и (или) истребовании, но оно было оставлено без удовлетворения. Можно также отметить, что проведение подготовки дела апелляционным судом не обязательно. Часть 2 ст. 414 ГПК РК устанавливает, что судья в течение 10 рабочих дней со дня поступления дела в суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству лиц, участвующих в деле, в порядке подготовки дела к рассмотрению совершить действия, предусмотренные ст. 165 ГПК РК.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное свидетельствует о том, что в гражданское судопроизводство Республики Казахстан введены институты, позволяющие обеспечить требования доступности правосудия, концентрации доказательственной базы, ускорения процесса и правовой определенности. Все новеллы ГПК РК направлены на обеспечение полноценной защиты прав и законных интересов граждан и организаций посредством справедливого отправления правосудия по гражданским делам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пономаренко В.А. Федеральный закон № 86-ФЗ – важный шаг на пути к электронному правосудию / В.А. Пономаренко // Закон. – 2012. – № 10. – С. 128–139.
2. Баймолдина З.Х. Духовно-нравственная природа правосудия / З.Х. Баймолдина // Права человека и справедливое правосудие: современные тренды и новые векторы : сборник материалов IV Евразийского форума по правам человека (г. Астана, 9 декабря 2022 г.) / под ред. З.Х. Баймолдиной. – Астана : Изд-во РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2023. – С. 5–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баймолдина Зауреш Хамитовна – кандидат юридических наук, профессор, ректор Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baimoldina Zauresh Khamitovna – Candidate of Sciences (Law), Professor, Rector of the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 12.09.2023. The article was submitted 10.08.2023; approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 12.09.2023.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 342.32
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.17

Original article

ЗАЙНУЛЛИН Руслан Ильдарович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: zaynullin083@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-8571-5555>

ZAINULLIN Ruslan Ildarovich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PROSPECTS FOR DEVELOPING PRIVATE CRIMINALISTIC DOCTRINES ON THE
PERSONALITY OF A MINOR PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Проблемы обогащения теоретической базы науки криминалистики всегда отличались своей актуальностью. Тем более если такие учения (теории) имеют прикладной характер, а их результаты могут быть использованы в современной правоохранительной практике. Цель настоящей публикации – исследование перспектив формирования частных криминалистических учений о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: определен круг актуальных проблем, требующих теоретического обоснования и решения, обозначены перспективы будущих научных криминалистических исследований. Выявление рассматриваемых проблем и их решение позволит повысить целенаправленный характер научных исследований в области частных криминалистических учений.

Ключевые слова: общая теория криминалистики, частное криминалистическое учение, личность несовершеннолетнего, уголовное судопроизводство, несовершеннолетний обвиняемый, несовершеннолетний свидетель, несовершеннолетний потерпевший

Для цитирования: Зайнуллин Р.И. Перспективы развития частных криминалистических учений о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства / Р.И. Зайнуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.17 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 156–159

Abstract. The problems of enriching the theoretical basis of the science of criminalistics have always been very topical. All the more so if such doctrines (theories) are applied, and their results can be used in modern law enforcement practice. The purpose of this publication is to study the prospects for the formation of private criminalistic doctrines on the personality of a minor participant in criminal proceedings. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the author identifies a list of current problems that require their theoretical justification and solution, determines the prospects for future scientific criminalistic research. The identification and resolution of the issues involved will enhance the focus of research in the field of private criminalistic doctrines.

Keywords: general theory of criminalistics, private criminalistic doctrine, personality of a minor, criminal proceedings, minor accused, minor witness, minor victim

For citation: Zainullin R.I. Prospects for developing private criminalistic doctrines on the personality of a minor participant in criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 156–159 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.17.

ВВЕДЕНИЕ

В основе науки криминалистики лежит деятельностный подход, то есть криминалистика изучает не явления физического мира, она изучает деятельность. Сама по себе деятельность как одна из основных форм существования человека немыслима без ее субъекта, а потому криминалистическая теория о личности участника уголовного судопроизводства – одна из основных в структуре общей теории криминалистики. Хотя буквально двадцать лет назад Р.С. Белкин писал: «Таким образом, как нам представляется, нет достаточных оснований считать, что система частных криминалистических теорий пополнилась еще одним элементом – криминалистическим учением о личности: ни целесообразность конструирования такой криминалистической теории, ни сам факт ее возникновения еще нельзя считать признанными» [1, с. 10]. И это несмотря на то, что работы по формированию частных криминалистических учений о личности велись уже давно [2, с. 108].

МЕСТО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

На современном этапе развития науки криминалистики этот вопрос уже не является актуальным, поскольку криминалистические учения (теории) о личности участников уголовного судопроизводства заняли свое достойное место в системе общей теории криминалистики. За прошедший период были сформированы: частная криминалистическая теория о личности несовершеннолетнего обвиняемого [3, с. 245], о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей [4, с. 73–79], новые подходы к криминалистическому изучению лица, совершившего преступление [5, с. 205].

Таким образом, можно констатировать, что сегодня опасения Р.С. Белкина об отсутствии оснований для включения частных криминалистических учений о личности в структуру общей теории криминалистики полностью развеяны.

Наличие солидной теоретической базы криминалистического изучения личности отнюдь не означает отсутствие актуальных про-

блем такого изучения. Тем более если речь идет о таких особых участниках уголовного судопроизводства, как несовершеннолетние. В настоящей статье мы ставим перед собой цель лишь обозначить проблемы, часть которых в ближайшее время, вполне возможно, будет решена путем проведения соответствующих исследований.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УЧАСТНИКА СУДОПРОИЗВОДСТВА

Необходимость формирования частных криминалистических учений о личности несовершеннолетних участников судопроизводства, на наш взгляд, обуславливается наличием следующих проблем, нуждающихся в решении.

1. Проблема обобщения, анализа и систематизации знания об этапах развития и современном состоянии учения о личности участника уголовного судопроизводства. Решение данной проблемы позволит не только определить современную структуру системы науки криминалистики, но и проанализировать историю развития общей теории криминалистики. Тем самым появляется возможность определения перспектив развития частных криминалистических теорий в целом.

2. Проблема классификации несовершеннолетних по различным основаниям. Вопросы криминалистической классификации всегда находились под пристальным вниманием ученых-криминалистов, а решение актуальных проблем классификации несовершеннолетних способно не только значительно обогатить арсенал инструментария и методологии исследователя, но и выступить в качестве основы для разработки достаточно конкретных алгоритмов и практических рекомендаций в рамках разрабатываемых частных криминалистических учений о личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

3. Проблема определения структуры комплекса криминалистически значимых свойств личности несовершеннолетнего, решение которой является центральным элементом любой частной криминалистической теории о личности рассматриваемой категории участников уголовного судопроизводства. Опреде-

ление четкой структуры изучения личности несовершеннолетнего обеспечивает, во-первых, формирование одной из центральных теоретических конструкций рассматриваемых учений (теорий), во-вторых, придает целенаправленность поисково-познавательной деятельности субъекта расследования.

4. Проблема определения основных источников получения криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетних; проблема систематизации методов и наиболее эффективных средств исследования личности несовершеннолетнего. Вопросы получения криминалистически значимой информации о личности несовершеннолетнего являются ключевыми для формирования частных криминалистических учений о личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Определение таких идеализированных объектов исследования, как «источники» и «методы» получения криминалистической информации, составляет основу будущего частного криминалистического учения.

Следующая группа научных проблем, требующих решения, является следствием и выводами, вытекающими из тех теоретических конструкций, которые будут сформированы на основе научного решения первых четырех проблем. Кроме того, решение рассматриваемой группы проблем будет обеспечивать прикладной характер будущих частных криминалистических учений (теорий) о личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Указанная группа проблем включает в себя:

- проблемы установления и поддержания психологического контакта с несовершеннолетними. Криминалистическая категория «психологический контакт» является довольно распространенной в криминалистике. Обзор криминалистической литературы позволяет сделать вывод о достаточно широком освещении проблем, связанных с установлением и поддержанием психологического контакта [6, с. 42]. Вместе с тем до сих пор ожидают решения многочисленные проблемы установления и поддержания психологического контакта с таким особым участником уголовного судопроизводства, как несовершеннолетний. Та феноменальность, которая присуща этому идеализированному объекту,

обуславливает невозможность использования существующих общих научных рекомендаций. В этой связи указанные проблемы сегодня выходят на первый план;

- проблемы криминалистического обеспечения следственной проверки, проводимой с участием несовершеннолетних. Указанная группа проблем может заключаться в определении организационно-тактических форм участия несовершеннолетних в следственной проверке и в их наполнении криминалистическим содержанием. Это, в свою очередь, позволит сформировать научно обоснованные рекомендации, направленные на повышение эффективности и результативности поисково-познавательной деятельности следователя и дознавателя;

- проблемы криминалистического обеспечения следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних. Обширная проблематика выявляется и на такой основной стадии воссоздания произошедшего преступного события, участником которого являлся несовершеннолетний, как предварительное расследование. Значительная проблемная область имеется при решении вопросов криминалистического обеспечения производства следственных действий с участием несовершеннолетних, многочисленных вопросов тактического характера, проблем обеспечения нравственности и выполнения воспитательных функций следователем и дознавателем;

- проблемы типизации и раскрытия содержания следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования с участием несовершеннолетних. Определение системы следственных ситуаций, несомненно, обеспечивает возможность алгоритмизации поисково-познавательной деятельности следователя и дознавателя;

- проблемы разработки алгоритмов применения тактических приемов в отношении несовершеннолетних. Выявление и решение проблем алгоритмизации применения тактических приемов определяет возможный прикладной характер будущих исследований, направленных на повышение эффективности и результативности расследования;

- проблемы криминалистического обеспечения судебного разбирательства с участием несовершеннолетних свидетелей и потерпев-

ших. Актуальность таких исследований подчеркивалась многими учеными [7, с. 138]. Сегодня очевидно, что решение этих проблем является перспективной областью исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, решение выявленных нами актуальных проблем криминалистического изучения личности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства мо-

жет выступать основой для формирования частных криминалистических теорий (учений) будущими исследователями. Конечно, указанные проблемы криминалистического изучения личности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства не являются исчерпывающими, их перечень подлежит расширению. Вместе с тем полагаем, что решение данных проблем будет способствовать постепенному обогащению теоретической базы науки криминалистики.

Список источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов : в 3 т. / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – Москва, 1989. – Т. 2. – 837 с.
2. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем / Е.Е. Центров. – Москва : Изд-во МГУ, 1988. – 159 с.
3. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования / И.А. Макаренко. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 347 с.
4. Зайнуллин Р.И. Частное криминалистическое учение: сущность, понятие, структура и функции / Р.И. Зайнуллин // Юридическая наука. – 2021. – № 6. – С. 73–79.
5. Малыгина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы : монография / Н.И. Малыгина ; под ред. А.Ф. Волынского. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 310 с.
6. Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего / А.Б. Соловьев. – Москва, 1974. – 147 с.
7. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Н.П. Яблокова. – Москва, 1995. – 371 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайнуллин Руслан Ильдарович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaynullin Ruslan Ildarovich – Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023; одобрена после рецензирования 21.08.2023; принята к публикации 22.08.2023. The article was submitted 03.08.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 22.08.2023.

REFERENCES

1. Belkin R.S. Course in criminalistics: textbook for universities. 3rd ed. Moscow, 1989. Vol. 2. 837 p.
2. Centrov E.E. Criminalistic doctrine of the victim. Moscow State University Publ., 1988. 159 p.
3. Makarenko I.A. The personality of a juvenile defendant as an object of criminalistic research. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 347 p.
4. Zainullin R.I. Private forensic science: the essence, concept, structure and functions. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2021, no. 6, pp. 73–79. (In Russian).
5. Malykhina N.I.; Volynsky A.F. (ed.). Criminalistic study of the person who committed the crime: theoretical and applied problems. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 310 p.
6. Soloviev A.B. Interrogation of the witness and victim. Moscow, 1974. 147 p.
7. Yablokov N.P. (ed.). Criminalistics. Moscow, 1995. 371 p.

Научная статья
УДК 343.132
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.18

Original article

ИЛЬЮХОВ Алексей Александрович
Смоленский государственный университет,
Саратовская государственная юридическая
академия (Смоленский филиал),
Смоленск, Россия;
e-mail: alexsmol672019@yandex.ru;

ILYUKHOV Alexey Alexandrovich
Smolensk State University, Saratov State Law
Academy (Smolensk Branch), Smolensk, Russia.

ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ АДВОКАТОМ В ХОДЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ, И ПРИЕМЫ ТАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, ПОВЫШАЮЩИЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕГО ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**ERRORS COMMITTED BY THE LAWYER IN CRIMINAL PROCEEDINGS TO BE TRIED
BY A JURY AND TACTICAL TECHNIQUES THAT INCREASE THE EFFECTIVENESS
OF HIS ADVOCACY ACTIVITIES**

Аннотация. В настоящее время в рамках решения вопроса о расширении процессуальных возможностей деятельности адвоката по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом присяжных, остро стоит вопрос эффективного использования имеющихся правовых возможностей по отстаиванию интересов своего подзащитного с учетом особенностей производства по указанной категории уголовных дел. Умение применять тактические приемы с учетом особенностей производства по уголовным делам этой категории повысит эффективность правозащитной деятельности адвоката, снизит количество ошибок и нарушений правового, тактического характера, допускаемых адвокатом в суде. Цель: исследование проблем, связанных с применением адвокатом тактических приемов, позволяющих ему качественно отстаивать интересы подзащитного по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, снижая тем самым ошибки и нарушения тактического и правового характера. Методы: общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). Результаты: раскрыты ошибки и нарушения, допускаемые адвокатом в рамках судопроизводства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных, предложены тактические и правовые приемы, позволяющие повысить эффективность правозащитной деятельности по указанной категории уголовных дел.

Abstract. Currently, as part of the decision to enhance the procedural capacity of the lawyer in criminal cases to be tried by a jury, there is an urgent need to make effective use of available legal opportunities to defend the interests of his client, taking into account the specific features of proceedings in this category of criminal cases. The ability to apply tactical techniques tailored to the specifics of criminal proceedings in this category will increase the effectiveness of the lawyer's advocacy activities, reduce the number of errors and violations of a legal and tactical nature committed by the lawyer in court. Purpose: to study the problems associated with the use of tactical techniques by the lawyer that enable him to effectively defend the interests of the defendant in criminal cases to be tried by a jury, thereby reducing errors and violations of a tactical and legal nature. Methods: general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, etc.). Results: the article reveals the errors and violations committed by the lawyer in criminal proceedings to be tried by a jury, proposes tactics and legal techniques that allow to increase the effectiveness of advocacy activities in this category of criminal cases.

Ключевые слова: уголовный процесс, суд присяжных заседателей, ошибки и нарушения, адвокат, правозащитная деятельность, тактические приемы

Keywords: criminal procedure, jury trial, errors and violations, lawyer, advocacy activities, tactical techniques

Для цитирования: Илюхов А.А. Ошибки, допускаемые адвокатом в ходе судопроизводства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, и приемы тактического характера, повышающие эффективность его правозащитной деятельности / А.А. Илюхов. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.18 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 160–167

For citation: Ilyukhov A.A. Errors committed by the lawyer in criminal proceedings to be tried by a jury and tactical techniques that increase the effectiveness of his advocacy activities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 160–167 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.18.

ВВЕДЕНИЕ

Оказывая юридическую помощь, адвокат руководствуется принципами равенства и состязательности сторон процесса, презумпции невиновности, справедливости, беспристрастности разбирательства в суде. Однако не только соблюдение указанных принципов позволяет адвокату эффективно выстраивать линию защиты, критически оценивая результаты расследования, но и знание норм материального, уголовно-процессуального права, а также социологии, психологии, философии, истории и других наук, которые могут эффективно применяться на практике. Причем его деятельность направлена не столько на получение оправдательных, сколько на оценку собранных обвинением доказательств, указание суду на содержащиеся в них недостатки, на что обращает внимание и Я.И. Баршев [1, с. 122–123].

Сказанное свидетельствует о том, что цель адвоката – достижение истины по уголовному делу, а не стремление любым путем посеять сомнения в объективности обвинительных доказательств.

ОШИБКИ ТАКТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, ДОПУСКАЕМЫЕ АДВОКАТОМ В ХОДЕ ПРАВАЗАЩИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тактической ошибкой адвоката является запугивание или попытка опорочить репутацию свидетеля или потерпевшего в ходе их допроса в суде. Подобное поведение, по мнению А.А. Арсеньева, способно вызвать обратную реакцию у присяжных заседателей [2, с. 269–270]. Судебная практика знает примеры, когда адвокат, чтобы опорочить свидетеля и сформировать негативное отношение к

нему со стороны присяжных заседателей, пытался убедить суд в вероятной причастности свидетеля к совершению преступления.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменен приговор Кемеровского областного суда с участием присяжных заседателей, которым К. оправдан по ч. 2 ст. 209 УК РФ, п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а», «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ, ч. 3 ст. 222 УК РФ, Г. оправдан по ч. 2 ст. 209 УК РФ, ч. 3 ст. 30, п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, Б. и Б. оправданы по ч. 3 ст. 33 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, а С. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, Б. – по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Констатируя допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на ответы присяжных заседателей при оправдании К., Г., Б. и Б., Судебная коллегия отметила, что защитники довели до присяжных заседателей информацию о заключении со свидетелями П., К. и Т. досудебного соглашения о сотрудничестве, чем при оценке их показаний подвергали сомнению их достоверность из-за особого правового положения этих свидетелей, которые, по мнению стороны защиты, имеют свою заинтересованность¹.

Это не единственный случай нарушений порядка судебного следствия со стороны адвокатов. Например, по одному из уголовных дел, рассмотренных судом присяжных, защита сослалась на отсутствие равноправия и состязательности сторон процесса, поскольку «собирайте доказательства адвокату достаточно сложно, имея в виду его процессуальное положение по сравнению со стороной обвинения».

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.06.2020, дело № 81-АПУ20-1СП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

Нарушением суд посчитал также и следующее высказывание адвоката: «...нужно иметь в виду некое процессуальное неравенство, у адвоката мало возможностей довести свои доводы»².

Комментируя доказательства в суде, некоторые адвокаты позволяют себе такие высказывания: «в правоохранительных органах доказательства «подтасовываются», как это имело место в кино «Место встречи изменить нельзя»»; «содержание доказательств настолько неверно интерпретировано, что комментировать их нормальными приличными словами невозможно»; «государственный обвинитель полагает, что Вас можно обвести вокруг пальца, тогда как мы этого не считаем» и др. [3, с. 128]. Также в судебном следствии по одному из уголовных дел адвокат в присутствии присяжных заседателей заявил, что его подзащитный был «назначен убийцей» и что «никто никаких доказательств не собирал, и все это мнимое обвинение»³.

Нарушения со стороны адвоката присутствуют и на этапе прений сторон – допускаются высказывания, не относящиеся к обстоятельствам исследуемого события. Также предпринимаются попытки дискредитировать личность потерпевшего и тем самым воздействовать на мнение присяжных заседателей, что подтверждается примерами судебной практики.

Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ оставлены без изменения приговор Калининградского областного суда с участием присяжных заседателей и определение судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции, согласно которым на основании вердикта коллегии присяжных заседателей Р. оправдан по обвинению в подстрекательстве к убийству, а Д. – по обвинению в убийстве из корыстных побуждений Ж. Кроме этого, Д. оправдан по обвинению в незаконном приобретении, передаче, хранении и ношении пистолета

ПМ и патронов к нему. Проверая доводы кассационной жалобы потерпевшей и ее представителя о нарушениях, допущенных адвокатами Р. и Д., Судебная коллегия указала, что когда защита в присутствии присяжных заседателей указывала на длительный срок предварительного следствия, то безосновательно ставила под сомнение доказательства стороны обвинения, пыталась опорочить личность потерпевшего, отмечая, что он сам из преступной среды, чтобы создать негативный образ стороны обвинения и правоохранительных органов в целом; председательствующий останавливал защитников и делал им соответствующие замечания и разъяснения⁴.

Причем адвокаты используют разные способы воздействия на присяжных заседателей. К примеру, адвокат в присутствии коллегии присяжных заседателей пытается разрешать вопросы, касающиеся допустимости доказательств. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ апелляционным определением отменила оправдательный приговор Московского областного суда с участием присяжных заседателей в отношении Т. Она отметила, что в судебных прениях адвокат К., не реагируя на неоднократные замечания председательствующего и вступая с ним в пререкания, проявляя тем самым неуважение к суду, поднимал вопросы о допустимости доказательств, стремясь убедить присяжных заседателей в нарушении процедуры следственных действий и в незаконности действий председательствующего. По мнению Судебной коллегии, адвокат оказал незаконное воздействие на присяжных заседателей, что могло вызвать у них предубеждение в отношении подсудимого, негативное отношение к деятельности правоохранительных органов и повлиять на вынесение объективного и беспристрастного вердикта⁵.

Также нарушением является преждевременное исследование вопросов, касающихся ведения присяжных заседателей. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного

2 Апелляционное определение второго апелляционного суда общей юрисдикции от 28.12.2020, дело № 55-744/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

3 Апелляционное определение второго апелляционного суда общей юрисдикции от 14.12.2020, дело № 55-6982020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2021).

4 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.03.2020, дело № 71-УДП20-5СП-А1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2021).

5 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.12.2019, дело № 4-АПУ19-42СП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.03.2021).

Суда РФ отменила оправдательный приговор Санкт-Петербургского городского суда с участием присяжных заседателей в отношении Н., Л., Г. Она констатировала систематические нарушения стороной защиты порядка судебного заседания, прений сторон – при произнесении реплик, на которые председательствующий реагировал не всегда. В частности, сторона защиты систематически и безосновательно в присутствии присяжных заседателей сомневалась в допустимости полученных стороной обвинения доказательств, подменяла их оценку собственным мнением. Ею в присутствии присяжных заседателей допускались высказывания о том, что признательные показания подзащитных были даны под давлением, также были сообщены сведения, порочащие личность потерпевших. В ходе допроса потерпевшего адвокат задавала ему вопросы о наличии у других потерпевших алкогольного опьянения. Подсудимый Н. искажал показания потерпевшей Щ., доводя не соответствующую действительности информацию до коллегии присяжных заседателей, пререкался с председательствующим, ставил перед потерпевшей Щ. вопрос в утвердительной форме: «Вы понимали, что являлись соучастницей схемы махинаций?» Подсудимый Г. с целью воздействовать на потерпевшую Щ., задавал ей в присутствии коллегии присяжных вопрос: «Не боитесь ли вы уголовной ответственности за свои действия?» Перечисленные нарушения закона повлияли на формирование мнения присяжных заседателей и на содержание ответов, данных на поставленные вопросы⁶.

Еще одно нарушение – комментирование содержания исследуемых в судебном следствии доказательств до начала проведения прений сторон, при этом искажая их содержание. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции отменила приговор Кемеровского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей, по которому М. был оправдан ввиду непричастности к совершению преступлений в соответствии с п. 2, 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. В обоснование своего решения Судеб-

ная коллегия указала, что адвокат А., выступая в суде со вступительным словом, пытался опорочить доказательства, полученные в ходе предварительного следствия, стремясь сформировать у присяжных заседателей негативное отношение к результатам расследования. Так, он заявил, что должностные лица органа предварительного следствия стремились не достичь истины по делу, а любыми способами направить уголовное дело в суд. Кроме того, адвокатом допускались бездоказательные доводы о том, что преступление совершил не его подзащитный, а другие лица⁷.

В другой ситуации в суде адвокат в негативном ключе комментировал деятельность органов предварительного следствия, служб оперативного сопровождения, безосновательно утверждая, что собранные доказательства фальсифицированы или отличаются неполнотой и односторонностью⁸. Судебная коллегия по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции апелляционным определением отменила оправдательный приговор Московского областного суда с участием присяжных заседателей в отношении И. В обоснование своего решения Судебная коллегия сослалась на нарушения, допущенные в прениях сторон, выразившиеся в систематическом доведении участниками процесса стороны защиты до присяжных заседателей вопросов о допустимости доказательств и их возможной фальсификации. Так, в ходе прений сторона защиты высказывалась, что в ходе задержания И. ему были подброшены наркотические средства.

Цель подобных нарушений – стремление адвоката зародить у присяжных заседателей сомнения в объективности предоставляемых суду обвинительных доказательств. Пояснение председательствующего присяжным заседателям не воспринимать информацию, не входящую в предмет их исследования, не всегда достигает желаемого результата, поскольку эта информация все равно остается в сознании последних, чего добивается сторона защиты.

7 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 21.02.2022, дело № 55-370/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2022).

8 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 01.09.2022, дело № 32-АП/22-5-К1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

6 Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.02.2019, дело № 78-АП/19-8СП. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

Адвокаты часто допускают и нейтральные высказывания к позиции стороны обвинения, используя фразы: «Доказательства, собранные на предварительном следствии, в полной мере не подтверждают причастность подсудимого к совершению преступления».

Исследования, проведенные Н.Т. Антиповым, показали, что большая часть опрошенных адвокатов (82,7 %) полагает возможным доводить недостоверную информацию до суда, одновременно скрывая обвинительные доказательства [4, с. 105]. С учетом актуальности этого вопроса логичным представляется мнение ученых, согласно которому, если сторона защиты намеренно доводит до присяжных заседателей ложные, порочащие сторону обвинения сведения, противоположная сторона вправе предоставлять факты, свидетельствующие об обратном [5, с. 39; 6, с. 199].

Анализируя нарушения, допущенные адвокатом в судебном следствии, следует обратиться к позиции суда. В одном из определений суд указал, что доводы адвоката об отсутствии доказательств вины его подзащитного, несостоятельность предъявленного обвинения с анализом исследованных в суде доказательств все же отвечает функции защиты. Сущность защиты как раз и состоит в выражении своих сомнений в правильности доводов стороны обвинения и доказательств, на которых построено обвинение⁹. Подобное судебное решение строится на позиции Верховного Суда РФ, согласно которой адвокат вправе ставить под сомнение доказательства, на которых формируется обвинение, иначе процессуальная функция защиты лишается всякого смысла¹⁰.

Из содержания данных судебных решений следует, что сторона защиты вправе доводить до сведения присяжных заседателей свою позицию о содержательной сущности обвинительных доказательств и доказанности обвинения, ссылаясь на их голословность, однако без обсуждения вопросов процедуры собирания доказательств и их допустимости. Либо,

как отмечает Конституционный Суд РФ, адвокат вправе ссылаться на причастность к совершению преступления другого подсудимого по этому же уголовному делу при условии, что это не вызовет со стороны присяжных заседателей предубеждения к этому подсудимому¹¹.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ ПОВЫСИТЬ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

Повысить эффективность правозащитной деятельности адвокат может, не расширяя свои полномочия, не нарушая порядок разбирательства в суде, а качественно реализуя существующие полномочия и применяя разные тактические приемы.

Одним из них является прием «эмоциональная картина преступления». Его суть в формировании в сознании присяжных заседателей неприятия факта, что подобного рода преступление способен совершить человек. Как правило, это касается преступлений, совершенных с особой жестокостью к жертве, ее обезображиванием, прижизненным нанесением ей физических страданий, притом что жертва и преступник были знакомы. Применяя данный прием, адвокат стремится обнаружить и пробелы следствия, породить у присяжных заседателей сомнения в объективности и всесторонности доказательств, полученных стороной обвинения. Применение этого тактического приема подтверждается примерами судебной практики¹², однако его эффективность, а также эффективность других тактических приемов может быть повышена, если адвокат владеет приемами построения убедительной речи. К примеру, Смоленским областным судом с участием присяжных заседателей в 2020 г. рассматривалось уголовное дело по обвинению К. в убийстве М., совершенном с особой жестокостью. По версии об-

9 Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.06.2020, дело № 55-960/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2021).

10 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.04.2019, дело № 5-АП/19-26сп [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1480142 (дата обращения: 28.03.2021).

11 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рылова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 252, 334 и 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2586 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 21, ст. 2319.

12 Архив Смоленского областного суда. Уголовное дело № 21/2019.

винения, К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе возникшей между ним и сожительницей М. ссоры ударил ее по лицу, а когда та упала на землю, нанес удар бордюрным камнем по голове, причинив М. телесные повреждения. После чего с места преступления скрылся, однако вернулся, чтобы удостовериться, мертва ли М. Подойдя к жертве и увидев, что та еще жива, К. взял лежащий рядом с жертвой бордюрный камень и повторно нанес М. не менее трех ударов по голове, после чего с места преступления скрылся. От полученных ранений М. скончалась на месте. В ходе следствия, кроме признательных показаний К., от которых он в последующем отказался, и показаний соседей, пояснивших, что К. какое-то время сожительствовал с М. и в ночь убийства у них произошла ссора, других доказательств следствие суду не предоставило. Защитник в судебном следствии применил тактику «эмоциональной картины преступления», убедив присяжных заседателей, что с такой жестокостью и цинизмом подсудимый преступление совершить не мог, поскольку любил свою сожительницу. Притом что и следствие не располагает достаточными доказательствами по уголовному делу, не установило мотив совершения преступления. Таким образом, в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей стороне защиты удалось выбрать наиболее приемлемую тактику, добившись вынесения оправдательного вердикта.

Убедительность речи адвоката достигается достаточными и логичными доводами, не загроможденными излишней для присяжных заседателей информацией, с чем согласен и Р. Гаррисон, указывающий, что задача адвоката – уметь изложить существо того, что он собирается довести до сведения присяжных, чтобы те смогли оценить значение этих сведений [7, с. 4].

В суде тактически правильно адвокату в своей речи сначала выдвигать менее весомые аргументы, поступательно переходя к значимым доводам, акцентируя внимание присяжных заседателей на них, при этом опуская слабые места в своей позиции. Ему следует отказываться от любых возражений на обоснованные доводы стороны обвинения, если он не в состоянии их опровергнуть. Такая тактика положительно сказывается на имидже

адвоката, выступающего в качестве беспристрастного участника процесса, отстаивающего интересы своего подзащитного.

Следует уметь применять тактику прогнозирования возможных вариантов развития ситуации в суде и исходя из них выстраивать линию поведения. Достигается это предварительными беседами и консультациями со свидетелями защиты, экспертами, специалистами.

Адвокату следует уметь грамотно выстраивать линию поведения в суде, логично и обоснованно составлять ходатайства, жалобы и отводы, проявлять активное участие в следственных действиях, которые могут опровергнуть позицию стороны обвинения. Свои профессиональные навыки ему следует применять и на предварительном слушании, контролируя правильность процедуры разъяснения его подзащитному особенностей производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей, правовые последствия принятого им решения, участвовать в разрешении вопросов о допустимости доказательств, предоставляемых стороной обвинения (ст. 234 УПК РФ).

Свои полномочия адвокат реализует, участвуя в формировании жюри присяжных заседателей. Особое внимание должно уделяться проверке предварительных списков кандидатов, сопоставлению их со сведениями, отраженными в общем списке кандидатов. При выявлении несоответствия в списках адвокат доводит это до сведения председательствующего судьи (ч. 1 ст. 326 УПК РФ). Адвокат также вправе опрашивать включенных в предварительный список кандидатов в присяжные заседатели о том, были ли им в семидневный срок до начала процедуры отбора вручены соответствующие извещения, в противном случае отбор и формирование коллегии присяжных заседателей будут признаны недействительными (ч. 6 ст. 326 УПК РФ).

Адвокат предлагает суду и свои варианты формулировки вопросов кандидатам в присяжные заседатели и с подзащитным заявляет суду немотивированные отводы, к примеру, из-за осведомленности кандидата об обстоятельствах уголовного дела из средств массовой информации (п. 2 ч. 5 ст. 327 УПК РФ). Следует отметить, что основание за-

явления адвокатом и его подзащитным немотивированных отводов в каждом случае индивидуально, зависит от объема и характера информации, известной кандидату о рассматриваемом судом уголовном деле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повысить качество своей правозащитной деятельности в суде адвокат может не только путем применения перечисленных и других тактических приемов, но и умения учитывать факторы, отрицательно сказывающиеся на качестве его работы по уголовным делам, рассмотренным судом присяжных. К этим факторам относятся:

1) отсутствие нравственных ориентиров на качественное осуществление своей правозащитной деятельности, что присутствует в работе адвоката по назначению, когда он формально исполняет профессиональные обязанности, что отрицательно сказывается на качестве его юридических услуг¹³. Так, защитник участвует не во всех следственных действиях. Например, в ходе проверки показаний на месте и следственного эксперимента – лишь в 26 % случаев, тогда как в ходе допросов и очных ставок куда чаще. На это указывает

¹³ Согласно п. 11 постановления Правительства РФ от 04.06.2003 № 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокуроров или суда» размер оплаты труда адвоката-защитника составляет за один день участия не менее ¼ минимального размера оплаты труда и не более минимального размера оплаты труда, предусмотренного законодательством Российской Федерации для регулирования оплаты труда, а также для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности. При определении размера оплаты труда адвоката учитывается сложность уголовного дела (см.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 2, ст. 2925).

и С.М. Тащилина, которая отметила, что из 200 опрошенных ею адвокатов Ставропольского края 95 сообщили, что активно используют свое право на участие в допросах; 64 пояснили, что внимательно знакомятся с протоколами допросов, внося в них дополнения и замечания относительно порядка их проведения, однако акцент на участии в других следственных действиях адвокаты не делали [8, с. 79]. Результаты исследования С.М. Тащилиной аналогичны данным других авторов, согласно которым адвокаты принимают участие не во всех следственных действиях, а лишь в тех, которые, как они полагают, являются ключевыми в ходе расследования (предъявление обвинения, ознакомление с уголовным делом в порядке ст. 217 УПК РФ) [9; 10, с. 227]. Исследования, проведенные автором, показали, что адвокат не всегда грамотно выстраивает линию своего поведения, правильно составляет ходатайства, жалобы и отводы, но даже если они им и составляются, то носят формальный характер. Фактически они никак не влияют на ход и результаты предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела в суде;

2) отсутствие у адвоката, в отличие от следователя, властно-распорядительных полномочий, что ограничивает реализацию принципа состязательности и равноправия сторон процесса. Однако о соотношении равенства сторон защиты и обвинения говорить преждевременно, ибо имеющиеся у адвоката полномочия не всегда реализуются им в полной мере;

3) недостаток практического опыта участия адвоката в рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, нехватка методических рекомендаций по участию в таких судах, сложность процедуры судебного разбирательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 212 с.
2. Арсеньев А.А. Судебное следствие : сборник практических заметок / А.А. Арсеньев. – Санкт-Петербург, 1871. – 346 с.
3. Насонов С.А. Особенности уголовной защиты в суде присяжных: процессуальные возможности и запреты / С.А. Насонов // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 1. – С. 68–77.

REFERENCES

1. Barshev Ya.I. Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings. Moscow, LeksEst Publ., 2001. 212 p.
2. Arseniev A.A. Judicial investigation: a collection of practical notes. Saint Petersburg, 1871. 346 p.
3. Nasonov S.A. Particulars of criminal defence with participation of jurors: procedural opportunities and injunctions. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2014, no. 1, pp. 68–77. (In Russian).

4. Антипова Н.Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики : дис... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Т. Антипова. – Москва, 2004. – 225 с.

5. Моисеева Т.В. Исследование присяжными данных о личности подсудимого, потерпевшего и свидетеля / Т.В. Моисеева // Российская юстиция. – 2010. – № 1. – С. 37–40.

6. Золотых В.В. Судебное следствие в суде присяжных (практика применения законодательства Российской Федерации) // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1996. – № 3. – С. 189–199.

7. Гаррис Р. Школа адвокатуры / Р. Гаррис. – Тула, 2001. – 352 с.

8. Тащилина С.М. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании по делам, подсудным суду присяжных : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.М. Тащилина. – Пятигорск, 2001. – 220 с.

9. Конин В.В. Тактика противодействия обвинению и ее субъекты / В.В. Конин // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/konin.htm> (дата обращения: 28.03.2023).

10. Проблемы российской адвокатуры : сборник статей / отв. ред. И.Л. Петрухин. – Москва : Спарк, 1997. – 250 с.

4. Antipova N.T. Public prosecution in court: problems of legislative regulation and practice. Cand. Diss. Moscow, 2004. 225 p.

5. Moiseeva T.V. Examination by the jury of the identity of the defendant, victim and witness. *Rossiyskaya yusticiya* = *Russian Justice*, 2010, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).

6. Zolotych V.V. Judicial investigation in a jury trial (the practice of applying the legislation of the Russian Federation). *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* = *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*, 1996, no. 3, pp. 189–199. (In Russian).

7. Harris R. School of Advocacy. Tula, 2001. 352 p.

8. Tashchilina S.M. Participation of a lawyer-defender in criminal procedural proof in cases cognizable to a jury. Cand. Diss. Pyatigorsk, 2001. 220 p.

9. Konin V.V. Tactics of countering the accusation and its subjects / V.V. Konin. *Advocacy and legal practice in the light of modern constitutional law (to the 10th anniversary of the adoption of the Constitution of Russia). Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg, 2004. Available at: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/konin.htm>.

10. Petrukhin I.L. (ed.). Problems of the Russian legal profession. Collection of articles. Moscow, Spark Publ., 1997. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильяхов Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilyukhov Alexey Alexandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 23.06.2023. The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Научная статья
УДК 343.22
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.19

Original article

ЛИФАНОВА Марина Владиславовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: lifanova2009@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6944-8338>

LIFANOVA Marina Vladislavovna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

УБИЙСТВО ПО ПРОСЬБЕ ПОТЕРПЕВШЕГО: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ЭВТАНАЗИИ

MURDER AT THE VICTIM'S REQUEST: ETHICAL AND LEGAL ISSUES OF EUTHANASIA

Аннотация. Одна из актуальных задач современного уголовного права – охрана прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем в отечественном уголовном праве отсутствует единая концепция уголовной ответственности за преступления против жизни, совершенные при смягчающих обстоятельствах. Имеющиеся в УК РФ привилегированные составы охватывают не все ситуации, требующие смягчения уголовной ответственности. Расширение перечня привилегированных убийств будет служить реализации принципов справедливости и гуманизма, поскольку позволит назначать наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Статья посвящена исследованию уголовно-правовых аспектов эвтаназии как разновидности убийства, совершенного при смягчающих обстоятельствах. Цель: выработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части уголовной ответственности за убийство, совершенное по просьбе потерпевшего по мотиву сострадания. Методы: при проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический и системно-функциональный. Результаты: одним из спорных вопросов уголовного права Российской Федерации следует признать уголовно-правовую оценку эвтаназии. На основе анализа действующего законодательства, научной литературы, зарубежного опыта обосновывается вывод о необходимости дополнить УК РФ новой нормой, предусматривающей ответственность за привилегированный состав убийства, совершенного по просьбе потерпевшего и мотиву сострадания.

Ключевые слова: эвтаназия, уголовная ответственность, мотив сострадания, убийство по просьбе потерпевшего, привилегированное убийство

Для цитирования: Лифанова М.В. Убийство по просьбе потерпевшего: этико-правовые вопросы эвтаназии // М.В. Лифанова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 168–174

Abstract. One of the urgent tasks of modern criminal law is the protection of human and civil rights and freedoms. At the same time, in national criminal law there is no unified concept of criminal liability for crimes against life committed under mitigating circumstances. The privileged corpus delicti available in the Criminal Code of the Russian Federation do not cover all situations requiring the mitigation of criminal liability. The expansion of the list of privileged murders will serve the principles of justice and humanism, as it will allow the imposition of penalties commensurate with the nature and degree of danger to society, the circumstances of the crime and the perpetrator's identity. The article is devoted to the study of the criminal law aspects of euthanasia as a type of murder committed under mitigating circumstances. Purpose: to develop scientifically based proposals to improve criminal law with regard to criminal liability for murder committed at the victim's request on compassionate grounds. Methods: methods of analysis and synthesis, as well as comparative legal, formal legal, statistical and system-functional methods are used in the study. The results: one of the controversial issues of the criminal law of the Russian Federation should be recognized as the criminal legal assessment of euthanasia. Based on the analysis of the current legislation, scientific literature, and foreign experience, the conclusion is substantiated that it is necessary to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with a new norm providing for liability for the privileged corpus delicti of murder committed at the victim's request on compassionate grounds.

Keywords: euthanasia, criminal liability, compassionate ground, murder at the victim's request, privileged murder

For citation: Lifanova M.V. Murder at the victim's request: ethical and legal issues of euthanasia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 168–174 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.19.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема эвтаназии в уголовном праве Российской Федерации, несмотря на актуальность, дискуссионность и значимость, признается одной из малоизученных.

Эвтаназия (от греч. εὖ – хорошо + θάνατος – смерть) – «намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий»¹.

Конституция РФ признает жизнь человека главной ценностью. В ст. 20 Основного закона закреплено: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». При этом Конституция РФ не делает никаких различий между людьми по их социальному положению, гражданству, полу, возрасту, физическому или психическому состоянию, иным социально-демографическим параметрам. Соответственно, Конституция нашего государства охраняет жизнь любого человека; жизнь каждого признается ценностью и защищается в том числе и уголовно-правовыми методами.

Фундаментальный характер ценности человеческой жизни делает любой вопрос, касающийся права на жизнь, общечеловеческой проблемой, требующей особого подхода к его решению, а вопрос эвтаназии имеет еще один аспект – право на смерть. В современной отечественной и зарубежной юридической науке обсуждается новая классификационная группа прав человека, именуемая соматическими правами. Под ними понимаются право на жизнь и смерть, изменение пола, трансплантацию органов, аборт, клонирование, стерилизацию, употребление наркотиков и психотропных средств.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭВТАНАЗИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Каждая историческая эпоха предлагала свои взгляды на решение проблемы ухода из жизни по своему желанию.

Наиболее раннее упоминание о произведенной эвтаназии принадлежит древнеримскому историку Светонию, «который описал, как император Август, «умирающий быстро и без страданий, в объятиях своей жены Ливии», подвергся эвтаназии, которую он так желал» [1, с. 25]. Медицинское же понимание эвтаназии, близкое к современному, было сформулировано в 1605 г. английским философом Ф. Бэконом в труде «О достоинстве и силе наук», в котором ученый обосновал вывод о долге врача, состоящем не только в том, чтобы «восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями» [2, с. 955].

Истории человеческого общества известны различные варианты эвтаназии: связанные с умерщвлением больных членов общины или семьи, умерщвлением тяжелораненых на поле боя, умерщвлением врачами тяжелобольного человека в целях избавления его от мучений и страданий.

В процессе развития и совершенствования взглядов на эвтаназию и ее этическую допустимость условно можно выделить три основных этапа. Первый – эпоха Древнего мира. В политико-правовых учениях этого периода эвтаназия «рассматривалась как благо и неизбежность в определенных случаях» [3, с. 10], и она допускалась. Второй – эпоха Средневековья в Европе. Религиозные ценности этого периода – смирение, терпение, подчинение божьей воле – не позволяли реализовать идею эвтаназии, такие деяния однозначно оценивались обществом как неприемлемые. И наконец, третий этап, который продолжается до сих пор, обусловлен развитием медицины и других естественных наук, совершенствованием правовых взглядов. В этот период появилась новая аргументация в пользу эвтаназии, что привело к ее легализации в отдельных странах.

Первой страной, законодательно разрешившей эвтаназию, стали Нидерланды, где в апреле 2002 г. был принят закон, регламентирующий процедуру оказания помощи и поддержки в процессе эвтаназии. Согласно этому закону процедура эвтаназии доступна только гражданину Нидерландов, достигшему двенадцатилетнего возраста, испытывающему сильные страдания. При этом заключением независимого врача должна быть подтверждена объективная невозможность улучшения состояния больного, а также доказана осведомленность пациента о его заболевании и дальнейших перспективах.

¹ Большой энциклопедический словарь. Москва: Большая российская энциклопедия, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/78157-%D0%AD%D0%92%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%90%D0%97%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 03.05.2023).

Пассивная эвтаназия практикуется в современной Швейцарии. Однако в большинстве западноевропейских стран эвтаназия рассматривается как убийство.

Неоднозначен подход к эвтаназии в США. В разных штатах этого государства действуют свои правила. Первым штатом, официально разрешившим эвтаназию, стала Калифорния, которая в 1977 г. приняла первый в мире закон «О праве человека на смерть». Легализована эвтаназия также в штатах Вашингтон, Орегон и Вермонт. А в штате Индиана пожелание не продлевать жизнь искусственным образом можно включить в завещание [4, с. 21].

ЭВТАНАЗИЯ КАК ПРАВО НА СМЕРТЬ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Эвтаназия, в зависимости от используемых методов и роли врача (медицинского работника, иного лица) в процедуре ее осуществления, подразделяется на активную и пассивную. Активная форма имеет место, если врач самостоятельно выполняет действия, направленные на прекращение организмом потерпевшего жизненных функций. Этот метод по-иному называют «методом наполненного шприца». Другим вариантом активной эвтаназии является «ассистированный суицид», когда «пациенту по его просьбе предоставляется помощь в совершении самоубийства» [4, с. 21].

Пассивная эвтаназия состоит в отказе от оказания медицинской помощи или медицинских услуг, без которых жизнедеятельность человеческого организма невозможна. В результате жизнь пациента прекращается. В большинстве стран, признающих и практикующих эвтаназию, допускается именно эта ее форма, причем основанием для проведения процедуры эвтаназии признается осознанная просьба пациента, заранее проинформированного о сущности медицинской помощи и последствиях отказа от нее.

С позиции российского уголовного права принципиальных различий между активной и пассивной формами эвтаназии нет. Обе разновидности квалифицируются как убийство, поскольку умышленное лишение жизни другого человека, как в активной форме, так и в форме бездействия, считается общественно опас-

ным деянием. Однако, как мы уже отмечали, в отдельных странах допускается пассивная эвтаназия либо ассистированный суицид, тогда как «метод наполненного шприца» при осуществлении эвтаназии карается законом всех стран и приравнивается к убийству.

Эвтаназию также подразделяют на добровольную и недобровольную – в зависимости от наличия или отсутствия просьбы самого пациента.

В современный период проведение эвтаназии связано с комплексом этических, религиозных, медицинских и правовых проблем, требующих согласованного решения.

В современном российском праве отсутствует легальное определение эвтаназии. Большинство авторов, исследующих medico-этические и уголовно-правовые ее проблемы, исходят из понимания эвтаназии как умышленного причинения смерти неизлечимому больному по его просьбе или просьбе родных медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических мучений [3; 5; 6].

ЭВТАНАЗИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

История взглядов на эвтаназию в уголовном праве России так же неоднозначна и противоречива. Впервые в Российской империи проблема эвтаназии получила нормативную оценку в Уложении 1903 г. Статья 460 предусматривала, что «виновный в убийстве, učinенном по настоянию убитого и из сострадания к нему, наказывается заключением в крепости на срок не свыше трех лет»². Таким образом, законодатель смягчил уголовную ответственность за убийство при условии наличия со стороны убитого соответствующей просьбы и мотива сострадания у лица, совершившего это деяние.

После революции 1917 г. и принятия Декрета о суде № 1 (22 ноября 1917 г.), упразднившего все существующие судебные установления, к вопросу об уголовно-правовом значении эвтаназии вернулись только в 1922 г.

² Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 20.11.2022).

УК РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 143 указал, что «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается»³, тем самым легализовав эвтаназию в России. Однако уже в 1926 г. в новом УК РСФСР такое примечание отсутствовало. С этого периода и по настоящее время лишение жизни, совершенное по просьбе потерпевшего и из сострадания к нему, рассматривается как умышленное преступление, то есть убийство⁴. Начиная с 1926 г. эвтаназия в России традиционно квалифицировалась как «простое» убийство, а мотив сострадания рассматривался как смягчающее наказание обстоятельство [7, с. 91].

Действующее российское законодательство исходит из идеи запрета на эвтаназию. Согласно ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента»⁵. Эта норма, бесспорно, должна учитываться при решении вопроса о допустимости эвтаназии, но она не позволяет решить проблему ответственности медицинских работников и иных лиц за совершение подобных деяний. В этой связи А.А. Инюшкин и П.С. Кудашева справедливо отмечают, что указанным законом эвтаназия запрещена, «однако допустим отказ от медицинского вмешательства» [8, с. 104].

В профессиональном сообществе врачей России действует Кодекс профессиональной этики, ст. 42 которого гласит: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездей-

ствием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента», соответственно, в Российской Федерации не допускается пассивная эвтаназия⁶.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЭВТАНАЗИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблематика, связанная с легализацией эвтаназии, неоднократно становилась предметом обсуждения профессионального врачебного сообщества не только на национальном, но и на международном уровне. В 1981 г. Всемирная медицинская ассамблея⁷ приняла Декларацию о правах пациента (Лиссабонскую декларацию). В соответствии с этим важнейшим международным документом наряду с правами пациента на свободу выбора, конфиденциальность, получение информации закреплено его право на человеческое достоинство, компонентом которого является право «на гуманный уход в случае неизлечимой болезни и предоставление возможностей для достойного и наименее болезненного ухода из жизни»⁸.

Как мы уже отмечали, активная эвтаназия и в Российской Федерации, и в зарубежных странах расценивается как преступление. Вопросы эвтаназии в ее пассивном варианте рассматривались Всемирной медицинской ассамблеей в октябре 1983 г. в Венеции, где была принята Декларация о терминальном состоянии. В соответствии с п. 3.1 этого документа врач в своей профессиональной деятельности обязан руководствоваться исключительно интересами пациента, в частности он «не продлевает мучения умирающего, прекращая по

6 Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 05.10.2012) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7 Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) – международная организация, представляющая врачей мира и устанавливающая международные нормы медицинской деятельности, обязательные для исполнения врачами всех стран. Была основана 17 сентября 1947 г. на Первой Генеральной Ассамблее в Париже.

8 Лиссабонская декларация о правах пациента. Принята 34-й Всемирной медицинской ассамблеей. Лиссабон, Португалия, сентябрь – октябрь 1981 г. (с учетом изм. и доп., внесенных 47-й Генеральной Ассамблеей. Бали, Индонезия, сентябрь 1995 г.) [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 05.06.2023).

3 О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 О введении в действие Уголовного Кодекса РС.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РС.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 22.11.1926 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. и доп. от 11.06.2022 № 166-ФЗ) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2023).

его просьбе, а если больной без сознания – по просьбе его родственников, лечение, способное лишь отсрочить наступление неизбежного конца»⁹. Таким образом, ВОЗ не считает правонарушением или нарушением врачебной этики ситуацию, когда врач не продолжает лечение, заведомо зная, что это приведет к гибели пациента, если смерть неизбежна и имеется соответствующая просьба самого больного или его родственников. При этом с врача не снимается обязанность принять все необходимые меры для облегчения страданий умирающего.

В октябре 1987 г. Всемирная медицинская ассамблея как высший орган ВОЗ вновь обратилась к обсуждению вопроса эвтаназии. Результатом стала Мадридская декларация об эвтаназии, которая рассматривает ее как преднамеренное лишение человека жизни и как недопустимое и неэтичное поведение врача, даже при наличии просьбы самого пациента или его близких. Вместе с тем в этом же документе подчеркивается необходимость уважительного отношения к праву пациента на отказ от медицинской помощи. ВОЗ призывает врачей всего мира уважать это право, и это означает признание пассивной эвтаназии, если решение принято пациентом осознанно и позволит прекратить мучения неизлечимо больного человека.

ВЦИОМ в 2019 г. представил данные исследования об отношении россиян к эвтаназии и ее уместности¹⁰. Полученные результаты свидетельствуют о противоречивом отношении к возможности ухода из жизни по своей воле. Так, по мнению 89 % опрошенных граждан Российской Федерации, разрешать эвтаназию всем желающим не следует, даже если человек, принявший такое решение, достиг совершеннолетия. При этом 50 % опрошенных россиян допускают эвтаназию для людей с тяжелой и

безнадежной болезнью (подтвержденной заключением врача), испытывающих постоянные мучения и сильные страдания. Полученные результаты опросов следует оценивать с большой долей осторожности, поскольку 8 % опрошенных неправильно сформулировали понятие эвтаназии, а 37 % указали, что не знают, что это такое.

Полагаем, что проведенное ВЦИОМом исследование в целом свидетельствует о готовности российского общества к некоторой переоценке роли и значения эвтаназии, что вдвойне актуально в условиях стремительного развития современных медицинских технологий, позволяющих уже сегодня длительное время поддерживать жизнь неизлечимо и смертельно больных пациентов.

В науке уголовного права, а также в медицинском праве по вопросам эвтаназии обобщивается несколько вариантов решения проблемы.

Ю.А. Чернышева предлагает легализовать эвтаназию в Российской Федерации, в связи с чем в рамках своего диссертационного исследования разработала проект федерального закона «Об эвтаназии». Такой закон, по мнению Ю.А. Чернышевой, «в определенной степени восполнил бы пробелы и мог законодательно урегулировать процесс причинения смерти лицу по его просьбе (эвтаназию) в РФ» [9, с. 83].

С.В. Тосаков считает целесообразным дополнить гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключющие преступность деяния» новой статьей 37.1 «Эвтаназия» [10, с. 12].

Мы полагаем, что легализация эвтаназии в России не будет способствовать решению вопросов, с нею связанных. Напротив, создаст множество новых проблем. Возникнут противоречия социально-экономического плана, связанные с прекращением лечения тяжелобольных людей по финансовым причинам; проблемы медико-социального характера, в частности связанные с определением понятий «неизлечимость заболевания» и «испробованность всех средств» при его лечении. Юристы, бесспорно, столкнутся с вопросами злоупотреблений при эвтаназии, проблемами принуждения к ней, как это уже произошло в Европе, Канаде и многих странах, легализо-

⁹ Венецианская декларация о терминальном состоянии. Принята 35-ой Всемирной медицинской ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь 1983 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 05.06.2023).

¹⁰ Аналитический обзор. Эвтаназия: за и против [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/evtanaziya-za-i-protiv> (дата обращения: 05.06.2023).

вавших эвтаназию¹¹. При этом мы полностью согласны с мнением, что «отказ от легализации эвтаназии дает возможным признать эвтаназию частным случаем убийства по просьбе потерпевшего с конструированием единого состава преступления» [7, с. 91].

Вместе с тем совершение преступления по мотиву сострадания, на основе желания избавить тяжело и неизлечимо больного человека от страданий, по нашему мнению, существенно снижает общественную опасность этого деяния, что делает несправедливым привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Мы полагаем, что единственно правильным решением было бы включение в УК РФ нового привилегированного состава.

Такое решение рассматриваемой проблемы не является принципиально новым в науке уголовного права. Например, Е.Г. Телегина и В.В. Шаталюк предлагают включить в УК РФ привилегированный состав, предусматривающий уголовную ответственность за эвтаназию из сострадания [11, с. 391]. Аналогичную точку зрения обосновала О.С. Капинус в своем диссертационном исследовании, посвященном уголовно-правовым проблемам эвтаназии [3].

По этому пути решения проблемы эвтаназии пошли законодатели ряда стран СНГ. Так, УК Республики Молдова содержит ст. 148 «Лишение жизни по желанию лица (эвтаназия)»¹², УК Азербайджанской Республики – ст. 135 «Эвтаназия», под которой понимается «удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекра-

щение искусственных мер по поддержанию жизни»¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с учетом законодательного опыта зарубежных стран, исторического опыта России и на основе анализа точек зрения ученых по данной проблеме мы пришли к следующим выводам.

1. Право человека на жизнь, закрепленное в Конституции РФ, является неотъемлемым правом человека. С одной стороны, оно охватывает право на защиту жизни от любых возможных посягательств, с другой стороны, предполагает своей неотъемлемой частью право на свободное ею распоряжение, включая возможность осознанного и добровольного принятия решения об уходе из жизни, в частности в форме отказа от продолжения медицинских мероприятий, направленных на ее поддержание.

2. Оказание помощи лицу, принявшему решение об уходе из жизни, как в форме активной эвтаназии, так и в форме пассивной эвтаназии обладает всеми признаками преступления, поскольку является общественно опасным, виновным, противоправным и наказуемым деянием. Вместе с тем общественная опасность такого деяния, бесспорно, ниже, чем при убийстве. Следовательно, привлечение к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ виновного в совершении акта эвтаназии не соответствует принципу справедливости как основополагающему принципу УК РФ.

3. Следует включить в УК РФ новый привилегированный состав: убийство, совершенное по просьбе потерпевшего и мотиву сострадания.

13 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (с изм и доп. от 08.07.2022 № 581-VIQD) [Электронный ресурс] // Информ. система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=1559;-56 (дата обращения: 05.06.2023).

11 Гусев Д., Мекертычева Е. Принуждение к смерти: зачем Запад подталкивает граждан к эвтаназии // ТВ Центр : сайт. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/251384> (дата обращения: 05.06.2023).

12 Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изм и доп. от 29.07.2022 № 247) [Электронный ресурс] // Информ. система «Континент». URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 05.06.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елисеева Г.В. Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования / Г.В. Елисеева // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – № 19. – С. 23–38.

REFERENCES

1. Eliseeva G.V. Euthanasia: Domestic and foreign experience of legal regulation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2022, no. 19, pp. 23–38. (In Russian).

2. Вохи́дова Ш.Ш. Влияние философии Френсиса Бэкона на развитие медицинской науки / Ш.Ш. Вохи́дова, А.К. Черемисина // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – № 7. – С. 954–956.
3. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явления (уголовно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / О.С. Капинус. – Москва, 2006. – 59 с.
4. Трушкевич А.А. Проблема эвтаназии в международном праве / А.А. Трушкевич // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2016. – № 9 (30). – С. 20–23.
5. Риффель А.В. Избранные вопросы медицинского права / А.В. Риффель. – Москва : Академия естествознания ; Пенза : Типография ИД «Академия естествознания», 2008. – 107 с.
6. Шайхутдинова Р.Р. Этико-правовые вопросы эвтаназии / Р.Р. Шайхутдинова // *Право и современные государства*. – 2018. – № 6. – С. 66–75.
7. Мотин А.В. Проблема уголовной ответственности за эвтаназию / А.В. Мотин // *THEORIA: педагогика, экономика, право*. – 2021. – № 1 (2). – С. 88–95.
8. Инюшкин А.А. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг: права и обязанности пациента / А.А. Инюшкин, П.С. Кудашева // *Правовое государство: теория и практика*. – 2021. – № 2 (64). – С. 100–112.
9. Чернышева Ю.А. Причинение смерти лицу по его просьбе (эвтаназия): уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.А. Чернышева. – Елец, 2009. – 224 с.
10. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Тасаков. – Екатеринбург, 2010. – 51 с.
11. Телегина Е.Г. Уголовно-правовая оценка эвтаназии / Е.Г. Телегина, В.В. Шаталюк // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 11 (24). – С. 380–392.
2. Vohidova Sh.Sh., Cheremisina A.K. Influence of the philosophy of Francis Bacon on the development of medical science. *Byulleten' medicinskih internet-konferencij = Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2017, no. 7, pp. 954–956. (In Russian).
3. Kapinus O.S. Euthanasia as a social and legal phenomenon (criminal and legal problems). *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2006. 59 p.
4. Trushkevich A. The problem of euthanasia in the international law. *Universum: ekonomika i yurisprudenciya = Universum: Economics and Law*, 2016, no. 9 (30), pp. 20–23. (In Russian).
5. Riffel A.V. Selected issues of medical law. Moscow, Penza, Academy of Natural Sciences Publ., 2008. 107 p.
6. Shaikhutdinova R.R. Ethical and legal aspects of euthanasia. *Pravo i sovremennye gosudarstva = Law and Modern States*, 2018, no. 6, pp. 66–75. (In Russian).
7. Motin A.V. The problem of criminal liability for euthanasia. *THEORIA: pedagogika, ekonomika, pravo = THEORIA: Pedagogy, Economics, Law*, 2021, no. 1 (2), pp. 88–95. (In Russian).
8. Inyushkin A.A., Kudasheva P.S. Problems in the legal regulation of the provision of health services: rights and obligations of the patient. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 2 (64), pp. 100–112. (In Russian).
9. Chernysheva Yu.A. Causing death to a person at his request (euthanasia): criminal law, criminal political, criminological and socio-legal research. *Cand. Diss. Yelets*, 2009. 224 p.
10. Tasakov S.V. Moral foundations of criminal law norms aimed at protecting the individual, his rights, freedoms and legitimate interests. *Doct. Diss. Thesis*. Yekaterinburg, 2010. 51 p.
11. Telegina E.G., Shatalyuk V.V. Criminal legal assessment of euthanasia. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2017, no. 11 (24), pp. 380–392. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лифанова Марина Владиславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Институт права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lifanova Marina Vladislavovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 06.08.2023; принята к публикации 08.08.2023. The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 06.08.2023; accepted for publication 08.08.2023.

Научная статья
УДК 343.126.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20

Original article

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович
Институт государства и права Российской
академии наук, Москва, Россия;
e-mail: s.rossinskiy@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ROSSINSKY Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

О ПОЛИЦЕЙСКОЙ ПРИРОДЕ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

ON THE POLICE NATURE OF THE GROUNDS FOR DETAINING A SUSPECT

Аннотация. Несмотря на общую доктринальную проработанность проблематики задержания лица по подозрению в совершении преступления, далеко не все вопросы теории, законодательного регулирования и практики этого правоограничительного приема получили надлежащее освещение. В частности, много вопросов вызывают основания задержания подозреваемого, то есть правовые гипотезы, предопределяющие объективную потребность в применении данной меры принуждения к человеку в связи с вероятной перспективой привлечения его к уголовной ответственности. Их рассмотрению и посвящается настоящая статья. Цель: выявление подлинных причин, предопределяющих дефекты уголовно-процессуального законодательства, состоящие в отсутствии четкой взаимосвязи между установленными основаниями и вытекающими из смысла закона целями задержания подозреваемого. Методы: общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, прогностический и др.). Результаты: установлено, что, несмотря на попытки законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, превратить его в полноценную форму реализации юрисдикционных полномочий, оно всегда было и остается не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебно-следственных органов. В этой связи институт задержания подозреваемого в целом и основания задержания в частности надлежит вывести из предмета уголовно-процессуального регулирования – они должны регламентироваться не УПК РФ, а отдельным федеральным законом.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, неприкосновенность личности, основания для задержания подозреваемого, подозрение в совершении преступления, полицейское задержание

Abstract. Despite the general doctrinal development of the problems of detaining a person on suspicion of committing a crime, not all the issues of theory, legislative regulation and practice of this law-restrictive technique have been adequately addressed. In particular, the grounds for detaining a suspect, that is, the legal hypotheses that predetermine the objective need to use this measure of coercion against a person in connection with the probable prospect of bringing him or her to criminal liability, raise many questions. This article deals with them. Purpose: to identify the real reasons that predetermine the defects in the criminal procedure legislation, consisting in the absence of a clear relationship between the established grounds and the objectives of the suspect's detention deriving from the law. Methods: general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal, prognostic, etc.). Results: the author establishes that despite the attempts by the legislator to introduce the suspect's detention into the system of measures of criminal procedure coercion, to make it a full form of exercise of jurisdictional powers, it has always been and remains nothing more than a preventive police technique that allows to immediately restrict the human right to freedom and security of person until he or she is brought before judicial investigation authorities. In this regard, the institution of suspect's detention in general, and the grounds for detaining in particular, must be removed from the subject of criminal procedure regulation; they must be regulated not by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation but by a separate federal law.

Keywords: suspect's detention, detention in custody, coercive measures, security of person, grounds for detaining a suspect, suspicion of committing a crime, police detention

Для цитирования: Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С.Б. Россинский. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 175–181

For citation: Rossinsky S.B. On the police nature of the grounds for detaining a suspect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 175–181 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.20.

ВВЕДЕНИЕ

Задержание по подозрению в совершении преступления – весьма распространенная в мировой практике мера принуждения, состоящая в кратковременном ограничении свободы человека и сопровождаемая его помещением в специальное учреждение тюремного типа, функционально предназначенное для содержания арестованных. Ввиду понятных любому специалисту причин, обусловленных естественной очередностью действий с предрасположенными к нахождению под стражей лицами – вначале превентивно задержать такого человека и только затем приступить к решению вопроса о необходимости его более длительной изоляции от общества, – подобный правоограничительный прием известен с глубокой древности и присущ работе правоохранительных органов любого государства независимо от существующих правовых традиций, способов досудебного расследования, степени правовой защищенности населения и прочих факторов. Именно поэтому различные аспекты теории, законодательного регулирования задержания подозреваемого и соответствующей правоприменительной практики давно привлекают внимание специалистов, становясь предметом многочисленных обсуждений и вызывая оживленные споры и дискуссии. В последние годы указанные проблемы стали еще более актуальными и вошли в новую фазу развития благодаря изменению концептуальных подходов к обеспечению конституционных прав и свобод личности, в особенности личности, вовлеченной в сферу деятельности правоохранительных органов.

Вместе с тем, невзирая на популярность проблематики задержания, далеко не все связанные с ней вопросы получили доктринальное освещение и удостоились должного разбора в научных публикациях. В частности, такая участь почему-то постигла основание задержания подозреваемого, то есть правовые гипотезы, предопределяющие объективную потребность в применении данной правоограничительной меры к человеку в связи

с вероятной перспективой его привлечения к уголовной ответственности.

Ученые-процессуалисты всегда воспринимали данные основания как само собой разумеющийся правовой постулат, поэтому практически никогда не подвергали их сомнению, а лишь занимались их толкованием [1, с. 9–11; 2, с. 41–49; 3, с. 81–85; 4, с. 18–21 и др.] либо вообще ограничивались банальным переписыванием соответствующих положений закона [5, с. 51–52; 6, с. 31 и др.]. Другими словами, хорошо известный каждому выпускнику юридического вуза набор оснований, позволяющих органам дознания или предварительного следствия задержать человека по подозрению в совершении преступления: если лицо застигнуто..., если на него укажут..., если при нем будут обнаружены... и т. д. – фактически превратился в некую аксиоматичную данность, то есть в совершенно очевидную, не вызывающую ни малейшей доли сомнения, не требующую опровержения правовую константу.

Но так ли это на самом деле? Так ли хорошо гармонизированы основания задержания с его сущностью и подлинным предназначением? Представляется, что указанные вопросы неразрывно связаны с рядом еще недостаточно исследованных научных проблем. Их рассмотрению и посвящается настоящая статья.

НЕДОСТАТКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Действующий уголовно-процессуальный закон Российской Федерации предусматривает четыре основания задержания подозреваемого, три из которых предполагают четкие юридические факты (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), а четвертое – гораздо большую свободу усмотрения органа дознания, дознавателя или следователя, ограниченную лишь дополнительными правовыми условиями, позволяющими прибегнуть к данной правоохранительной мере (ч. 2 ст. 91 УПК РФ). Весьма схожие нормативные конструкции присущи и более ранним кодифицированным национальным источникам уголовно-процессуального права; их же мож-

но встретить и в уголовно-процессуальных кодексах целого ряда других, в первую очередь постсоветских, государств.

Очевидно, что каждое из указанных оснований должно находиться в зависимости от достижения целей задержания подозреваемого, в противном случае применение данной правоограничительной меры становится бесцельным, превращаясь в ничем не обусловленное ограничение свободы и личной неприкосновенности соответствующего субъекта. Но вытекает ли подобная зависимость из содержания уголовно-процессуального закона?

В этой связи уместно вспомнить, что основная цель задержания лица по подозрению в совершении преступления состоит в кратковременном обеспечении его пребывания в условиях доступности для проведения первоначальных процессуальных действий, позволяющих предварительно подтвердить или опровергнуть версию о его причастности к совершению некоего преступления, как необходимого условия применения меры пресечения, в первую очередь заключения под стражу либо домашнего ареста. Не менее важные, хотя и явно производные цели задержания подозреваемого сводятся к пресечению возможных попыток уничтожения или искажения потенциальных доказательств (незаконного воздействия на свидетелей, ликвидации либо фальсификации предметов или документов и т. п.), а также предупреждению совершения новых преступлений. Эта позиция неоднократно высказывалась автором настоящей статьи [7, с. 73]; схожие позиции, с определенной степенью вариативности, выражались и многими другими учеными, посвятившими свои публикации проблемам уголовно-процессуального принуждения в целом и задержания подозреваемого в частности [8, с. 21; 9, с. 140; 10, с. 26; 11, с. 258 и др.].

В любом случае задержание подозреваемого преследует примерно те же цели, ради которых позднее избирается мера пресечения арестантского характера. И в этом нет ничего странного. Ведь по своей сути задержание – не что иное, как упрощенная, рассчитанная на непродолжительное применение форма изоляции человека от общества, обеспечивающая возможность его оперативного помещения в учреждение тюремного типа во внесудебном порядке и, следовательно, подлежащая использованию лишь в ситуациях, сопряженных с предварительным намерением следователя

(дознателя) в дальнейшем заключить подозреваемого (обвиняемого) под стражу или домашний арест.

Нетрудно предположить, что подобное сходство или даже тождество целей задержания подозреваемого и мер уголовно-процессуального пресечения должно предопределять единые, по крайней мере имеющие весьма высокую степень аналогии, основания для использования этих правоограничительных механизмов – правовые гипотезы, вызывающие потребность временного ограничения права личности на свободу и неприкосновенность. Вместе с тем законодатель подошел к решению данного вопроса несколько по-другому. Ожидаемая зависимость оснований от целей наблюдается только в части процессуальной регламентации мер пресечения. В соответствии со ст. 97 УПК РФ таковыми, как известно, считаются факты, объективно свидетельствующие о возможности и (или) намерениях лица скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам судопроизводства и т. д. Тогда как предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания задержания подозреваемого вряд ли можно признать находящимися в зависимости от его целей: если между ними и существует какая-либо косвенная и весьма спорная взаимосвязь, то она явно не предполагает причинно-следственного характера, не обуславливает четкую производность одного от другого. Ведь ни у дознателя, ни у следователя, ни у кого другого не может быть уверенности в том, что если человек, например, будет застигнут при совершении преступления, то он обязательно захочет скрыться или уклониться от явки в органы предварительного расследования, если потерпевшие либо очевидцы укажут на него как на совершившего преступление, то он непременно станет продолжать преступную деятельность, если при нем обнаружатся явные следы преступления, то он, безусловно, вознамерится препятствовать дальнейшему производству по уголовному делу, и т. д.

Таким образом, в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования наблюдается существенный изъян, выраженный в явной несогласованности, в отсутствии должной правовой гармонизации установленных ст. 91 УПК РФ оснований и как бы «вытекающих» из смысла закона целей задержания лица по подозрению в совершении преступления. И в этой связи формально предусмотренные за-

коном положения о задержании подозреваемого попадают в ту самую нормативную ловушку, о которой говорилось выше, – становятся бесцельными, устанавливают непонятно чем обусловленный принудительный механизм, выраженный в существенном ограничении свободы и неприкосновенности личности.

Причем указанные проблемы имеют значение не только для теории уголовного процесса. Они приводят к множеству ошибок и злоупотреблений в реальной правоприменительной практике органов дознания и предварительного следствия. Так, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже приводился наглядный пример, связанный с выявлением сотрудниками московской милиции попытки незаконного сбыта на площади Курского вокзала нескольких изготовленных кустарным способом слитков серебра. В этой связи отмечалось, что возбуждивший уголовной дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ дежурный следователь задержал подозреваемого по сугубо формальным основаниям – ввиду его захвата при совершении преступления и обнаружения у него указанных слитков драгоценного металла. Одновременно указывалось, что в реальности никакой потребности в нахождении лица в изоляторе временного содержания не существовало, в связи с чем позднее было решено освободить его под честное слово, которое он достойно сдержал [12, с. 50–51]. И это далеко не единичный случай, современная следственная практика просто изобилует подобными ситуациями.

Прекрасно осознавая бессмысленность дальнейших арестов многих попадающих в сферу уголовного преследования лиц, в частности понимая бесперспективность направления в суды соответствующих ходатайств, сотрудники органов дознания и предварительного следствия нередко задерживают подозреваемых, преследуя явно незаконные цели, например, не желая взять на себя дополнительную ответственность, подвергаться нареканиям не вполне компетентного руководства, а то и вовсе рассчитывая использовать последующее освобождение задержанного как повод для коррупционного обогащения. К тому же установленные законом правила задержания формально позволяют прибегать к возможности применения этой меры по подавляющему большинству уголовных дел. В частности, положения гл. 12 УПК РФ не обязывают распознавать фактиче-

скую целесообразность задержания подозреваемого, подобно тому как это определено в ст. 99 УПК РФ для избрания меры пресечения; вытекающая из смысла ст. 92 УПК РФ прикладная технология оформления протокола задержания фактически лишает сторону защиты перспективы обжалования данного процессуального акта и т. д.

Замысел настоящей статьи не предполагает очередного (какого по счету?) рассмотрения системных недостатков, присущих кадровому обеспечению уголовной юстиции, в том числе выраженных в непрофессионализме многих должностных лиц органов предварительного расследования, в отсутствии у них должного правосознания, правопонимания, ответственности, в склонности некоторых из них к коррупционному поведению и т. д. Тем более что наблюдаемые в этом сегменте правоприменительной практики ошибки и злоупотребления все-таки обусловлены совершенно иной причиной – изначально неверным законодательным подходом к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Представляется, что, будучи определены как основания задержания подозреваемого, положения ст. 91 УПК РФ включают совершенно иные правовые гипотезы – предусматривают юридические факты, позволяющие выдвинуть версию о криминальном характере действий (бездействия) человека, попавшего в зону внимания правоохранительных органов. Другими словами, эти положения *содержат не столько основания для задержания, сколько основания для подозрения данного лица в подготовке преступления, покушении на преступление либо совершении оконченного преступления* и, таким образом, определяют потребность в осуществлении в отношении него персонифицированного уголовного преследования. Например, к какому предположению подталкивают сведения о том, что некий человек был застигнут в момент совершения преступления? Какое предположение напрашивается при указании потерпевшим или очевидцами на данного человека как на совершившего преступление или при обнаружении на нем, его одежде, при нем либо в его жилище соответствующих следов? Ответ на данные вопросы представляется очевидным – предположение о причастности этого лица к соответствующему преступлению, требующее либо последующего подтверждения со-

вокупностью доказательств, либо опровержения. При этом, как справедливо писал И.М. Гуткин, указанные обстоятельства вовсе не определяют потребности в неотложном помещении такого человека в изолятор временного содержания, равно как и последующее обвинение не обуславливает необходимости его обязательного заключения под стражу [13, с. 32].

Причины возникновения ошибочного законодательного подхода к пониманию оснований задержания

В принципе, подобное «открытие» не обладает абсолютной новизной: ввиду всей очевидности близкие позиции уже высказывались в ряде публикаций. Правда, они остались практически незамеченными, не вызвали никакой реакции в научном сообществе и вполне ожидаемо не получили никакой поддержки со стороны законодателя [14, с. 52; 15, с. 138; 16, с. 147].

Но учеными никогда не предпринимались попытки выявления подлинных причин, повлиявших на возникновение ошибочного законодательного подхода к пониманию оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления. Между тем представляется, что надлежащее осознание подобных причин – необходимая и первоочередная задача в преодолении возникших в данном сегменте правового регулирования проблем, без разрешения которых ни разумное совершенствование уголовно-процессуального закона, ни оптимизация соответствующей правоприменительной практики не имеют никаких приемлемых перспектив. К тому же существующие основания задержания подозреваемого не изобретены ни советскими, ни постсоветскими правотворцами; они имеют гораздо более длинную, уходящую корнями далеко в прошлое историю, в связи с чем предполагают высокую степень разработанности и применяются во множестве государств. Подобные нормы были присущи еще Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., причем на их формирование сильное влияние оказали соответствующие положения так называемого Наполеоновского кодекса (Кодекса уголовного следствия Французской империи 1808 г.), унаследовавшего классический средневековый институт *in flagranti* (действия полиции при обнаружении преступления с поличным)

[17, с. 530]. И поэтому нет ничего странного в том, что содержание ст. 91 УПК РФ сильно напоминает аналогичную норму действующего Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики 1958 г., входящую в раздел, регламентирующий порядок дознания по очевидным преступлениям. Неудивительно и то, что практически тождественные основания для задержания были предусмотрены в советском законодательстве и, как отмечалось, сохранились в подавляющем большинстве уголовно-процессуальных кодексов постсоветских государств.

Так почему же выработанные и настолько хорошо апробированные в мировой практике положения о задержании лица по подозрению в совершении преступления вдруг оказались не вполне пригодными для российской системы уголовной юстиции? Что привело к наблюдаемому в настоящее время правовому изъяду, оказывающему достаточно деструктивное влияние на деятельность органов предварительного расследования?

Ответить на данные вопросы не так уж и сложно. Дело в том, что, несмотря на все попытки советского и постсоветского законодателя ввести задержание подозреваемого в систему мер уголовно-процессуального принуждения, превратить его в полноценную форму реализации юрисдикционных полномочий, *оно всегда было и продолжает оставаться не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебных-следственных органов*. Именно на основе такого понимания задержания подозреваемого и формировались положения уголовно-процессуального права различных государств, устанавливающие основания для применения данной меры; оно же определяло и соответствующие нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи и первых советских уголовно-процессуальных кодексов.

В отличие от наделенных юрисдикционной правосубъектностью участников уголовного судопроизводства (суда, следственного судьи, следователя и т. д.) работа полиции либо иных правоохранительных органов полицейского типа не связана с вынесением полноценных правоприменительных решений и не вызывает столь серьезных, влияющих на положение участвующих лиц юридических последствий. Полицейские служащие не обременены

предписанием квалифицировать содеянное, не обязаны полно, всесторонне и объективно устанавливать все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства. От них требуется лишь оперативно отреагировать на сообщение о преступлении, обеспечить сохранность следов, предрасположенных к утрате или изменению, задержать подозреваемого (!) либо провести упрощенное полицейское расследование в форме дознания. Таким образом, выдвигаемое ими полицейское подозрение еще не является подозрением в привычном для современной уголовно-процессуальной доктрины понимании, то есть сопряженной с введением лица в новое юридическое состояние – в статус подозреваемого – формой уголовно-процессуального реагирования следователя (дознателя) на обстоятельства, свидетельствующие о возможной причастности этого лица к преступлению. Полицейское подозрение предполагает какое-то более бытовое, универсальное, не имеющее четкого процессуального смысла понимание, поэтому в реальной практической деятельности обычно сливается с основаниями для задержания соответствующего человека в некую единую общность. Так, с одной стороны, сотрудникам правоохранительных органов надлежит осознать возможную причастность лица к противоправному деянию, то есть подозревать его в совершении данного деяния, а с другой – осуществить превентивное ограничение его свободы для обеспечения производства ряда первоначальных процессуальных действий.

Однако, как неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, ввиду ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России постепенно сформировалась самобытная национальная модель досудебного производства, характеризующаяся бессистемным переплетением разных, в том числе плохо совместимых, элементов, присущих другим моделям досудебного производства, что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты [18, с. 64]. Именно этим и объясняются изъяны положений уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания для задержания подозреваемого.

По всей вероятности, разработчики УПК РСФСР 1960 г., а вслед за ними и авторы действующего УПК РФ просто не уделили должного внимания указанным обстоятельствам, сохранив для задержания подозреваемого прежний, хорошо апробированный, но при этом предназначенный для правоохранительных органов полицейского типа и явно не рассчитанный на использование в следственной практике правовой режим. Более того, складывается впечатление, что, формулируя основания задержания подозреваемого, законодатель окончательно запутался в указанных вопросах, поскольку в качестве одного из таковых предусмотрел «иные данные, дающие основания подозревать (!) лицо в совершении преступления» (ч. 2 ст. 122 УПК РСФСР 1960 г., ч. 2 ст. 91 УПК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение стоит отметить, что допустимый объем настоящей статьи заставляет автора ограничиться сказанным и не вносить сиюминутных предложений, направленных на совершенствование российского законодательства, в целях устранения выявленных нормативно-правовых изъянов и, как следствие, оптимизации правоприменительной практики. В этой связи целесообразно сформулировать лишь самый общий вывод: в условиях сохранения существующей системы механизмов выявления, раскрытия и расследования преступлений, с одной стороны, основанной на жестком разграничении процессуальных и непроцессуальных (полицейских) полномочий, а с другой – предполагающей наделение органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, *институт задержания подозреваемого в целом и основания задержания в частности не должны входить в предмет уголовно-процессуального регулирования и регламентироваться УПК РФ*. Представляется целесообразным разработать и ввести в действие отдельный законодательный акт, устанавливающий основания, условия правомерности и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления – по аналогии с некогда существовавшим Положением о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. № 4203-IX.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьев А.Д. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / А.Д. Соловьев, И.А. Гельфанд ; отв. ред. И.Д. Бондаренко. – Киев : Министерство охраны общественного порядка УССР, 1964. – 36 с.
2. Березин М.Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве / М.Н. Березин, И.М. Гуткин, А.А. Чувилев. – Москва : Академия МВД СССР, 1975. – 93 с.
3. Авдеев В.Н. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России / В.Н. Авдеев, Ф.А. Богацкий. – Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2006. – 160 с.
4. Ретюньских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И.А. Ретюньских // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 18–21.
5. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – Москва : ЮрИнфоР, 1999. – 541 с.
6. Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе / О.П. Копылова. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2011. – 120 с.
7. Россинский С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 10. – С. 71–79.
8. Ключков Е.М. Мера процессуального принуждения / Е.М. Ключков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1974. – 108 с.
9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1975. – 175 с.
10. Зайцева Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. – Минск : Харвест, 2011. – 224 с.
11. Смолькова И.В. Подозреваемый и его процессуальное положение в российском уголовном судопроизводстве / И.В. Смолькова. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 456 с.
12. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход / С.Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2019. – 188 с.
13. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания / И.М. Гуткин. – Москва : Академия МВД СССР, 1980. – 89 с.
14. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Козловский. – Свердловск, 1989. – 166 с.
15. Волошкина Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Волошкина. – Ростов-на-Дону, 2000. – 199 с.
16. Зайцев О.А. Подозреваемый в уголовном процессе / О.А. Зайцев, П.А. Смирнов. – Москва : Экзамен, 2005. – 320 с.
17. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – Москва : Статут, 2016. – 1278 с.
18. Россинский С.Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса / С.Б. Россинский // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 58–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 19.06.2023. The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 19.06.2023.

REFERENCES

1. Soloviev A.D., Gelfand I.A. ; Bondarenko I.D. (ed.). Detention of a suspect and application of preventive measures. Ministry of Public Order of the Ukrainian SSR Publ., 1964. 36 p.
2. Berezin M.N., Gutkin I.M., Chuvilev A.A. Detention in Soviet criminal proceedings. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1975. 93 p.
3. Avdeev V.N., Bogackiy F.A. Suspect in Russian criminal proceedings. V.N. Avdeev. Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2006. 160 p.
4. Retunskih I.A. About the grounds of detention of person, suspected of commission of crime. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2016, no. 1, pp. 18–21. (In Russian).
5. Grigoriev V.N. Detention of a suspect. Moscow, YurInfoR Publ., 1999. 541 p.
6. Kopylova O.P. Coercive measures in criminal proceedings. Tambov State Technical University Publ., 2011. 120 p.
7. Rossinsky S.B. Purpose of detention of a person suspected of committing a crime in the general mechanism of restriction personal freedom and inviolability. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 10, pp. 71–79. (In Russian).
8. Klyukov E.M. Measure of procedural coercion. Kazan University Publ., 1974. 108 p.
9. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. Voronezh University Publ., 1975. 175 p.
10. Zaitseva L.L., Purs A.G. Detention in criminal proceedings of the Republic of Belarus. Minsk, Harvest Publ., 2011. 224 p.
11. Smolkova I.V. The suspect and his procedural position in Russian criminal proceedings. Moscow, YurLitinform Publ., 2020. 456 p.
12. Rossinsky S.B. Detention of a suspect: constitutional-intersectoral approach. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 188 p.
13. Gutkin I.M. Current issues of criminal procedural detention. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 89 p.
14. Kozlovsky N.A. Suspicion in Soviet criminal proceedings. Cand. Diss. Sverdlovsk, 1989. 166 p.
15. Voloshkina N.N. Ensuring the constitutional right to privacy during the preliminary investigation. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2000. 199 p.
16. Zaitsev O.A., Smirnov P.A. Suspect in criminal proceedings. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 320 p.
17. Golovko L.V. (ed.). Course in criminal procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 p.
18. Rossinskiy S.B. The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of different types of criminal procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).

Научная статья
УДК 343.985.7
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.21

Original article

САЕТГАРЕЕВА Алисия Абелгасовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: alis_bubin@rambler.ru;
<https://orcid.org/0009-0006-8316-6939>

SAETGAREEVA Alisya Abelgasovna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ЗАКОННОСТЬ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ В ХОДЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПНОМ СООБЩЕСТВЕ

LEGALITY OF SEIZURE OF ITEMS AND DOCUMENTS IN THE COURSE OF OPERATIONAL
SEARCHES IN CASES CONCERNING CRIMINAL ASSOCIATION

Аннотация. Противодействие организованной преступности является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Расследование уголовных дел указанной категории, сбор доказательств, уголовное преследование лиц на досудебной стадии уголовного судопроизводства с учетом специфики и особой сложности таких дел должны проводиться с соблюдением всех требований действующего законодательства. Цель: анализ законности изъятия предметов, документов в ходе проведения гласного оперативно-розыскного мероприятия – обследования жилища. Методы: эмпирические методы сравнения, описания; теоретические методы формальной и диалектической логики; метод толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить допускаемые нарушения закона при изъятии сотрудниками правоохранительных органов в жилище документов, предметов, в том числе выведенных из оборота или ограниченных в обороте, в ходе оперативно-розыскного мероприятия, проведенного по требованиям ведомственного нормативного акта. Внесено предложение о необходимости руководствоваться нормами уголовно-процессуального законодательства при оформлении протокола изъятия предметов, документов

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие, обследование жилища, судебное разрешение, изъятие предметов, федеральный закон, протокол, инструкция

Для цитирования: Саетгареева А.А. Законность изъятия предметов, документов в ходе оперативно-розыскных мероприятий по делам о преступном сообществе / А.А. Саетгареева. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.21 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 182–186

© Саетгареева А.А., 2023

Abstract. Countering organized crime is one of the priorities of law enforcement agencies of the Russian Federation. The investigation of criminal cases in this category, the gathering of evidence and criminal prosecution of persons at the pre-trial stage of criminal proceedings, taking into account the specificity and particular complexity of such cases, must be conducted in accordance with all the requirements of the legislation in force. Purpose: to analyze the legality of seizure of items and documents in the course of a public operational search – a home inspection. Methods: empirical methods of comparison, description; theoretical methods of formal and dialectical logic; interpretation of legal norms. Results: the study reveals possible violations of the law when law enforcement officials confiscate documents and items, including those taken out of circulation or restricted in circulation, in the course of an operational search conducted according to the requirements of the departmental normative act. The author makes a proposal to use the rules of criminal procedure law when drawing up a protocol for the seizure of items and documents.

Keywords: operational search, home inspection, court permission, seizure of items, federal law, protocol, instruction

For citation: Saetgareeva A.A. Legality of seizure of items and documents in the course of operational searches in cases concerning criminal association. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 182–186 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.21.

ВВЕДЕНИЕ: ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОБСЛЕДОВАНИЕ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ»

При расследовании преступлений об организации преступного сообщества и (или) участия в нем одним из наиболее часто проводимых в соответствии с требованиями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон)¹ оперативно-розыскных мероприятий является обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, в ходе которого изымаются документы, предметы, в том числе выведенные из оборота или ограниченные в обороте.

Ведомственным нормативным актом, регулирующим порядок проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия, является Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – Инструкция)².

К примеру, в ходе расследования уголовного дела о функционировании преступного сообщества, специализирующегося на незаконном обороте наркотических средств, устанавливается участник преступной организации, в связи с чем в его отношении планируется проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе в его жилище. С этой целью сотрудники уголовного розыска получают судебное согласие на проведение гласного мероприятия по месту жительства подозреваемого, в ходе которого обнаружи-

ваются свертки с наркотическим средством. О ходе и результатах оперативно-розыскного мероприятия составляется соответствующий протокол. Обнаруженные наркотические средства изымаются на основании протокола изъятия, составленного в соответствии с требованиями Закона и Инструкции. Аналогичным образом на практике изымаются оружие (отдельные части), боеприпасы к нему, психотропные вещества, документы. В последующем материалы оперативно-розыскного мероприятия в установленном Законом порядке рассекречиваются и сотрудниками оперативных подразделений передаются должностным лицам органов предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (рапорт о передаче материалов регистрируется в КУСП), изъятые предметы осматриваются, постановлением следователя признаются и приобщаются в качестве вещественного доказательства по возбужденному уголовному делу.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ, ДОКУМЕНТОВ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОБСЛЕДОВАНИЕ ЖИЛИЩА»

При анализе действующего законодательства, устанавливающего порядок изъятия предметов и документов в ходе проведения обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, необходимо обратить внимание на несколько ключевых моментов:

1) в соответствии с п. 1 Инструкции ее действие не распространяется на обследование жилых помещений;

2) отдельный нормативный документ, регламентирующий порядок обследования жилища, не принят (имеет место пробел в законодательстве);

3) согласно ч. 1 ст. 15 Закона в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществляющее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519 (дата обращения: 13.04.2023).

² Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 01.04.2017 № 199 (ред. от 17.04.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9418 (дата обращения: 15.04.2023).

Разберем подробнее указанные правовые моменты.

В соответствии со ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В развитие указанного конституционного положения ст. 3 Жилищного кодекса РФ закрепляет правило о том, что никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных названным Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 8 ч. 1 ст. 6), возможно лишь в целях выполнения задач, предусмотренных ст. 2 Закона, и только при наличии оснований, указанных в его ст. 7, которыми являются, в частности, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (подп. 1 п. 2 ч. 1). Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционное право граждан на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения (ч. 2 ст. 8).

При этом проведение обследования помещений, зданий, сооружений, участков местно-

сти и транспортных средств закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовное дело еще не возбуждено либо когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу, но уже имеется определенная информация, которая должна быть проверена (подтверждена или опровергнута) в ходе оперативно-розыскных мероприятий, по результатам которых и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела³.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом проведение гласного оперативно-розыскного мероприятия – осмотра жилища – на основании полученного судебного разрешения является возможным и не противоречащим общим нормам действующего законодательства.

Вместе с тем при проведении гласного обследования жилища неверно ссылаться на нормы Инструкции, поскольку на это есть прямой запрет в самом нормативном акте. Данной позиции придерживаются и судебные органы⁴.

С учетом имеющихся пробелов в действующем законодательстве полагаем, что указанное оперативно-розыскное мероприятие должно быть проведено в соответствии с общими требованиями, изложенными в Законе для аналогично проводимых с судебного согласия оперативно-розыскных мероприятий.

На сегодняшний день часть юристов-практиков придерживаются мнения о законности изъятия предметов и документов в рамках проводимого оперативно-розыскного мероприятия (возможно до официальной регистрации сообщения о преступлении) на основании требований Закона, другие настаивают на необходимости их изъятия в строгом

3 По делу о проверке конституционности положения пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 09.06.2011 № 12-П [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519 (дата обращения: 13.04.2023).

4 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.07.2022 № 77-3475/2022 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7620 (дата обращения: 13.04.2023).

соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (после регистрации информации о противоправном деянии в КУСП).

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий составляется протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Однако законодателем не уточнено конкретное следственное действие, в рамках проведения которого возможно изъять предметы и документы.

В этой связи мы провели анализ положений ст. 164, 166, 167 (общие требования к следственным действиям), 176, 177 (осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов) УПК РФ, а также Инструкции. В целом, и осмотр места происшествия, и гласное оперативно-розыскное мероприятие – осмотр жилища – могут быть проведены до возбуждения уголовного дела, а в случаях, не терпящих отлагательств, – в ночное время. Для его проведения необходимо согласие проживающих в осматриваемом помещении лиц, а при отсутствии согласия – наличие судебного решения либо последующее уведомление суда. Аналогично для обследования в жилище требуется получение судебного согласия либо последующее уведомление суда (ч. 2 ст. 8 Закона).

Схожесть протокола следственного действия (в нашем случае мы анализируем протокол осмотра места происшествия) и оперативно-розыскного мероприятия (протокол изъятия при обследовании жилища) заключается в том, что они составляются в ходе следственного действия или сразу по окончании; от руки либо с помощью технических средств; при их составлении с уведомлением участников могут применяться другие технические средства; сами протоколы предъявляются и подписываются всеми участниками; могут содержать приложения; изъятые вещественные доказательства и документы могут быть признаны вещественными доказательствами.

В протоколе осмотра места происшествия, составленном в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, и в протоколе оперативно-розыскного мероприятия (изъятие при проведении обследовании жилища) указывается место и дата, время нача-

ла и окончания, данные составившего и каждого участвовавшего лица; описывается ход производства следственного действия либо оперативно-розыскного мероприятия; излагаются заявления лиц (в виде замечаний, дополнений, уточнений); возможно удостоверить факт отказа подписать его лицом, в чьем жилище проведено следственное действие либо оперативное мероприятие.

При проведении осмотра места происшествия можно привлечь к участию специалиста, переводчика, что прямо не предусмотрено Инструкцией и Законом (законодательный запрет также не установлен).

Кроме того, УПК РФ предусматривает возможность обеспечить безопасность участников путем скрывания данных, что не прописано в действующем законодательстве для проведения оперативно-розыскного мероприятия.

По нашему мнению, значительным отличием протокола осмотра места происшествия от протокола изъятия при проведении обследования жилища является обязательность разъяснения прав и обязанностей участникам под роспись при проведении следственного действия в соответствии с нормами УПК РФ. Закон и Инструкция данные требования к составлению протокола изъятия при проведении обследования жилища не содержат.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством при проведении осмотра места происшествия в протоколе указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов. Всё обнаруженное при осмотре должно быть предъявлено участникам осмотра.

При проведении обследования подлежат изъятию обнаруженные документы, имеющие признаки подделки, а также вещи, выведенные из гражданского оборота или ограниченные в обороте, находящиеся у лиц без специального разрешения.

Преимуществом в части соблюдения прав лиц является предусмотренная выдача заинтересованным лицам копии протокола проведения гласного мероприятия и протокола изъятия предметов, документов. Также Инструкция обязывает при изъятии документов изготавливать с них копии, заверять их и передавать лицу, у которого они были изъяты (с указанием об этом в протоколе). УПК РФ требование о выдаче копии протокола осмотра места происшествия не содержит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ действующего законодательства, учет преимуществ протокола, составляемого в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, в том числе обязательность разъяснения прав и обязанностей участникам следственного действия, показывают, что изъятие вещей, запрещенных или ограниченных в обороте, находящихся у лиц без специального разрешения, должно быть произведено с неукоснительным соблюдением требований ч. 1 ст. 15 Закона, согласно которой в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий

должностное лицо, осуществляющее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. То есть, обнаружив в ходе проведения гласного мероприятия – обследования жилища – вещи или предметы, подлежащие изъятию, незаконный оборот которых предусматривает уголовную ответственность, сотрудник правоохранительных органов должен принять меры для регистрации противоправного деяния в КУСП и в последующем по зарегистрированному сообщению провести следственное действие в целях изъятия указанных предметов и вещей, с составлением соответствующего требованиям УПК РФ протокола.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саетгареева Алисия Абелгасовна – аспирант кафедры криминалистики Института права, заместитель прокурора Орджоникидзевского района г. Уфы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saetgareeva Alisya Abelgasovna – postgraduate student of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Deputy Prosecutor of the Ordzhonikidze District of Ufa.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 30.08.2023. The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2023.3.22

Original article

ШАРИПОВА Алия Рашитовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: nord-wind23@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

SHARIPOVA Aliya Rashitovna
University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА – ПЕРСПЕКТИВА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

CONVERGENCE OF PROCEDURAL LAW – A PERSPECTIVE FOR CRIMINAL PROCEDURE

Аннотация. В статье рассматриваются причины выбора конвергенции, то есть сближения уголовно-процессуального права с арбитражным процессуальным, гражданским процессуальным и административным процессуальным, в качестве способа решения исторически накопленных и вновь возникающих проблем уголовного судопроизводства. Цель: выявить возможности конвергенции процессуального права для совершенствования отечественного уголовного процесса. Определяющим методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). Результаты: наличие огромного количества различий в регулировании сходных процессуальных отношений в разных ветвях процесса не всегда имеет достаточное обоснование отраслевой спецификой. На примере цифровизации права демонстрируется приемлемость универсализации определенных процессуальных групп норм по образцам цивилистического и административного процессов. Обосновывается идея отсутствия настолько существенной содержательной специфики уголовного судопроизводства, которая не позволяла бы проводить прямые параллели с другими видами судебного процесса. Нацеленность уголовного процесса на применение норм уголовного права и мер уголовной репрессии не должно влечь утраты этим процессом в его судебной части черт, присущих правосудию в целом: состязательного характера всех судебных процедур, равенства доказательственных и иных процессуальных возможностей для спорящих сторон, равной возможности констатации в итоговом судебном решении правоты сторон обвинения и защиты.

Ключевые слова: конвергенция, уголовный процесс, гражданский процесс, административный процесс, арбитражный процесс, цифровизация

Для цитирования: Шарипова А.Р. Конвергенция процессуального права – перспектива для уголовного процесса / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 187–191

Abstract. The article discusses the reasons for choosing convergence, that is, the approximation of criminal procedural law with arbitration procedural law, civil procedural law and administrative procedural law as a way to solve historically accumulated and newly emerging problems of criminal justice. Purpose: to identify the possibilities of convergence of procedural law in improving national criminal procedure. Methods: the method of comparative law is the determining method of the research. In addition, general and special methods are applied (analysis and synthesis, logical, special-legal). Results: the large number of differences in the regulation of similar procedural relations in different branches of the procedure does not always have sufficient sectoral justification. The digitalization of law demonstrates the acceptability of the universalization of certain procedural groups of norms according to the models of civil and administrative procedures. The author substantiates the idea of the absence of such a significant substantive specificity of criminal proceedings, which would not allow for direct parallels with other types of proceedings. The focus of criminal procedure on the application of criminal law and measures of criminal repression should not lead to the loss of the features inherent in justice as a whole: the adversarial nature of all judicial procedures, equality of evidentiary and other procedural opportunities for the disputing parties, equal opportunity to state in the final court decision the rightness of the prosecution and defense parties.

Keywords: operational search, home inspection, court permission, seizure of items, federal law, protocol, instruction

For citation: Sharipova A.R. Convergence of procedural law – a perspective for criminal procedure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 187–191 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.22.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние перманентной судебной реформы, уподобленное Л.В. Головкич вечному ремонту [1], особо заметно отразившееся на уголовном процессе, требует какого-то разрешения. «Остановить» реформу на текущем моменте, закрепив ее результаты как окончательные, как это предлагает упомянутый автор, вряд ли возможно. С другой стороны, перейти на более выверенный путь обновления процессуального законодательства необходимо. Приемлемой возможностью сохранения отечественной правовой традиции (вместо искусственно пересаживаемых на российскую почву иностранных нормативных структур разной величины, дающих далекие от ожиданий всходы вроде досудебного соглашения о сотрудничестве), концептуализации проводимых законодательных изменений зримой и достижимой целью при сохранении реальности осуществления цели является широко-масштабная межотраслевая процессуальная конвергенция.

ПОНЯТИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ

Термин «конвергенция», означающий в буквальном переводе с латыни «сближение», широко распространен в естественных и гуманитарных науках. Под конвергенцией в любом контексте понимается взаимный переход каких-то признаков или элементов раздельно существующих объектов или явлений. Характерно это для юридических наук вообще и для процессуальных наук в частности.

Конвергенция – понятие, относительно недавно вошедшее в юридическую науку и очень активно в ней развивающееся. После проникновения в философию, политологию, социологию и экономику в праве этот термин впервые был использован в работах Н.М. Коршунова [2]. Именно он создал и разработал соответствующую теорию, определив конвергенцию права как процесс взаимодействия отдельных элементов национальной правовой системы, а также отдельных правовых систем в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений [3].

Наибольшее внимание Н.М. Коршунов уделял сближению, взаимодействию и взаимному проникновению частного и публичного права. Его работа получила большой отклик у научной юридической общественности, разумеется, неоднозначный, с долей серьезной критики. Так, В.М. Барановым и Ю.Л. Мареевым поставлено под сомнение существование самого понятия «конвергенции частного и публичного права», поскольку «этим термином могут обозначаться практически любые мутации частного и публичного» [4, с. 345].

Правовая конвергенция рассматривается в юридической науке преимущественно в связке со сравнительным правоведением в контексте сближения разных правовых семей и в соотношении с такими явлениями, как правовая аккультурация, правовая глобализация и правовая рецепция. Наиболее основательные научные работы, посвященные конвергенции в праве, вышли из недр теории государства и права либо международного права. Соответственно, они посвящены понятию либо в максимально возможном абстрактном удалении, либо, как это принято в компаративистике, во «внешне-зарубежном» аспекте. К числу первых можно отнести предметную докторскую диссертацию О.В. Третьяковой «Юридическая конвергенция» (2012), а среди вторых назвать, например, докторскую диссертацию Ю.С. Безбородова «Методы и формы правовой конвергенции в международном праве» (2019). Разумеется, отдельные вопросы конвергенции подняты и рассмотрены в гораздо большем количестве исследований, но мы не ставим целью все их перечислить. Безусловно, дальнейшая разработка данного понятия будет происходить в рамках соответствующих научных специальностей, для нас же важно определиться с собственным пониманием термина «конвергенция» и его соотношением с иными известными юриспруденции близкими явлениями.

С точки зрения О.В. Третьяковой, юридическая конвергенция – это процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной

степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения [5, с. 8].

С учетом наработок О.В. Третьяковой межотраслевую процессуальную конвергенцию можно отнести по форме к внутренней (сближающие взаимодействия внутри системы права), по предмету – к правотворческой (с выходом на перспективы правоприменительной и интерпретационной). По применяемым методам межотраслевая конвергенция является преимущественно принудительной, а не добровольной; широко использоваться для нее могут специальные методы юридической конвергенции: гармонизации, синхронизации, комплементарности, присоединения и поглощения.

ПРИМЕНИМОСТЬ КОНВЕРГЕНЦИИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Взаимное обогащение разными видами судопроизводства друг друга, метко названное D.A. Sklansky и S. Yeazell перекрестным опылением (cross-pollination), имеет преимущества перед заимствованием иностранных процессуальных аналогов, хотя к последнему наука готова в значительно большей степени, чем к первому [6]. И в этом вопросе далекие друг от друга во многих смыслах американская и российская системы уголовного процесса (на уровне закона, практики и науки) показывают один и тот же предрассудок, определенный указанными авторами в следующих словах: «Мы более готовы перенять практику из иностранного государства, чем из соседнего зала суда» [6]. Так, уголовно-процессуальная компаративистика определяется А.А. Трефиловым в предметной монографической серии как «направление в юридической науке, ставящее своей задачей изучение иностранного уголовно-процессуального права и практики его применения путем исследования соответствующих нормативных, доктринальных и иных источников» [7, с. 19].

Развитая теория компаративистики имеет длительную историю, считая от знаковых работ К. Zweigert и Н. Kötz [8]. При этом широко цитируемая уже почти 50 лет лекция О. Kahn-Freund [9] о злоупотреблении наукой нормативными заимствованиями из чужеродных правовых систем ограниченное зна-

чение «традиционного» сравнительного правоведения показала уже тогда. Несмотря на регулярное обсуждение «побочных эффектов» транснациональных правовых заимствований (legal transplants) [10], авторитетные издания по сравнительному праву целиком посвящены именно им, допуская лишь эпизодические исследования о межотраслевых взаимодействиях.

Современные социально-экономические реалии, в принципе, располагают к конвергенции на разных уровнях, и не только в отношении юриспруденции. Открытость мира способствует сближению того, что ранее было полюсами противоположности, а философия права ставит задачу создания циклических нормативных массивов [11], межотраслевых комплексных образований (стратегические программы, программные законы, комплексные кодексы, нормативы договорного саморегулирования и т. д.) [12].

Однако современная геополитическая реальность дает основания считать, что в существовании любой национальной правовой системы возможно наступление таких периодов, когда ей надежнее ориентироваться на собственный правовой опыт, нежели на опыт вчерашних зарубежных партнеров.

ВОЗМОЖНОСТИ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ

Системность национального права сама по себе располагает к сближению всех его отраслей и отдельных правовых институтов. На этом фоне многие межотраслевые контрасты, выявляемые при сравнительном исследовании, нередко выглядят не имеющими рациональных объяснений.

Конвергенция – это перспектива процессуального права вообще и уголовного процесса в частности, что в разные годы приводило сначала к созданию, а затем к перманентной актуализации концепции судебного права. В основе этой концепции как раз и лежит фактор объективно необходимого сближения всех процессуальных отраслей. Судебное право – это единое ядро всех процедурных механизмов, обеспечивающих правосудие в стране. Оно представляет собой систему сходно или даже одинаково урегулированных процедур,

универсальных или аналогичных процессуальных институтов и имеет два важнейших разноплановых значения. Первое его значение, о котором упоминают сторонники концепции судебного права, заключается в выработке единых стандартов правосудия и через это в повышении его авторитета, укреплении судебной системы. Второе значение конвергенции лежит в плоскости уголовного процесса: конвергенция с другими судебно-процессуальными отраслями – это шанс для уголовного процесса на безболезненную и осмысленную модернизацию.

Для понимания возможностей и преимуществ конвергенции нужно предварительно ответить на два вопроса: по каким причинам отечественное процессуальное право в своей судебной части имеет максимально различную регламентацию одинаковых институтов? каково влияние этих различий на качество правосудия в отдельных его видах?

Что касается первого вопроса, то мы предполагаем, что абсолютное большинство различий в решении частных процессуальных вопросов, входящих в структуру судебных институтов, не имеют закономерных объяснений, связанных с различием природы процессов. Действующий УПК многое унаследовал от своего советского предшественника и, в отличие от стремительно формирующегося по социально-экономическому запросу общества АПК (и отчасти ГПК и КАС), вяло и медленно реагировал на изменение общественного строя России и самой действительности. Хотя идейный противник законодательных продуктов «неолиберализма» [1] профессор Л.В. Головкич и считает, что уголовный процесс России стал чрезмерно рыночным, вряд ли с ним можно согласиться в полной мере.

Поиск оптимальных решений для отдельных институтов уголовного процесса в целях его модернизации следует осуществлять в родственных процессуальных отраслях современного отечественного права, поскольку они, эти решения, уже прошли в соответствующих видах правосудия максимальную апробацию в актуальных условиях.

Исследование отдельных параметров качества правосудия по разным видам дел привело нас к выводу о существенном отставании уголовного процесса, по крайней мере,

в части некоторых измеримых критериев [13]. И хотя этот вывод вызвал критику со стороны теоретиков уголовного процесса, полагаем достаточным сопоставить развитое «электронное правосудие» по арбитражным делам (электронная подача заявлений и документов участниками процесса, основной электронный способ изготовления и направления судебных актов, электронная картотека арбитражных дел с привязкой к банку судебных актов и расписанию, удаленное ознакомление с материалами дела, открытость всем видам цифровых доказательств, возможность участия в судебных заседаниях через веб-конференции) и его уголовно-процессуальный аналог, находящийся в зачаточном состоянии. Как бы мы ни относились к цифровизации, она становится явным параметром соответствия современным требованиям любого общественного и правового механизма.

Тот факт, что каждая из отраслей процессуального права в силу его глубокого внутреннего единства постоянно имеет рядом с собой образцы для сравнения и заимствования, не является исключительной особенностью отечественного права. Ту же закономерность отмечают и в иностранной науке, причем независимо от конкретных проявлений разобщенности отраслей процессуального права, независимо от количества этих отраслей. Так, например, D.A. Sklansky и S. Yeazell, обнаруживая следующие не совпадающие с российскими элементы сходного (доказательственное право, этика профессиональных представителей) и различного регулирования (условия мировых соглашений и сделок о признании вины; возможность предъявления новых доказательств в суде, о которых не известно другой стороне; разное толкование ограничения возможности повторных требований, связанных с одним событием – доктрина *double jeopardy*; разная степень активности суда и жюри в разных видах судопроизводства и др.) в американском уголовном и гражданском судопроизводстве, приходят к тому же выводу о перспективности их сближения, конвергенции. Сходным является и их подход к научному продукту межотраслевой конвергенции – не перечень законодательных изменений, а «демонстрация преимуществ рассмотрения каждого вида судопроизводства в свете другого» [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объяснимых сущностных причин большого числа различий в отраслевом закреплении единых процессуальных институтов нет, а значит, нет и причин для непереносимого со-

хранения этих различий, если к их устранению что-то располагает. Этой целью является повышение качества правосудия по уголовным делам через его процессуальное сближение с правосудием по гражданским, арбитражным и административным делам.

Список источников

1. Головкин Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы / Л.В. Головкин // Закон. – 2019. – № 4. – С. 67–82.
2. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н.М. Коршунов. – Москва: Инфра-М, 2011. – 240 с.
3. Коршунов Н.М. К вопросу о социальной сущности конвергенции частного и публичного права / Н.М. Коршунов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 1 (77). – С. 8–10.
4. Баранов В.М. «Запоздалые» размышления о конвергенции в праве. Рецензия на монографию Н.М. Коршунова «Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики». М.: «Норма», 2011. 240 с. / В.М. Баранов, Ю.Л. Мареев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 344–353.
5. Третьякова О.В. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О.В. Третьякова. – Владимир, 2012. – 42 с.
6. Sklansky D.A. Comparative law without leaving home: what civil procedure can teach criminal procedure, and vice versa / D.A. Sklansky, S. Yeazell // Georgetown Law Journal. – 2006. – Vol. 94. – URL: <https://ssrn.com/abstract=706601> (дата обращения: 14.08.2020).
7. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран / А.А. Трефилов. – Москва, 2016. – Т. 1. – 1012 с.
8. Zweigert K. An Introduction to Comparative Law / K. Zweigert, H. Kötz. – Oxford University Press, 1998. – 708 p.
9. Kahn-Freund O. On uses and misuses of comparative law / O. Kahn-Freund // Modern Law Review. – 1974. – № 37 (1). – P. 1–27.
10. Reimann M.W. A Bottom-up view of legal transplants / M.W. Reimann // The American Journal of Comparative Law. – 2020. – Vol. 68, iss. 3. – P. 689–694.
11. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.
12. Бочков А.А. Методологические основы современной юриспруденции / А.А. Бочков, П.В. Гурщенков, Г.Ш. Бочкова // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 1. – С. 3–11.
13. Шарипова А.Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным, гражданским и административным делам: сравнение по отдельным параметрам / А.Р. Шарипова // Lex Russica. – 2020. – № 11 (168). – С. 53–61.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарипова Алия Рашитовна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharipova Aliya Rashitovna – Doctor of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023; одобрена после рецензирования 16.06.2023; принята к публикации 19.06.2023. The article was submitted 20.05.2023; approved after reviewing 16.06.2023; accepted for publication 19.06.2023.

© Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2023

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 3 (73) 2023.
Учредитель Уфимский университет науки и технологий.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 06.10.2023 г. Вышел в свет 13.10.2023 г.
Бумага писчая. Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 22,32. Уч. изд. л. 19,32. Тираж 500. Заказ 266.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Уфимского университета науки и технологий
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32